

Юлия Цытленкова

ЧАСТЬ 2

СЕРЫЕ КАМНИ

18+

Юлия Цыпленкова
Серые камни. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цыпленкова Ю.

Серые камни. Часть 2 / Ю. Цыпленкова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Раны на коже затягиваются, дурные сны исчезают, как дым. Но душевных ран не исцелить, память не рассеять. Она, подобно безжалостному палачу, рвет сердце на части, терзает воспоминаниями. Душа кровоточит, и не унять боли, потому что нельзя вернуться назад и что-то изменить. И тогда остается лишь Воздаяние тем, кто нанес губительный удар. Перворожденная Альвия Эли-Борг готова к мести, но клинок ее направлен в собственное сердце...

Содержание

Часть вторая	5
Глава I	5
Глава II	15
Глава III	27
Глава IV	39
Глава V	55
Глава VI	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Юлия Цыпленкова

Серые камни. Часть 2

Часть вторая

Глава I

– Грэйд!

Дверь открылась, но никто не вышел к лиору. Тайрад сузил глаза. Ноздри Перворожденного гневно раздувались, стиснутый кулак с силой впечатался в холодную стену, и Эли-Харт, издав невнятное восклицание, стремительно пересек расстояние от лестницы до входа в логово колдуна.

– Грэйд, пожри тебя твари Архона! – воскликнул лиор, врываясь в подземные покои.

Но вместо ответа он услышал громкое чавканье, а затем протяжный стон, почему-то живо напомнивший Тайраду о бродячих призраках. О них ему в детстве рассказывал кузен, бывший старше Тая на три года. Сейчас кузен нашел пристанище в семейном склепе. Он не справился с течением Быстрой, куда свалился во время посольства к Эли-Ториан. Это было еще в период сватовства лиора, и люди начали шептаться, что ничего хорошего из свадьбы Эли-Харта не выйдет.

Скрипнув зубами, Тайрад отогнал мысли о кузене и его глупых рассказах. Призраков лиор никогда не видел и не верил в них, что в детстве, что сейчас. Хотя, стоит признать, Эрхер тогда заставил его поволноваться, даже ночью приснилась какая-то гадость.

– Грэйд.

Лиор огляделся по сторонам, колдуна не было видно. Зато была приоткрыта дверь, где лежал мертвец. Смерд гниения заполнил обиталище Грэйда, но господина он больше не смущал. Тайрад так часто заходил сюда, что успел притерпеться к жуткому зловонию. Да и спускался под землю лиор, прежде смазав ноздри мазью, которую ему дал колдун, так что мерзкий запах стал почти неощутим. Но сейчас, слушая отвратительные звуки, доносившиеся из-за приоткрытой двери, Эли-Харту вновь стало не по себе.

Он сделал несколько осторожных шагов, приближаясь к месту черного колдовства, но становился, так и не решившись заглянуть внутрь.

– Грэйд, – понизив голос, позвал лиор. – Грэйд, ты там?

– Не заходи!

Опешив, Тайрад замер на месте. Этот рык не мог принадлежать щедушному колдуну, никак не мог. Грэйд разговаривал тихо, с придыханием. Речь его была тягучей и неспешной. И потому рев, наполненный силой и животной яростью, не мог исходить из глотки обессиленного мужчины. Дверь с грохотом закрылась, однако шагов лиор не услышал, словно ее захлопнуло порывом ветра.

– Архон, – Эли-Харт передернул плечами.

Он попятился назад, потому что чавканье возобновилось. Закрытая дверь, казалось, не приглушила его ни на малую толику. Тайрад пытался еще какое-то время, наконец, опомнился и стремительно развернулся. Он уже дошел до выхода из подземных покоев, пальцы сжали ручку, когда в спину прилетел шорох:

– Господин.

Лиор развернулся на пятках и воззрился на Грэйда. Тот стоял всего в нескольких шагах от него и смотрел на лиора пустым взглядом белесых глаз. Кожа колдуна показалась Тайраду

сегодня совсем белой, будто из него выпустили всю кровь. Хотя нет, кровь была. Она размазалась по лицу Грэйда, запеклась чернотой на губах, оставила алые пятна на светлом балахоне. Даже кончики волос покраснели.

– Боги, – сипло выдохнул Тайрад, вдруг поняв, кто чавкал всё это время. – Ты...

– Мне нужны силы, – бесстрастно произнес Грэйд.

– Сырое мясо...

Нет, не сырое! То, что пожирал колдун, дышало перед тем, как Грэйд вонзил в него свои зубы! Лиор в ужасе попятился, но уперся спиной в закрытую дверь.

– Чего ты опасешься, господин? – по-прежнему равнодушно спросил колдун.

– Это... – Перворожденный указал подрагивающим пальцем на своего чародея. – Ж... живая плоть.

Тот промолчал, лишь склонил голову к плечу, слушая господина.

– Эт-то же не... не ч... – Тайрад гулко сглотнул. – Не человечина? Грэйд, ты ведь не пожирал плоть подобного себе?! – последнее вышло истерическим вскриком.

– Что мой господин хотел от меня?

– Эти стоны... Грэйд, кто стонал?!

– Зачем лиор спустился под землю? – колдун пропускал мимо ушей вопрос за вопросом, он желал говорить только о деле Перворожденного, и Эли-Харт это понял.

Он изо всех сил старался не смотреть на дверь, за которой, возможно...

– Боги, – просипел лиор. – Боги...

– Здесь царствуют не твои Боги, – произнес Грэйд. – Здесь повелевает Смерть, и я – Ее верный прислужник, исполняю твои пожелания. Так что ты хотел, господин?

– Зачем тебе свежая плоть? – Эли-Харт никак не мог отделаться от размышлений о том, что же ел колдун. Его мысли раз за разом возвращались именно к этому вопросу, и взгляд помимо воли метался между Грэйдом и закрытой дверью, за которой начинался сам Архон.

– Много сил уходит, – ответило чудовище в человеческом обличье. – Смерд силен духом, он упрям и совестлив. Но не только это. Что-то мешает мне. Чужая воля. Она появляется неожиданно и пытается изгнать меня. Тот, кто творит чародейство, слабей меня, но в этом противостоянии я теряю больше силы, чем должно.

– Чародей? – глаза лиора расширились. Он вдруг перестал думать о кровавой трапезе Грэйда и подался вперед: – Им помогает чародей? Но откуда?

Колдун промолчал. Тайрад потер переносицу, пытаясь осмыслить слова Грэйда.

– Может, Альвия? Ее родовой дар. Никто из лиоров не открывает, в чем его Сила...

– Нет, – покачал головой колдун. – Дар лиоров силен только на их земле. Вы – хранители своих риоратов, но не владеете колдовством.

– Это да, – кивнул Перворожденный. – Тогда это может быть только чародей Альвии. Как там его... Ферим, кажется.

Грэйд сложил на животе руки, слишком похожие на голые кости, переплел пальцы и раздвинул окровавленные губы в едва заметной улыбке.

– Он не станет мне помехой, я закончу дело, господин.

– Но когда?! – воскликнул Тайрад. – Пока ты сражаешься с Феримом и Савером, беглецы доберутся до Эли-Борга, и тогда всё – конец!

– Отвлеките их, господин, не дайте передвигаться слишком быстро, – равнодушно пожал плечами колдун.

– Как?! Ты не отправил гончих!

– Разве ваши гонцы не успели разнести весть об изменниках?

– Разнесли, конечно, – отмахнулся Перворожденный. – Но Райверн не дурак, он не поведет Альвию по широкому тракту.

– Я делаю свое дело, господин, вы займитесь своим – произнес Грэйд. Он склонил голову и отступил назад. – Вам пора, Перворожденный.

Лиор бросил на колдуна гневный взгляд, но тот, как обычно, даже не заметил этого. Грэйд развернулся и направился к страшной двери. Тайрад больше возражений не имел. Он отвернулся от хозяина подземных покоев, схватился за ручку двери и стремительно выскочил в узкий темный коридор.

– Когда всё закончится, нужно будет избавиться от этой белесой твари, – пробормотал лиор и поспешил подняться наверх, где был свет и свежий воздух.

Только оказавшись среди стражи, охранявшей вход в подземелье, и рассмотрев лица, полные красок жизни, Эли-Харт вздохнул с облегчением. Он втянул носом чистый воздух без тлетворной примеси смрада разложения, после передернул плечами и устремился дальше, сгорая от желания помыться и сменить одежду. С этой мыслью лиор промчался по замку, влетел в свои покои и закричал:

– Приготовьте умывальню и другую одежду!

Пока слуги сновали, спеша исполнить приказание господина, тот расхаживал по покоям, нервно оттирая руки платком, и думал. Мысли Перворожденного неслись вслед трем беглецам, местонахождение которых оставалось неизвестным. Конечно, их искали, но сразу было ясно, что мерзавец Райв увел лиори Эли-Борга по подземным тоннелям дайров. Где они вышли на поверхность? Куда направить погоню?! Проклятый Грэйд...

– Пожри этого упыря твари Архона, – проворчал лиор и передернулся: – Бр-р-р.

Подавив брезгливость и неприязнь, Тайрад вернулся к размышлениям. Так вот, проклятый Грэйд обещал, что сможет видеть глазами своего посланца, когда тот влезет в тело смерда, но так и оставался слеп, потому определить местоположение беглецов не представлялось возможным. Они всё еще были в Эли-Харте, в этом сомнений не было. Раз ублюдок Кейр еще жив, значит, они не покинули горный риорат. А он точно жив, иначе его шавка Савер не продолжал бы сопротивляться внушению колдуна. И из всего этого следует, что по дороге дайров они не пошли...

– Значит, не врал, – усмехнулся Тайрад.

Когда-то он просил Райверна открыть подземную тропу, но тот ответил, что это невозможно, «кроты» не выпустят нежеланных гостей. Не солгал, паршивец, иначе бы он потащил Альвию под землей. Но Кейр трясется над боржской сукой... Нет, он бы не подверг ее лишней опасности.

– Дурак!

Лиор ударил кулаком о ладонь. Конечно, дурак! Эта баба поклялась уничтожить его, а Райверн спас ее. Зачем? Чтобы самому сдохнуть? Так зачем же было портить такую восхитительную задумку? Попросил бы, и Тайрад сам перерезал бы мученику глотку. А он тащится в Эли-Борг, зная, что его там ждет!

– Хватит, – лиор мотнул головой, заставляя себя успокоиться.

Итак, под землей беглецы не пойдут, и это увеличивает их путь до соседнего риората во много раз. Дольше, дальше, тяжелей. Где бы они ни были, но им придется идти по горам. Разумеется, они избегают поселений и проложенных удобных дорог, а это еще сильнее замедляет путников. На лошадях? Из Одела ушли пешими. Точно пешими. Успели купить скакунов? Для этого им надо войти хотя бы в глухую деревушку. Значит, оставят след. Хорошо...

Но если так никуда и не зашли, то продолжают свой поход пешими. Да, им удобней пешими, лошади не везде пройдут, где пролезет человек. Скакуны ускорят путь беглецов, но и выведут на проезжие дороги. Нет-нет, они так и будут идти пешком, по крайней мере, большую часть времени. А это уже шанс их поймать. Да, отличный шанс. Рано или поздно, но им придется приблизиться к какому-нибудь городу или замку, чей владелец успел получить послание лиора, потому не оставит без внимания слишком странную тройцу.

– Я занимаюсь своим делом, ты займись своим, – перекивлял колдуна Перворожденный. – Поучи еще меня, мокрица. Тьфу.

Свое дело лиор знал, грамоты с указом уже разлетелись во все концы риората, и это дает надежду если не на поимку, то хотя бы на еще большее промедление путников, если они попадутся на глаза хоть кому-то из риоров. А за это время, дадут Боги, и колдун влезет в душу Савера. Вот тогда уже никакой поимки не понадобится, очередная маленькая незаметная мушка прогрызет дыру в сердце Кейра, уничтожив все его надежды одним ударом.

– Скорей бы, – протяжно вздохнул Тайрад.

Еще надо будет отыскать тело лиори, чтобы подкинуть его боржцам. Вот тогда они уже никуда не денутся. Маленькая поганка получит свой венец, а он, Тайрад, второй риорат. А потом Лотт или Дин-Мар обрюхатят мерзавку, и после родов можно будет от нее избавиться. Да, всё еще может оказаться совсем недурно.

– Дай-то Боги, – Эли-Харт потер ладони и, скинув одежду, приказал: – Сжечь.

После отправился в умывальню. Настроение лиора заметно поднялось, и в воду он забирался, предчувствуя небольшое удовольствие от возможности полежать в горячей купели, отрешившись от всех неприятностей. Однако уже через несколько минут нахмурился. Радоваться особо было нечему. Вообще нечему!

Тайрад протяжно вздохнул.

– Ничего, – прошептал он, глядя в потолок. – Ничего-ничего. Всё наладится. Должно наладиться. Не может быть иначе. Столько времени и усилий не могут пропасть в никуда. Скоро я всё исправлю. Избавлюсь от боржской суки и ее упертого кобеля, и всё пойдет, как было задумано. Да, именно так.

Из умывальни лиор выходил и вовсе в благодушном настроении. Он подождал, пока слуги оботрут его и подсушат волосы, после оденут, причешут и утвердят на голове венец его власти. Оглядев себя в зеркале, Перворожденный пришел к выводу, что выглядит недурно, улыбнулся своему отражению и, потрепав за щеку ближайшего прислужника, покинул покои, довольный собой и всем миром.

Уже стоя за дверью, Тайрад с милостивой улыбкой оглядел свои владения, умиротворенно вздохнул и направился на половину жены, решив, что настроение располагает для общения с семьей. В последнее время отношения супругов сильно разладились. Дурное расположение духа сказывалось на близких. Лior стал заходить к Алларис каждый день. Он шел, чтобы помириться с ней, потому что разлад мог сказаться и на отношениях с самыми надежными его союзниками. Уж больно трепетно Эли-Ториан относились к своей крови. Но стоило Эли-Харту увидеть жену, как он вспомнил слова ободрения, сказанные ею в адрес предателя, и раздражался с новой силой. Да и подозрения в неверности отпускали с трудом, несмотря на все доводы, которые приводил себе Тайрад. Он привык строить козни, он привык к любовным связям и судил других по себе, меряя собственной мерой.

Однако сейчас Тайрад чувствовал себя спокойней, несмотря на то, что о беглецах не было вестей. Собственные соображения вселили в душу Перворожденного уверенность, что всё еще можно исправить. Он прошел мимо женских покоев, здесь жили дамы, служившие лейре Харт. На одной из дверей лиор задержал взор и криво усмехнулся. Здесь уже никого не было. Миалина покинула Харт еще два дня назад. Хотя это было слишком громкое слово. Обессиленную женщину, измученную извращенной страстью господина, вынес на руках один из стражников, согласившийся взять в жены благородную вдову. Это было еще одним наказанием. Тайрад унизил ее союзом со смердом, забрал земли и состояние, оставив супругам только ларчик с драгоценностями, которые он сам подарил своей любовнице. Однако и на них наложил запрет на продажу, пообещав, что каждый год его посланник будет проводить опись того, что лежит в ларце. Смотреть можно, трогать, надевать, вспоминая былую жизнь при дворе лиора тоже, а продать или обменять невозможно. Более того, за утрату драгоценностей супругам грозила

смертная казнь. Тайрад обязал их трястись над ларцом, не имеющим для них никакой пользы. Впрочем, Миалина, кажется, готова была даже на блуждание по дорогам Эли-Харта, лишь бы подальше от замка его господина. Что до стража, то он, похоже, был даже рад неожиданному подарку – лейра Иглис пленяла своей красотой не только сердца знатных риоров. Что из всего этого выйдет, Перворожденному было даже любопытно.

– Не захотела ласки господина, получай любовь скотника, – сказал бывшей возлюбленной на прощание Тайрад.

Она открыла глаза и посмотрела на Эли-Харта затуманенным пеленой страданий взором. Красота ее померкла, лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, на скуле чернел безобразный синяк. Лейра хрипло вздохнула, облизала потрескавшиеся пересохшие губы и тихо произнесла:

– Хвала Богам за их щедрый дар.

Лиор опалил женщину ненавидящим взглядом, после повернулся к ее мужу и зло велел:

– Убирайтесь!

В тот день Тайрад еле сдержался, чтобы не отправить преследователей и не расправиться со шлюхой, посмевавшей даже в своем унижении возразить ему. И лишь спешные дела, отвлекшие кипевшего негодованием лиора, не дали ему воплотить задуманное. Постепенно Эли-Харт успокоился и решил, что еще накажет Миалину и за это, но потом, когда она познает всю глубину своего падения. А сегодня ему было и вовсе всё равно. Да, определенно неплохой день.

Лиор приблизился к покоям жены, кивнул стражам, приветствовавшим господина, и вошел в двери. Первым, что услышал Тайрад, были звуки вертая – пятиструнного музыкального инструмента. Нежный женский голос выводил знакомую Перворожденному песню, он ее слышал еще на землях Эли-Ториан, потом Алларис пела ее супругу, желая порадовать. Песня была приторной, и впечатлительным девицам нравилась, а вот Эли-Харт выслушал ее с милой улыбкой, поблагодарил жену за такое признание в любви коротким поцелуем и ушел, тихо фыркая.

Сегодня же он даже искренне улыбнулся, слушая слова. Если Алларис по-прежнему готова внимать этой песне, значит, не всё так плохо между супругами. Нужно быть с ней поласковей. Если лейра Харт начнет жаловаться своему отцу, то это только усложнит жизнь. Тайрад кивнул своим мыслям и прошел вглубь покоев, откуда неслась мелодия.

– Отец! – воскликнул Тайрэн.

Он сделал шаг в сторону лиора, однако тут же остановился, растерянно глядя на родителя. Эли-Харт почувствовал досаду – сын всегда спешил навстречу отцу, а сейчас переминался с ноги на ногу, не решаясь подойти. И виной тому был сам Тайрад. В последний раз, когда лиор в раздражении покидал покои супруги, он отмахнулся и от сына, рявкнув:

– Когда я пожелаю поговорить, то сам призову тебя.

Да, надо исправить и это. Между ними с Тайрэном должен быть мир. Надо бы побольше времени проводить с сыном. Бриар таскал за собой Альвию, и она смотрела на отца глазами преданной собачонки. «Чтобы сравниться с ним, тебе нужно родиться заново», – прозвучали в голове Эли-Харта слова лиори, сказанные на свадьбе в Фарисе. Тайрад фыркнул. Вот еще. Он и без того хорош, как есть. И уж точно не собирается равняться на дурака Эли-Борга, которому весь его хваленый ум не помог избежать смерти от руки убийцы.

– Тайрэн, дитя мое.

Лиор раскинул объятия, и мальчик все-таки сорвался с места. Тайрад подхватил сына, поднял его на руки и поцеловал в щеку. После подошел к супруге, уже поднявшейся на ноги и склонившей голову. Тоже неправильно. Она должна спешить вслед за сыном, чтобы приветствовать своего мужа и господина, но вместо этого ее губы подрагивают в нерешительной улыбке.

– Душа моя, что же ты не встречаешь своего супруга, – улыбнулся ей лиор. – Неужто не скучала?

– Мы всегда скучаем без вас, мой возлюбленный, – ответила Алларис, несмело заглядывая в глаза мужа. – Но в последнее время вы сердитесь на нас, и мы не понимаем, в чем провинились перед вами.

– Ни в чем, душа моя, – лиор опустил сына пол и сжал плечи жены. После коснулся ее лба губами, затем щеки и третьим поцелуем задел уголок рта.

Женщина охнула и покосилась на мальчика. Это позабавило Тайрада. Он провел тыльной стороной ладони по щеке жены, поймал ее восторженно удивленный взгляд и присел на кушетку, на которой до этого сидела лейра Харт. Служанка, исполнявшая любовную песню, всё еще стояла, замерев в поклоне, и господин ей милостиво кивнул. Затем поманил жену, указал ей на место рядом с собой, улыбнулся сыну, и когда тот подошел, поднял к себе на колени.

– Где Эймис? – спросил счастливый отец семейства.

– Эймис отдыхает, – ответила Алларис. – Ее ночь была беспокойной, выходит новый зубик.

– Хорошо, не будем тревожить дочь, – не стал спорить Тайрад. Он посмотрел на служанку и указал на скамеечку, на которой она сидела до этого: – Сыграй нам что-нибудь.

Девушка поклонилась и вновь взяла в руки вертай. Лицо лиора озарилось улыбкой, и он повернул голову к жене.

– Как проходит твой день, душа моя? Не желаешь ли прогуляться со мной?

– Да! – воскликнул Тайрэн.

– Это было бы чудесно, – искренне обрадовалась лейра Харт.

– Тогда не станем откладывать. Вели принести для Тайрэна одежду потеплей, и пусть спускается с нянькой к конюшням. Мы вскорости догоним их.

Алларис удивленно взглянула на мужа.

– У вас ко мне какое-то дело, возлюбленный?

– Возможно, – улыбнулся лиор.

Нет, он не собирался сейчас идти ни на какую прогулку, это решение появилось спонтанно. И сияние в глазах лейры Харт пробудило в Перворожденном еще одно неожиданное желание. Впрочем, почему неожиданное? Разве не собирался он быть с женой ласковой? Почему бы и не сейчас, когда на душе его легко, и тревоги не омрачают настроение? Да и пора бы уже превратить скромницу в настоящую женщину. Сколько можно искать на стороне то, чего не может дать ему супруга? Пришло время и Алларис познать прелести настоящей страсти.

С этими мыслями Тайрад наблюдал, как мечется его супруга по покоям, раздавая распоряжения. Бросил взгляд на сына, подпрыгивающего от нетерпения, и самодовольство лиора отразилось на его лице очередной покровительственной улыбкой. Мысли Эли-Харта уже умчались в иную сторону от прогулки, и предвкушение вызвало легкое возбуждение.

Вскоре Тайрэна увели. Алларис отправила прочь прислугу и развернулась к мужу, готовая внимать ему. Лior дождался пока закроются двери и поднялся с кушетки. Он неспешно приблизился к супруге, рывком привлек ее к себе и впился в губы. Лейра Харт, ошеломленная напором, ненадолго застыла в руках Перворожденного, чутко прислушиваясь к тому, что он делает. И когда Тайрад потянул подол платья вверх, женщина... испугалась.

Она не привыкла к такому вниманию супруга, не видела радости в его страсти, не познала наслаждения. Всё, что имела за душой Алларис, – это правила и догмы, вбитые ей в голову строгими учителями. И никто из них не сказал, что близость супругов может происходить не только в спальне под покровом ночной темноты. И сам ее супруг не спешил что-то менять в мировоззрении своей жены. Напротив, он тщательно поддерживал и одобрял багаж знаний,

привезенный его супругой из родного дома. А сейчас, когда губы лиора блуждали по шее женщины, оставляя дорожку влажных следов, в душе лейры родился бурный протест.

Она зажмурилась, пытаясь увернуться от страсти мужа, уперлась ему в грудь кулаками и вскрикнула:

– Что вы делаете?!

Тайрад отстранился. Дыхание стало тяжелым, и в глазах, затянутых поволокой возбуждения, отразилось непонимание. Наверное, впервые за все супружеские годы он по-настоящему хотел близости со своей женой. И сейчас не мог сообразить, отчего на ее лице застыл испуг, и сопротивление становится всё ожесточенней. Наконец, очнулся от собственных желаний и понял ошибку. Да, с Алларис нужно иначе...

– А что я, по-твоему, делаю, душа моя? – спросил он с улыбкой, взяв лицо жены в ладони.

– Вы... вы меня домогаетесь, – в голосе лейры проскочило возмущение.

– Я твой муж, ты – моя жена, разве это не лучший повод для... домогательств? – усмехнулся Тайрад.

– Но сейчас день! И мы не в опочивальне...

– Разве для любви возможны границы? – помимо воли и желания быть терпеливым, лиор ощутил первый укол раздражения. – Если дело в месте, мы можем перейти в опочивальню.

– Но сейчас день! И наш сын, он ведь дожидается нас...

– И ты сама затягиваешь время нашего отсутствия. Алларис, – Эли-Харт вновь обнял жену за талию и притянул к себе: – Дорогая, разве не долг жены доставлять радость мужу?

– Вы говорите о детях, возлюбленный? – настороженно спросила женщина. – Я готова родить вам еще десять детей и принять ночью, потому что иначе чрево мое останется пустым...

– Чрево? – переспросил Тайрад. – Чрево?! То есть ты готова терпеть мои притязания только для того, чтобы твое чрево наполнилось?

– Но ведь ради этого всё и происходит! – возмущенно воскликнула женщина. – Вы взяли меня в свой замок для того, чтобы я рожала вам детей! И я приняла ваше желание, потому что полюбила вас! Любовь соединяет мужчину и женщину для того, чтобы они создали союз, итогом которого станет продолжение мужчины, подаренное ему его женщиной. Только так и не иначе. Боги устроили нашу жизнь мудро. Они сводят живых тварей для того, чтобы жизнь на земле не угасла. И именно для этого пары всходят на ложе. В иное же время они наслаждаются иначе. Люди находят радость в обществе друг друга. А соитие ради соития – постыдно и грязно! Если бы вы возжелали другую женщину, кроме своей жены, вы были бы... преступником! Но вы ведь не такой, мой возлюбленный, – она накрыла грудь лиора ладонями и заглянула в глаза: – Вы чистый и честный. Я знаю это, потому что знаю вас, Тайрад. Иного я бы не смогла полюбить.

Эли-Харт поперхнулся. Он хмыкнул, попытался сдержаться, но уже через мгновение заходился от истерического хохота. Чистый и честный?! Она знает его? Его?! Да что знает эта клуша, живущая, словно цветок в оранжерее?! Что она знает о зимних вьюгах, о ливне, о граде, о палящем солнце? Что может знать о жизни цветок, распутившийся в оранжерее?! Это он, Тайрад, столько времени ухаживал за этим растением, удобряя его светлыми сказками и увлажняя иллюзиями. Он оберегал цветок от суровой правды, царящей за дверями ее покоев, а, оказывается, она знает своего мужа?!

– Отчего вы смеетесь? – обиженно произнесла Алларис. – Что так развеселило вас? Что я неверно сказала?

– Всё! – воскликнул Перворожденный. – Ты сказала неверно всё, кроме единственного – я действительно привел тебя в свой замок рожать детей. И ты с этим успешно справляешься, моя ненаглядная несучка. Только теперь я хочу видеть в тебе еще и женщину. Женщину, понимаешь? Ты мечтала о ласках, и я готов дать их тебе. Пора бы уже узнать, сколько радости может принести соитие ради соития.

Он подхватил жену на руки и отнес ее к кушетке.

– Именно днем, именно здесь, – зло усмехнулся лиор, уложив женщину.

– Нет! – лейра попыталась вывернуться. – Вы оскорбили меня, теперь хотите еще и унижить, Тай?! Вы этого не сделаете!

– Разумеется, не сделаю, – Эли-Харт перехватил руки Алларис и завел их ей за голову. Его колено протиснулось между сжатых ног женщины, разведя их в стороны: – Как муж может унижить жену своими притязаниями? Я беру то, что принадлежит мне по праву. Где хочу, когда хочу и как хочу. И даже если завтра мне взбредет в голову взять тебя на крепостной стене на глазах у стражи, я это сделаю, потому что в своем праве мужа, и никто не смеет оспорить его. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

– А как же я? – глаза Алларис расширились. – Вам совсем неважно, что я чувствую?

– Важно. И сейчас я хочу, чтобы ты чувствовала покорность и желание доставить мне удовольствие...

– Вы хотите! – нервно воскликнула женщина, дернувшись, но так и не освободившись от хватки супруга. – Разве не была я покорной? Разве не блюла вашу честь и ваши интересы? Вы подолгу не вспоминали обо мне, но я никогда не пеняла вам на это, лишь слегка обнажая обиду. Когда вы просили меня дать согласие на наш союз, вы обещали, что я стану с вами счастливой. Я нашла свое счастье в служении вам. Я любила вас искренне и безответно! Да-да, я не так глупа и слепа, как вы думаете, и все-таки вы получили мою любовь и послушание. Никогда и ни у кого я не пыталась вызнать, как вы проводите ваши ночи, доверяла вам, почитала и продолжала хранить верность. Так за что вы сейчас наказываете меня нежеланием услышать моей мольбы?

Тайрад ощутил, как раздражение всё выше поднимает голову. Злость, едва мелькнувшая, начала распятыться с новой силой. В Архон! Что удумала эта женщина, чья жизнь отдана ему? Кто она, чтобы сместь перечить ему? И в чем?! В его законном праве! Та, кто должна заирать подол по первому требованию супруга, пытается отказать ему в праве мужа и господина!

– Я не простая лейра, Тай, я – дочь лиора! Вы не смеете пренебрегать моими желаниями! Если вы не прекратите ваших издевательств, я напишу отцу, и он будет иметь с вами разговор...

И вот тут Тайрад Эли-Харт взорвался. Дочь лиора! Что такое – дочь лиора? Никакой ценности для рода, всего лишь разменная монета, которую можно пустить в оборот, чтобы заключить необходимый союз с другим риоратом. И она, эта монета, вздумала угрожать? И кому! Глупая клуша возомнила, что имеет власть над своим господином? Вздумала пугать родственниками! Плевать ему на ее родственников, плевать на их разговоры и увещания. Тайрад всегда мог провести их, проведет и сейчас, а дорогой супруге придется, наконец, признать, что она такое в его жизни. В Архон ласку, в Архон эти игры. Всё будет так, как скажет он.

Алларис всё еще боролась, пытаясь вывернуться из-под тела мужа. Она зывала к нему, но лиор уже был глух. Он сжал щеки женщины пальцами, склонился к ее лицу, заглянул в глаза, вдруг наполнившиеся страхом, и растянул губы в ухмылке.

– Тай, – потрясенно прошептала лейра. – Что с вами, Тай? Остановитесь...

– А он бы остановился? – вдруг спросил Эли-Харт. Злость всколыхнула всю ту муть, что покоилась на дне его души, и необоснованная ревность, которой, казалось, уже не осталось места, вновь высоко задрала свою уродливую голову. Она зашептала лиору в ухо, напоминая о том, что его доверие уже обманывали, и признание Алларис: «Да, он мне нравится», – нашло отклик в признании Миалины: «Только с ним и было хорошо». И пусть эти высказывания имели разный смысл, но сейчас Тайрад увидел схожесть в поведении изгнанной любовницы и жены. – Он бы остановился? Отвечай!

– Кто?! – сквозь слезы воскликнула лейра Харт. – Я не понимаю!

– Райверн Дин-Одел, – выплюнул ей в лицо Тайрад. – Твой обожаемый Райв! Как бы он обошелся с тобой?

– Почему вы говорите об этом риоре? Тай, я совсем ничего не понимаю...

– Зато я понимаю, – усмехнулся Эли-Харт. – Ты такая же шлюха, как и все остальные. Такая же лживая лицемерная тварь! Я тебе не угоден? Может, тогда угоден кто-то другой?

– Тай!

Он вновь сжал щеки жены, причиняя ей боль, и закричал:

– Заткнись, заткнись, заткнись!!!

После вскочил на ноги и дернул лейру с кушетки, рывком развернул и бросил обратно, теперь на живот. Женщина сильно ударилась коленями об пол. Она вскрикнула, заскулила, упрашивая мужа одуматься. Но тот задрал подол ей на голову, стянул исподнее и опустился на колени позади Алларис. Женщина снова дернулась, но муж придавил ее ладонью к кушетке. Ее сопротивление только еще больше раззадорило лиора, и, когда он приспустил штаны, его естество уже было налито силой.

Тайрад оглядел голый зад жены и криво усмехнулся:

– Что крестьянка, что лейра, что дочь лиора – сзади не поймешь. Что верная жена, что подлая шлюха – все одинаковые, – и толкнулся вперед, входя в сухое лоно перепуганной женщины. Она вскрикнула и получила увесистый шлепок по ягодице. Эли-Харт хохотнул, впился пальцами в нежную кожу ее бедер и задвигался, уже не слушая всхлипов и причитаний Алларис...

Когда Тайрад уходил, женщина, растоптанная произошедшим, горько рыдала на полу.

– Вы... вы не такой, как я думала, – разобрал лиор сквозь нечленораздельные подвывания. – Вы нехороший, злой... Вы – животное...

– Всего лишь твой возлюбленный муж, – усмехнулся Тайрад, поправляя одежду. – С этого дня я не желаю слышать возражений и угроз. Посчитаем уроком то, что случилось. Если продолжишь вести себя вызывающе, я продолжу учить тебя покорности. Станешь разумной, награжу ласками. Всё зависит от тебя, Алларис, как мы станем жить дальше. И еще, – он нагнулся, подцепил женщину за подбородок и вынудил смотреть на себя: – Не вздумай пугать меня родней. Ты – моя жена, и никто не посмеет указывать мне в моем доме. Надеюсь, ты все поняла с первого раза.

Эли-Харт прошел к дверям, обернулся, бросил еще один взгляд на жену и милостиво позволил:

– Можешь остаться в покоях и привести себя в порядок. С Тайрэном мы прогуляемся вдвоем, как и должно отцу и сыну.

– Я больше не буду любить вас, – услышал он за спиной ее сдавленный всхлип. – Не буду...

– А мне твоей любви и не надо. Достаточно покорности, – усмехнулся себе под нос лиор и покинул покои лейры Харт.

Раскаяние? Нет, его не было. И хоть разум нашептывал, что он допустил ошибку, самоуверенность и упрямство отказывались слышать этот слабый довод. Он в своем праве, на своей земле и со своей женой. Если Эли-Ториан что-то не понравится, то они могут катиться в Архон! Да и кто им расскажет? Алларис не осмелится, а если и отправит послание с жалобами, то ее письма проходят изначально через его руки. Огласки не будет.

– Господин!

Эли-Харт обернулся и вопросительно приподнял брови. К нему спешил приближенный риор.

– Известия, господин!

– Что там? – нахмурился Тайрад. Он уже привык к дурным новостям, и взволнованное лицо высокородного ему не понравилось.

– Их нашли, – понизив голос, сообщил приближенный. – Трое пеших путников: двое мужчин, на лице одного из которых шрамы, и одна черноволосая женщина – прошли через

Хилип. Люди риора Дин-Брайса случайно услышали о них при въезде в город. Они провели расследование и удостоверились в том, что это именно те, кого вы разыскиваете, господин. После доложили своему хозяину, и риор Дин-Брайс снарядил погоню за предателями.

– Хилип?

– Они останавливались там на ночлег. Вошли в город по темноте и вышли утром.

– А в город пошли, чтобы избежать встречи с Брайсом, – кивнул Тайрад, и его взгляд стал задумчивым. – Но не избежали. Значит, ты ведешь ее по западному хребту, Райв. – Лицо риора озарилось улыбкой. – Отличные новости, Нейр, просто замечательные!

Эли-Харт хлопнул приближенного по плечу и, заложив руки за спину, направился к конюшням, мурлыкая под нос легкую песенку. Да, определенно сегодня прекрасный день!

Глава II

Одиноким факел успел прогореть наполовину. Он давал еще достаточно света, но не рассеивал густых черных теней по углам. Казалось, они жили собственной жизнью, а может кто-то скрывался во тьме, только одинокому узнику не было дела до тайного соседа, шуршавшего где-то за пределами видимости. Риор лежал на узкой лежанке, вытянув руки вдоль тела, и смотрел в потолок равнодушным пустым взглядом. Ему был безразличен тихий крысиный писк, далекое бряцанье оружия стражи, переходившей с места на места, их приглушенные голоса и даже догорающий факел. И если бы прямо сейчас смоляной светлячок исчез, узник, скорее всего, этого не заметил.

Тиен медленно выдохнул, но положения тела не сменил. Он лежал словно мертвец в своем склепе. Впрочем, почему как? Это и был склеп. Темный, сырой, мрачный и молчаливый. И он, Тиен Дин-Таль, был обречен на существование в этом склепе, возможно, до своей смерти, когда заговорщики явятся, чтобы убрать единственную угрозу своему благополучию, или же когда советники придут к выводу, что он враг, и тогда явится палач, чтобы свершить правосудие, несправедное, но неотвратимое. В любом случае, выйти отсюда уже вряд ли удастся. Никто не придет помочь, никто не откроет дверь камеры, чтобы выпустить пленника на свободу. Друзей у риора не осталось.

Он был один, совсем один. Ему не верили. Но даже если и приняли его слова, то не спешили им доверять. Это было правильно, разумно. Тиен и сам бы не спешил поверить тому, кто остался невредим среди мясорубки. Особенно, когда в свое оправдание он рассказывает невероятные истории. Дин-Вар умен, и он сумеет разобраться, где ложь, а где чистая правда, но для этого нужно время. А еще, чтобы он оставался верен лиори.

Дин-Таль усмехнулся. Он тоже не верил тем, кто заточил его сюда. Среди них скрывался лжец, или все они были лжецами, кто знает? Кого успел опутать сладкими речами Эли-Харт? Кто затаил злобу на свою госпожу и ждал мгновения, когда ядовитое жало вонзится ей в спину? Мог каждый из них. Как мог и он сам лгать, глядя в глаза Совету, в желании спасти свою шкуру и довести замысел до конца.

Смутные времена... Времена неверия и подозрений. Кто друг, кто враг? Разве разберешь? Невозможно заглянуть в чужую душу, невозможно увидеть затаенных мыслей, невозможно узнать то, о чем молчат уста. Страшно... Тени заполнили Борг, расползлись по углам, расчертили высокие потолки, забились под пол и следят за людьми, потерявшими опору. Зазеваешься, и тебя захватят в ледяной плен, опутают по рукам и ногам, пролезут в душу, заморозят сердце и превратят в пустую оболочку, за которой больше не горит огонь. Только злоба и ненависть.

Живой горячий светоч покинул Эли-Борг. Он по-прежнему сияет где-то там, за пеленой холодной тьмы, но его лучи не дотягиваются до тех, кто в благоговении преклонял перед ним колени. Сама жизненная ось пошатнулась, лишив боржцев надежды и веры в будущее. И теперь только тени и недоверие царят на щедрой земле осиротевшего риората... Подумать только, исчез всего один человек, а будто выдернули камень из основания, казалось, крепкой башни, построенной на века. И теперь эта башня накренилась, угрожая упасть и рассыпаться.

Дин-Таль закрыл глаза. Он ничего не мог исправить. Не мог вернуться в злополучный день и увести свиту лиори на иную дорогу. Людям не дано управлять временем. Этот незримый колосс, до которого нельзя дотянуться, которого невозможно ощутить кожей, вот кто истинный бог и властелин человеческих судеб. Время дарует жизнь, а потом забирает ее минута за минутой, и вырвать для себя даже короткий миг невозможно. Безжалостный и жестокий бог Время. И хоть кричи навзрыд, хоть клянись всем святым, но путь назад уже не откроется: будь то вчера, или восемь лет назад.

А еще есть Память. Богиня, полная ядовитого сарказма и издевки. Человеку не дано управлять временем, и только глупец твердит обратное. Зато память не щадит, она легко отматывает годы назад и открывает то, чего ты не хотел видеть раньше, например, чужой боли и одиночества, несбывшихся надежд и веры в честь и совесть. А теперь, когда ты сам встал на ту же дорогу, когда даже друг готов отвернуться от тебя, Память и Время хохочут, склонившись над тобой.

Тиен не хотел думать о том, как доказать свою невиновность, не хотел искать оправданий. Он вообще не хотел ни о чем думать. Все его мысли становились похожи на комариный писк, едва слышимый за хохотом двух безжалостных богов. И Дин-Таль покорился им, позволив вновь унести себя в прошлое. Зеркало его души все еще было мутным. Достаточно высокородный риор наслаждался своим искаженным отражением. Пора было стереть последнюю муть и, наконец, увидеть настоящее лицо того, кто скрывается в туманной глубине. Пора взглянуть самому себе в душу, пора...

* * *

– Высокородный риор.

Тиен обернулся на звук скрипучего голоса, принадлежавшего древней старухе, замершей за его спиной. Она протянула риору сложенный лист грязной измятой бумаги.

– Возьмите, высокородный риор, – проскрипела старуха, – это вам.

– Что это? – нахмурившись, спросил Дин-Таль.

– Пришло время исполнить клятву, высокородный, – ответила женщина и сунула ему в ладонь записку.

Риор поднял руку и взглянул на ладонь, в которой был зажат клочок бумаги, а когда поднял голову, старухи уже не было рядом. Первой мыслью Тиена было выбросить это послание, но он не выбросил. Сердце отдалось гулким ударом под ребрами, щеки опалило огнем, и в горле пересохло. Он знал, от кого это послание. Понял сразу же, оттого принял, и поэтому же хотел сразу выбросить. «Пришло время исполнить клятву...».

– Райв, – хрипло произнес Дин-Таль и облизал губы.

«Клянусь стать защитой в черный день и поддержкой в минуту радости. Ни злой навет, ни острый клинок, ни лживый морок не отвратят мой взор от тебя. Верный меч и крепкая рука всегда будут принадлежать тебе. Я пролью свою кровь, я отдам свою жизнь, когда придет время, и Боги призовут меня к ответу. Кровь за кровь, душу за душу. Признаю в тебе брата, не по родству, но по крови. И пусть Высшие Силы станут мне свидетелями, ибо вверяю тебе честь свою по зову сердца и без сомнений».

Так говорили они, сжав окровавленные ладони. Так клялся Райверн, глядя в глаза Тиена чистым открытым взором, так клялся Тиен, отвечая другу тем же. Тогда они были честны, а теперь...

– Время пришло, – прошептал Дин-Таль и открыл послание.

Всего несколько строк с просьбой о встрече. Но даже в этих строках, написанных ослабевшей рукой, Тиен уловил, насколько растерян его побратим. Он ждал помощи, но... Тот единственный, на кого уповал Дин-Кейр, не готов был ему помочь.

– Что я могу?

Этот вопрос Тиен задавал себе, когда входил в ворота Борга, когда поднимался по лестнице, и когда спрятался в своих комнатах. И когда стоял у окна, нервно дергая костяную пуговицу на камзоле, тоже. Заступить и подставить себя под удар? Быть обвиненным в предательстве вместе с Райверном?

– Ты сам виноват, – ожесточенно прошептал Дин-Таль. – Ты сам виноват, а теперь хочешь утянуть меня за собой.

Да! Только Райв виноват в своей беде и никто другой! Зачем он слушал Ройфа, зачем согласился поговорить с лиором? Он сам вырыл себе могилу, а теперь хочет утащить за собой и своего друга. Но разве это дружба?! Он, Дин-Таль, никогда бы так не поступил, он бы держался подальше, чтобы не навлечь беду на неповинную голову! Нет-нет, клятву предает не Тиен, а Райв! Он не защищает брата, а ведет его в пропасть. Да и кто знает, а вдруг Дин-Кейр и в самом деле виновен? Альвия увидела его с ножом в руке, так может он и есть настоящий предатель!

– Я не стану помогать убийце моего господина, – глухо произнес молодой риор и зажмурился, что есть силы, прячась от собственной совести, вызвавшей к нему из глубины вдруг почерневшей души.

А потом пришла новая мысль: нужно донести, нужно рассказать, где скрывается предатель. Если он не виновен, то судьи разберутся и оправдают Кейра, если же нет, то не вина Тиена в том, что в сердце побратима завелась гниль.

– Это будет правильно, – убеждал себя риор, не открывая глаз. – Именно так и должен поступить верный слуга.

И на встречу он не пойдет. Зачем? Что это изменит? Ничего! Тогда какой смысл сотрясать воздух пустыми словами? Им нечего сказать друг другу.

– Нечего, – в отчаянии шептал Дин-Таль, цепляясь за все эти соображения. – Не пойду...

А в назначенный час он стоял, скрытый углом одной из лачуг, и смотрел на изможденного истощенного старца, сидевшего на почерневшем от времени и влаги бревне. Тиен смотрел на эту ссутулившуюся фигуру и думал, что Кейр не пришел. Капюшон простого серого плаща скрывал лицо старика, и Дин-Таль не мог разглядеть сидевшего. Но потом порыв ветра сорвал капюшон, и Тиен узрел знакомые волосы цвета темной меди. Они потускнели и обвисли унылыми прядями, но не узнать их было невозможно. Райв спешно натянул капюшон, но Дин-Таль успел увидеть его лицо, и он ужаснулся. Грубые красные рубцы изуродовали еще не так давно гладкое привлекательное лицо молодого мужчины.

Тиен отвернулся и прижался спиной к стене. Он закрыл глаза и задышал часто и прерывисто. Это не мог быть шальной весельчак Райверн Дин-Кейр, только не этот изможденный уродец. Не мог!

– Это он, – прошептал Тиен. – Это Райв... Боги.

И тогда Дин-Таль понял, что не донесет на него и никому не расскажет, что видел Кейра в получасе езды от Борга. Если он виновен, то уже получил свое наказание сполна. Риор оттолкнулся от стены и побрел прочь, больше ни разу не оглянувшись. Он посчитал, что сделал всё, что мог для своего побратима: он оставил ему жизнь...

Уже на выезде из Боргграда Тиен увидел прислужника из Борга. Хотел проехать мимо, но все-таки окликнул того, вручил кошель и велел отнести его к нищему, который сидит на бревне в бедняцком квартале.

– Не заговаривай с ним, просто пройди и брось к ногам кошель. Не надо говорить, от кого эти деньги. Пусть забирает и проваливает.

– Да, высокородный риор, – ответил прислужник...

То, что старик посчитал, что нищему хватит всего несколько монет из кошель, Дин-Таль узнал позже, когда прислужник вернул ему деньги и укоризненно покачал головой:

– Зачем вы на дрань всякую тратитесь? Ему и пары медяков достаточно.

Дин-Таль растерянно посмотрел на кошель, после убрал его в стол и уже никогда не трогал тех денег, словно это могло стать воровством. А через некоторое время и вовсе успокоился, когда узнал, что Кейр объявился в Эли-Харте, и Тайрад принял его...

* * *

Адер снова открыл глаза, посмотрел в потолок и... расхохотался. Громко, долго, истерично, сотрясаясь всем телом. Он повернулся на бок, подтянул колени к груди и перешел на беззвучный хохот, подвывая время от времени, постанывая и обливаясь слезами. Наконец, смех его оборвался так же резко, как начался, рот искривился, и из груди вырвалось сдавленное рыдание.

– Прости меня, – простонал риор. – Прости... – И эта мольба была чистой и искренней, как и слезы, катившиеся из глаз взрослого мужчины.

Он закрыл лицо ладонями, и плечи его дрогнули, но теперь уже не от смеха. Воспоминания, так настойчиво терзавшие риора, наконец, свернули душу в тугой жгут и теперь выжимали из нее слепое лицемерие и многолетнюю ложь, вытаскивали наружу сочувствие и стыд, скрытые так глубоко, что уже успели зарости толстым слоем пыли. Тиен столько лет не желал замечать их, гнал, изворачивался, находил тысячи отговорок, а они были! Жили в нем всё это время с первой минуты, когда ревность сомкнула уста Дин-Тая. Совесть, усыпленная собственными оправданиями, все-таки проснулась и подняла голову.

Боги! Он всегда почитал себя за честного человека, а оказывается, что не было безупречного риора Дин-Тая, заслужившего внимание госпожи своим бескорыстием и отвагой. А был тот самый уродец, скрывавший под плащом исковерканную суть! Это не Райверна он увидел в тот день, он увидел самое себя. Это его истинный лик обнажил ветер... Но риор испугался, сбежал и пытался откупиться...

– От себя! – воскликнул Тиен. – Я откупался от себя!

Потому не смог потратить ни единого медяка из того кошель, потому что уже оплатил проклятыми деньгами собственную совесть и спокойное существование. Жил в свое удовольствие, пировал, ласкал случайных женщин, продолжал втайне любить лиори, когда она не замечала его, и обходил стороной стол, в ящике которого лежало его предательство. Кажется, даже этот стол потом приказал убрать, вместе с кошельком.

– Трус, – горько усмехнулся адер.

Он стер слезы, повернулся на спину и вновь уставился в потолок. Мути на зеркале его души больше не было, ее смыли слезы риора. Дин-Таль осмелился взглянуть на свое отражение и теперь рассматривал малодушного мальчишку. Да, мальчишку! Его поступки не были поступками взрослого мужчины. Напакостил и затаился. Помог разрушить чужую жизнь, а теперь и вовсе стал соучастником заговорщиков. Не Райверн, а он, именно он, стал пособником Тайрада, скрыв правду за своим молчанием.

Ведь всегда знал, что его побратим невиновен. Но он не только промолчал, но еще и сам уверился в том, что Кейр – предатель. И сейчас, обнажившись перед самим собой, Тиен неожиданно увидел, как истово он оскорблял бывшего друга, кидал в него словесные камни, подогревая ярость лиори. С какой искренней злобой просил дозволения на свершение мести Первороденной. «Моя госпожа отнимет у меня честь преподнести ей голову предателя?». Какое лицемерие!

– Боги, я же попросту ревновал, – прошептал Дин-Таль, накрывая лицо ладонями. – Все эти годы я боялся его возвращения.

Какая простая истина! Почему он не понимал ее? Не видел столь очевидную правду! Как бы далеко ни жил изгнанник, как бы сильно его ни ненавидела Альвия, но Тиен никогда не переставал ревновать, никогда! Наверное, если бы лиори раньше приняла свое решение о свадьбе, и адер стал ее мужем, Дин-Таль ощутил бы не столько счастье, сколько ликование победы и торжество над поверженным противником. И весь ужас состоял в том, что это было правдой.

Тиен застыл, широко распахнув глаза. Мысль, мелькнувшая в его голове, по-настоящему испугала риора. Ему вдруг подумалось: насколько сильна была его любовь к Альвии? Сколько в ней было искренности, а сколько нежелания проиграть бывшему другу? Они ведь всегда соревновались, всегда! В ратном искусстве, в науках. И... в любви? Райверну всё давалось легко. Он шутя обращался с любым оружием, быстро схватывал знания, которые давали им учителя и наставники. А Тиен не хотел уступать, он тянулся за Кейром, стремился нагнать и обойти, чтобы заслужить похвалу самого лиора, который так часто и так щедро хвалил Райва. Правда, Райверн даже не догадывался об этом молчаливом состязании, напротив, охотно помогал Дин-Талю, на этом они и сошлись. С помощью нового друга или самостоятельно (Тиену хотелось думать, что самостоятельно), но они почти сравнялись. Почти... Будущему адеру не хватало сметливости и решительности.

И, наверное, можно считать перстом судьбы, что юноши влюбились в одну и ту же девушку. Только вновь повезло Райверну, а его друг остался не у дел. Опять второй, опять незаметный. Снова над Боргом сияло рыжее солнце весельчака и балагура Дин-Кейра, а Дин-Талю оставалось мечтать в тени о несбыточном.

– Архон, я же всю жизнь ему завидовал, – прошептал адер. – Всю свою жизнь...

Должно быть, поэтому было так легко предать все их клятвы, так легко отмахнуться от уколов совести. Предать... Да, всё верно. Сколько можно бежать от правды, прикрываясь щитом верности лиори? Он, Тиен Дин-Таль, верный пес госпожи и ее избранник – всего лишь завистливый и ревнивый предатель, который не смог пережить своего поражения. Как падальщик вонзил клыки в кровоточащую плоть павшего соперника. И это даже не был удар в спину, попросту швырнул из-за угла камень, малодушно оставшись незамеченным. А потом восемь лет, как брехливая шавка, тявкал вдаль, понося имя побратима, которого поклялся защищать до последнего вздоха.

И дотягивался до того, что поверил сам себе. Зато в глазах Альвии был молодец. Она ненавидела, и он тоже. Только их ненависть была разной. Лиори заставляла себя ненавидеть, потому что не могла забыть изгнанника, а ее любовник потому, что боялся, что Кейр вернется, и Альвия не устоит, и тогда он опять проиграет...

– Она и не устояла, – усмехнулся Дин-Таль и протяжно вздохнул.

Не могла устоять, потому что никогда не забывала свою первую и единственную любовь. И Тиен это знал, всегда знал, потому и ревновал, потому и трясся от страха, что однажды она отвернется. Сколько страстной ярости, сколько метаний, сколько проклятий и быстро меняющихся решений было за те два дня, что послы Эли-Харта провели в Борге! Никогда холодная и рассудительная Альвия не была такой. За один день она избавилась от любовника, вернула, решила выйти замуж и непременно объявить при послах. Только всё это представление было рассчитано на единственного зрителя. И если лиори не желала этого видеть, то Тиен прекрасно понимал, но тоже скрывал от себя правду за заботой о покое госпожи.

– Два лицемера, – проворчал адер.

Хотя Альвия не лицемерила, она искренне считала, что ненавидит, попросту подменив понятия. Любовь назвала презрением, боль – ненавистью. И уверилась в этом. Выходит, только Кейру и хватило силы быть честным с собой. С какими бы намерениями он ни ехал в Борг, в чем бы ни уверял себя, но быстро отбросил маску, обнажив свои истинные чувства. А вот Дин-Таль попросту опасался проиграть. А еще, кажется, боялся, что Альвия услышит обвинения Райверна, прислушается и поверит, потому что, в отличие от всех остальных, именно он, обвиненный во лжи и предательстве, не лгал. Единственный.

– Фу-у-ух, – протяжно выдохнул Дин-Таль. – Как же всё... грязно.

Адер сел на своем неудобном ложе, накрыл ладонями колени и воззрился в темноту за решетчатой дверью. Все-таки его устроили не как преступника. Кровать, факел, темница с решеткой вместо двери, да и стол в углу не пустовал, там поставили кувшин с чистой водой.

Вина преступника не доказана, но пусть пока побудет в подземелье... Или же для того, чтобы убийце было проще подобраться к своей жертве?

– Прочь, – отмахнулся риор.

Его мало волновали мысли об убийце. Тиен встал на ноги и прошелся по своему узилищу. Приблизился к маленькому окошку под самым потолком и втянул носом влажный воздух – ночь выдалась дождливой... Дин-Таль отвернулся от окошка, привалился спиной к холодной стене и устремил взор себе под ноги. Мысли адера не хотели покидать неуютного прошлого. Дин-Таль провел по лицу ладонью и спросил себя: если бы он все-таки смог вернуться назад, чтобы он сделал? Крикнул бы Кейру, чтобы он отказал Ройфу, предупредил бы, что тот увязался следом еще до того, как Райверн дошел до покоев лиора, или же стоял бы также, глядя, как его друг идет навстречу судьбе, предвкушая гнев господина и немилость счастливого соперника? А потом? Рассказал бы Альвии, как было дело, или вновь молчал, опасаясь, что Кейр получит прощение и сможет вернуться? Подошел бы к нему, получив записку? Выслушал, заступился или вновь сбежал, решив откупиться от собственной совести? У Тиена не было ответов. Ему до зубовного скрежета хотелось произнести вслух правильные слова, но... Уста адера так и не разомкнулись, и внутренний голос не спешил озвучить то, что не сумел сказать язык. Он не знал...

Ведь если бы он поступил иначе, ничего бы не было! Ни ночей, наполненных жаркой истомой страсти лиори, не было бы четырех лет, проведенных вместе, не было бы оглашения его имени, как имени избранника, даже должности адера бы не было, потому что это место он получил только по одной причине – Альвия все-таки собиралась выйти за него замуж и потому возвысила.

– Только здравые соображения оказались слабей чувств, – негромко усмехнулся Тиен.

Адером он стал два года назад, а о намерении выйти за него замуж Перворожденная заявила только тогда, когда объявился ее бывший возлюбленный. И неизвестно, сколько бы еще тянула Альвия, если бы не обезумела от близости Райва. И все-таки она назвала Тиена Дин-Талю. Только вот суждено ли теперь сбыться чаяниям риора? Дождется ли он свою госпожу? Сможет ли она добраться до Эли-Борга? И главное, поверит ли ему, своему жениху? Райверну не поверила...

– О чем я?! – воскликнула Тиен, сердито мотнув головой. – Лишь бы вернулась живой, а там, как Боги решат. Только пусть вернется.

Он вернулся на свое узкое скрипучее ложе, уселся на него и тяжело вздохнул. Хотел снова лечь, но услышал, как звякнул засов решетки наверху, там, где стояла стража, и послышались шаги. Это не была твердая поступь, и сказать, что кто-то крался, тоже было невозможно. Неизвестный, скорее, был неуверен, шел осторожно, замирая время от времени. А потом снова скрипнула решетка наверху, и за первым посетителем поспешил второй. Дин-Таль услышал негромкий мужской голос, в ответ ему зашептали, и движение возобновилось. Адер прищурился, ожидая, когда до него, наконец, доберутся, а то, что идут по его душу, он не сомневался. За всё время, что он провел в темнице, других узников он не слышал. Борг не был тюрьмой, и темницы здесь заполнялись редко.

Шорох раздался совсем близко, и один из прутьев решетки сжала женская ручка. А через мгновение и сама хозяйки руки появилась перед узником. Лицо ее было бледно, глаза покраснели и нос опух – лейра явно успела наплакаться. Горло скрыл высокий ворот скромного платья, и следы, оставленные пальцами Дин-Талю, оказались недоступны случайному взгляду.

– Тиен, – жалобно позвала Ирэйн.

Адер подался вперед, вновь ощутив прилив жгучего гнева, но опомнился и остался сидеть, не сводя немигающего взгляда с ненавистного личика лейры Дорин.

– Тиен... – голос ее сорвался, и из глаз потянулись новые дорожки слез.

– Как ты вошла сюда? – резко спросил риор.

– Мне помогли, – начала Ирэйн и осеклась под взглядом адера. – Тиен... Я хотела... Мне нужно поговорить... объяснить...

Она искала слова, но никак не могла решиться заговорить о том, зачем пришла. Дин-Таль решил помочь. Он усмехнулся и махнул рукой:

– Я нынче не принимаю, – со злой усмешкой произнес он. – Проваливай прочь, гадюка, и не смей подползать ко мне.

– Тиен! – с надрывом воскликнула лейра, подавшись еще ближе к решетке.

Дин-Таль с ледяным равнодушием оценил расстояние. Успеет ли он удушить паршивку? Скорей всего – нет, она не одна, и невидимый защитник успеет отнять у адера его добычу. А если не бросаться, а просто приблизиться? Постепенно. Она явно не намерена уходить, значит, возможность все-таки есть. И пусть потом советники думают, что хотят, но он воздаст маленькой суке за предательство, а заодно лишит Тайрада надежды на престол Эли-Борга. Если удастся, то сожалеть будет уже не о чем...

– Что тебе надо? – сухо спросил риор, поднявшись с кровати.

Он сделал несколько шагов, но пока не спешил приблизиться к решетке.

– Я просто хотела объяснить, – женщина всхлипнула, стерла со щек слезы и вновь сжала прутья. – Мне жаль...

– Чего? Того, что ваш замысел с Эли-Хартом так и не воплотился? – он смотрел на лейру Дорин с нескрываемой насмешкой. – Или же жаль, что я узнал о том, что ты возжелала не только венец лиори, но и ее мужчину? Как ты хотела обставить мое спасение? Как собиралась втереться в доверие? Неужели ты возомнила, что сможешь утешить меня? Или ты считала, что достаточно венца на голове, чтобы я прибежал в твою постель?

Ирэйн слушала, впившись взглядом в мужчину, о котором мечтала столько лет, о ком грезила, отдаваясь мужу, к кому спешила всё это время, и ради любви которого захотела уничтожить свою соперницу. Слушала и не замечала, что слезы продолжают течь по ее щекам. Он хлестал ее издевкой и обвинениями, а она лишь всхлипывала и качала головой, словно пытаясь опровергнуть всё, о чем говорил Дин-Таль. Наконец, не выдержала и протянула к нему руки сквозь решетку:

– Я люблю тебя! – вскрикнула лейра и разрыдалась. – Я так давно люблю тебя, Тиен! – Ирэйн закрылась ладонями, и до адера долетели едва слышное: – Я просто хотела быть счастливой. Я просто хотела видеть рядом любимого мужчину. Я...

Риор стремительно приблизился к решетке, но тот, кто стоял, невидимый Дин-Талем, также стремительно оттащил лейру назад, оставляя ее вне досягаемости адера. Тиен сжал прутья и с яростью спросил:

– Ты меня спросила?! Хотя бы задумалась, нужна ли мне твоя любовь?! Единственную женщину, о которой я мечтал, ты украла у меня! Лишила всего, что было мне дорого!

– Я дам тебе это снова...

– Тогда верни мне Альвию! – закричал адер. – Верни мою душу, маленькая дрянь! Верни мое сердце! – Он выдохнул и оттолкнулся от прутьев. Отошел к окошку и хрипло произнес: – Я любил ее. Всегда, всю свою жизнь. Я был с ней не ради милостей и наград, они мне были не нужны. Только она – моя госпожа... И ты никогда, – Тиен развернулся и увидел Ирэйн вновь рядом с решеткой. – Никогда ты не сможешь заменить ее.

– Но ты же совсем не знаешь меня! – в отчаянии воскликнула лейра Дорин. – Совсем не знаешь!

Дин-Таль вернулся к кровати, сел на нее и усмехнулся:

– Тут ты права. Я знал маленькую стыдливую лейру, нежную, как весенний цветок. Чистую непорочную девочку, в невинных глазах которой не было лжи... Эту девочку я вел к мужу, этой девочке искренне желал счастья. А потом я узнал лживую тварь, в груди которой

билося черное сердце. Эта подлая сука украла у меня надежду на долгожданное счастье, разрушила жизнь, и почти уничтожила риорат, отняв нашу госпожу.

– Тиен...

– Моя лиори сильна духом, она восхищала своим умом и рассудительностью. Она вела за собой рать, и каждый воин в Эли-Борге легко расстанется с жизнью во имя ее славы. Чем ты можешь заменить ее? Что можешь противопоставить, игрушка Эли-Харта?

Лейра Дорин стерла кулаками слезы и мотнула головой:

– Я не буду его игрушкой, ты ошибаешься. Я не позволю ему управлять собой!

Дин-Таль весело рассмеялся, вынудив Ирэйн замолчать.

– Глупая! – воскликнул адер. – Не тягаться ягненку с гиеной! Он переиграет тебя еще до того, как ты воспротивишься его воле!

– Посмотрим! – ответила уязвленная женщина.

– Более того, – не слушая ее, продолжил риор: – Ты открываешь свой замысел, когда за твоей спиной слуга Эли-Харта. Где твой разум, Ирэйн? Или его хватает только на то, чтобы умело лгать? – Тиен усмехнулся и закончил: – Мне не нужна такая госпожа. Убирайся.

Лейра Дорин стиснула прутья решетки до побелевших костяшек, ее взгляд не отпускал адера, но он больше не желал разговаривать. Женщина кусала губы, отыскивая нужные слова, но так и не сумела найти.

– Если, – дрожащим голосом заговорила она, – если ты не передумаешь... – Дин-Таль, уже успевший вытянуться на кровати, повернул голову и изломил бровь, насмешливо глядя на Ирэйн. Она попыталась добавить в голос твердости, но у нее не вышло, голос так и продолжал подрагивать от волнения, злости и страха перед тем, что лейра собиралась сказать. – Если ты не передумаешь, я оговорю тебя. У меня будут свидетели, и они подтвердят, что это ты предал мою кузину.

– Свидетели у тебя будут, – равнодушно ответил Дин-Таль. – Пока ты нужна Эли-Харту, твою шкуру будут беречь. О моей шкуре позаботится некому, и я жалею только об одном.

– О чем? – спросила Ирэйн, продолжая вглядываться в лицо риора.

– Что ты всё еще не сдохла.

– Тиен! – истерично выкрикнула лейра, но адер уже не смотрел на нее. – Я люблю тебя! Тиен, я люблю тебя!

Дин-Мар с силой дернул на себя Ирэйн, прижал лицом к своей груди, и она разрыдалась с новой силой. Хартий подхватил лейру на руки и понес прочь из подземелья, нашептывая ей на ухо слова успокоения.

– Не предам, – расслышала Ирэйн. – Не променяю... Не оставлю... Никогда. Моя любовь...

Она вскинула взгляд на риора и, словно хватаясь за руку, протянутую на помощь, прислушалась к словам. А Ирэйн тонула. Она захлебывалась в своем разочаровании и горе. *Он ее ненавидит... Ненавидит!* Все надежды исчезли, разлетелись, будто дым под порывом ветра. Ее любовь так и останется безответной. Не будет долгих счастливых дней, не будет ночей, наполненных страстью и стонами. Не будет признаний и совместного правления. Всё зря...

Лейра на мгновение задохнулась. Гнев закипел в ней, мгновенно высушив слезы. Обида всколыхнула кровь. Зря?! Что ж, венец всё еще ждет ее. Пусть без того, кто отверг ее любовь, но она переживет это. Тиен останется в темнице, у него еще будет время всё обдумать и понять, что лучше быть покорным. А пока, раз он отказался стать ее защитой и опорой, Ирэйн найдет себе защиту и опору в другом риоре!

Она посмотрела в глаза Дин-Мара твердым взглядом.

– Так значит, вы любите меня? – спросила женщина.

– Всей душой, – ответил хартий, преданно глядя на лейру.

– И станете мне помогать во всем?

– Что пожелает моя госпожа?

– Тогда поцелуйте меня.

Они уже покинули подземелье, у входа которого остался только один страж. Дин-Мар успел поднять лейру по лестнице, но так и не дошел до ее верхней ступени. Он поставил Ирэйн на ноги, притянул к себе и склонился к губам:

– С превеликим удовольствием, – искушающе произнес хартий и накрыл губы женщины поцелуем. И когда отстранился, лицо Ирэйн пылало – целовать Мар умел...

– Пора выпить зелье лиора, – задыхаясь, прошептала лейра Дорин. – Теперь меня не выгонят из Борга даже твари Архона.

– Моя отважная, – широко улыбнулся Дин-Мар и вновь завладел ее губами. Ирэйн оплела шею риора руками, и в голове ее мелькнуло короткое воспоминание: «Он переиграет тебя еще до того, как ты решишь воспротивиться...». Лейра мысленно усмехнулась и подумала: «Однажды ты узнаешь, как ошибался, Тиен. Ягненок обойдет гиену, и ты станешь свидетелем моего триумфа». Хартий сильнее сжал руки, стиснув хрупкую женщину в крепком капкане...

Когда снова загремел засов, давая понять, что нежеланные гости покинули темницу, Дин-Таль снова сел и, сузив глаза, посмотрел на опустевшую решетку. Он покривился и сплюнул, вспоминая зареванное лицо Ирэйн и ее признание. Ни разу в жизни риору не были так отвратительны слова любви, сказанные ему женщиной. И самое обидное, что он мог дословно пересказать ночной разговор Совету, но у него опять не было ни свидетелей, ни доказательств того, что лейра Дорин с чьей-то помощью смогла проникнуть в подземелье в сопровождении своего хартия. Значит, снова пустые слова, которые могут принять, как оговор «невинной овечки».

– Я просто хотела быть счастливой, – перекивлял женщину Тиен и вдруг замер, слепо глядя перед собой. Ему вспомнилось, как он сам недавно говорил те же самые слова, оправдывая собственное предательство. – Я тоже просто хотел быть счастливым, – прошептал адер и ожесточенно мотнул головой: – Боги! Ну, хотя бы передышку, молю вас!

Мужчина поднялся на ноги и прошел к окошку, ловя лицом холодный ветер и брызги дождевых капель. Вот уж истинно, ему хотелось прочистить голову и теперь подумать о насущном, но каждое новое случайное слово вновь и вновь отбрасывало назад, заставляя и дальше осмысливать поступки, совершенные годы назад.

– Архон, – выругался Дин-Таль.

Он вернулся к кровати, ничком упал на нее, подложив под голову руки, и затих, заставляя себя думать о том, что он будет говорить Дин-Вару. И это действительно было важным. От того, как они поговорят, будет зависеть не только свобода адера, но и быстрота проведенного расследования, а значит, и разоблачение заговорщиков. Пока он, по-прежнему, оставался единственным, кто мог рассказать правду о том, как обстояло дело с нападением, хотя бы с его началом.

Однако мысли не спешили выстраиваться в стройный ряд. Вздурораженный появлением Ирэйн и собственными новыми открытиями, Дин-Таль метался между прошлым и настоящим, и уже сам перестал разбираться в том, над чем размышляет. Наконец, измученный бесконечным днем, самокопанием и хаосом в голове, адер провалился в тяжелый тревожный сон. Ему снился грохот засова и шаги нескольких ног, а потом он вдруг оказался на площади, привязанный к столбу, и лейра Дорин, вцепившись ему в плечи, кричала в лицо: «Тиен! Тиен! Тиен!».

– Тиен! – приглушенный возглас ворвался в сознание, и Дин-Таль с трудом разлепил глаза.

Над ним склонился худощавый мужчина. За плечом его стоял вооруженный воин. И первой мыслью было – это конец.

– Вы меня слышите? – спросил мужчина, образ которого всё еще плыл перед сонным взором адера.

Тиен протер глаза и уставился на... чародея.

– Хвала Богам, – буркнул Ферим. – Шевелитесь, у нас не так много времени. Я зачаровал стражу, но если их придут проверить, начнется переполох. Торопитесь.

И чародей метнулся к выходу из темницы. Дин-Таль перевел взгляд на вооруженного воина и узнал лита лиори. Конечно, она ведь брала с собой только шестерых, остальные ждали возвращение госпожи в Борге.

– Мы верим вам, адер, – коротко произнес лит.

Этого было достаточно, чтобы Тиен перестал сомневаться и искать подвох в словах чародея. Риор подскочил с лежанки, кивнул литу и устремился вслед за Феримом. Уже покинув подземелье, адер обернулся и увидел стража, охранявшего узника. Тот стоял с открытыми глазами. Казалось, воин бодрствует, честно исполняя свой долг, он даже повернул голову вслед удаляющемуся чародею, но взор стражника был пустым, словно ему в глазницы вставили стеклянные шарики с нарисованными точками зрачков, как тем куклам, с какими играли маленькие лейры.

– Он спит, – пояснил Ферим, заметив задержку Дин-Талья. – С первого взгляда может показаться, что страж в своем разуме, но любой вопрос, и обман вскроется. Поспешим. Литы – превосходные воины, но их слишком мало против гарнизона Борга.

– Вы правы, – кивнул Тиен и больше не задерживался.

Лит закрыл засов, помогая воссоздать иллюзию того, что узник всё еще в темнице, и страж охраняет его. После догнал чародея и адера и последовал за ними, привычно не произнося ни слова. Ферим шел впереди, держа наготове мешочек с одним из своих порошков, похоже, тем самым, которым были усыплены стражи – живые куклы провожали беглецов пустыми взглядами на всем протяжении их пути.

По мере продвижения, к адеру и чародею подходили литы. Они охраняли путь отхода, наблюдая за тем, чтобы случайный свидетель не нарушил намерения беглецов.

– Сюда, – донесся до риора приглушенный голос.

Тиен взгляделся в темноту лестницы для прислуги и узнал Дин-Вара. Советник кивнул Дин-Талю и первым шагнул на лестницу.

– Мы идем к тайному ходу, – тихо пояснял Дин-Вар. – Он выведет вас сразу за стены Борга. Это единственный путь, который я знаю. Расположение всех скрытых проходов известно только хозяевам замка. После того, как вы уйдете, я снова запечатаю вход и прошу хранить знание о нем в тайне.

– Почему не уйдешь с нами? – спросил Тиен, сжав плечо Вара.

– Я должен закончить расследование, – ответил советник.

– Значит, поверил мне?

– Я знал, что Ирэйн равнодушна к тебе, видел много раз ее тоскливый взгляд. Я замечаю многое, что скрыто от других, такова моя служба. Я верю тебе, а не маленькой змее, и помогу уйти. Если останешься, вряд ли проживешь больше пары дней.

Тиен кивнул, понимая, почему Дин-Вар не спешил открывать свои наблюдения на Совете. Среди них был предатель, и его имя пока неизвестно.

– Не говори мне, куда отправишься, я не должен знать слишком много, – предупредил советник.

– И не собирался, – улыбнулся Дин-Таль.

Дин-Вар остановился возле кладовой. Он открыл дверь и вошел внутрь. Здесь хранили крупы и муку. Советник, не останавливаясь, пересек кладовую и зашел за полки с глиняными сосудами. Тут стоял стопка пустых корзин. Сдвинув ее в сторону, Дин-Вар пошарил рукой по стене, нашел, что хотел, и повернул лепную завитушку: сначала направо, затем дважды налево и утопил в стену. Послышался тихий щелчок, и небольшой кусок стены отошел назад и съехал немного в сторону, открыв лаз, в который мог протиснуться только один человек.

– Этот проход можно открыть только изнутри, – снова пояснил советник. – Идите.

Первым в лаз вошел один из литов. Тиен уже успел заметить, что с ними шли не все оставшиеся воины из охраны лиори. Всего в переходах оказалось восемь литов. Трое из них уже исчезли в черноте прохода. За ними последовал Ферим. Адер задержался. Он сжал плечи Дин-Вара и заглянул ему в глаза:

– Спасибо.

– Найдите госпожу и верните ее нам, – ответил советник. – Другой благодарности мне не надо.

– Этим и займемся, – кивнул Дин-Таль. – А ты будь осторожен.

– Я осторожен, – улыбнулся Дин-Вар.

– До встречи, – Тиен хлопнул советника по плечу и исчез в проходе.

За ним последовали остальные литы, и плита встала на место. Однако темноты не было. Впереди горел факел, который держал в руках первый лит. Он дождался риора и своих товарищей, и они продолжили путь по узкому проходу. И когда в лицо ударил холодный ветер, и капли дождя в одно мгновение намочили лицо, Дин-Таль вздохнул полной грудью. Свобода! После огляделся и понял, что здесь его ждали остальные литы, они охраняли выход. Тиен обернулся, но лаза уже не было, он надежно скрылся за кладкой, вставшей на свое место.

На плечи Дин-Талю лег плащ. Он накинул капюшон и нашел взглядом Ферима. Тот закинул на плечо объемную сумку, которую подал лит, затем обернулся к риору.

– Куда вы поведете нас, адер?

Тот на мгновение задумался, а после уверенно ответил:

– В замок риора Дин-Бьена.

Сомнений больше не было. Олафир Дин-Бьен уже давно удалился от двора лиори и вряд ли был замешан в интригах и заговорах, зато мог дать дельный совет. К тому же никто не сможет предугадать, что беглец отправится к другу покойного лиора, потому что никакого значения и веса тот уже не имел. Да, все-таки это был самый лучший выбор.

Уже сидя на лошади, адер поманил к себе чародея. Тот подъехал ближе и посмотрел на риора, ожидая, что тот скажет.

– Что-нибудь знаешь о лиори? – спросил Тиен.

– Она жива, – ответил Ферим. – На ней нет перстня власти, иначе я бы уже нашел место, где она находится. Когда-то госпожа позволила мне зачаровать свое кольцо. Перстень я почувствовал, но зов его слаб, значит, он не на пальце, и кровь госпожи не подпитывает чары. Тогда я обратился к своему духу-помощнику.

– И? – Дин-Таль подался вперед.

– Всё, что я могу сказать – лиори передвигается. Понемногу, но она всё ближе. Дух не может показать мне то, что видит сам, ему мешают. Я почувал черную силу, очень плохая сила. В первый раз, когда столкнулся с ней, я едва не задохнулся от зловония крови и тлена. Тот, кто использует ее, продал душу, точно говорю. Я слышал о таких колдунах. Их называют даркирами. Покровитель из Мира мертвых дает им всё, что они просят, но пьет жизнь каплю за каплей. Мне рассказывали, что такие колдуны выцветают.

– Выцветают? – удивленно переспросил Дин-Таль.

– Точно так. Теряют краски жизни. А чем слабей колдун, тем больше требуется подпитки. Говорят, они даже пожирают человечину. Покровитель высасывает их до капли, пока не остается только оболочка, и тогда Дух, помогавший даркиру, может занять опустевшее тело и выйти в наш мир. А кто-то рассказывал, что колдуны сами впускают в тело покровителя и существуют с ним вместе, чтобы ощутить небывалое могущество.

– И такая тварь охотится за Альвией? – помрачнел адер.

– Похоже на то, потому что чернота всегда рядом с ней. Я делаю, что могу, чтобы помешать, но я слабей даркира. Мне нужен другой чародей, чтобы объединить с ним силу, возможно, тогда нам удастся развеять черное колдовство.

– Возможно, у Дин-Бьена есть свой чародей, – задумчиво произнес Тиен. Он покачал головой и прошептал: – Ты выступишь, Али. Я знаю, что выступишь. Моя госпожа крепче камня. – Затем произнес уже громче: – Да помогут Боги нашей госпоже и нам, ибо мы стоим за правое дело.

– Да помогут нам Боги, – повторил чародей, и маленький отряд сорвался в галоп.

Глава III

– Ну?

Всадник в богатых доспехах воззрился на мужчину в неприметной серой одежде. Тот поклонился и указал на чахлую рощицу:

– Они прошли тут не более суток назад. Останавливались на отдых, но пробыли недолго, следов немного, по роще не бродили, держались все вместе. Поклажи тяжелой нет, значит, передвигаются быстро и останавливаются нечасто.

– Как думаешь, какой дорогой пойдут? – риор придержал гарцующего коня.

– Дальше камни, угадать тяжело...

– Без тебя знаю, – сердито отмахнулся высокородный. – Я спрашиваю, какую дорогу они выберут?

– Думаю, через Лисий распадок, хозяин, – почесав в затылке, ответил следопыт. – Так они могут не приближаться к поселениям. Там лес, много дичи, речка опять же, то есть и вода есть. Лес густой, дремучий. С одной стороны вроде и опасно – хищники, а с другой – конной погоне не легче. Лошади зверье чувствуют, нервничают, могут выдать своим ржанием. Опять же, переночевать можно на дереве, ни один хищник не достанет. Они пешие, им с этим проще, а конной погоне придется на земле ютиться, лошадей сторожить, отбиваться от зверья, если кинутся. Хотя...

– Что?

– Нет, по верху не пойдут, только растянут время, но зато на конях их там точно не догнать, всё равно через распадок придется, – уверенно ответил следопыт. – Но если они по Рыжему гребню пойдут, то спустятся аккуратно к Сухому озеру, там можно засаду устроить, уже точно будет не разминуться. Но они впереди где-то на сутки, не больше. Если были еще задержки в пути, сейчас должны находиться где-то недалеко от распадка, ну или на подъеме на гребень.

– Если поспешим, то к ночи будем у распадка, – заметил второй всадник, слушавший разговор риора и следопыта.

– Коней загоните, – покачал головой смерд.

– Если поедем через Рив, то сможем там сменить лошадей, – задумчиво произнес риор Дин-Брайс. – На свежих лошадях нагоним потерянное на объезде время. Все равно к ночи уже будем у распадка. Даже если заночуем на его кромке, беглецов не упустим, им тоже придется остановиться на ночевку.

– Верно, хозяин, – кивнул второй всадник.

– Я не спрашивал твоего одобрения, Тьенер.

– Простите, хозяин.

Риор оглядел свой отряд и зычно крикнул:

– Отправляемся! – и погоня, прерванная на розыск следов, возобновилась...

* * *

Одинокий костерок не разбивал темноту, лишь скрадывал ее малую толику. Слишком малую, чтобы осветить расстояние больше, чем в два-три шага. За этой неверной подрагивающей гранью начиналась ночь. Трое путников жались ближе к огню и честно пытались уснуть. Опасаться им было нечего, на вершине Рыжего гребня не водились хищники, все они остались внизу, в Лисьем распадке. А здесь, где свободный ветер пел песни среди нагромождения серых камней, самым страшным было подхватить простуду. Однако высокородному риору и той, в чьих жилах текла кровь правителей, опасаться было нечего, разве что замерзнуть. А вот их

спутнику холод мог навредить, поэтому ему достались плащи высокородных, и ближе к огню положили именно его, но все-таки Савер продолжал содрогаться всем телом, время от времени постанывая: то ли от холода, то ли от дурных снов.

– Савер плохо выглядит, – заметила Альвия, задумчиво рассматривая прислужника. – За этот переход он совсем сдал.

– Угу, – промычал Райверн и сел, скрестив ноги. – Ворчал больше обычного раз в десять. И взгляд... Заметила его взгляд?

– Злой, – произнесла лиори, подбросив в огонь сухую ветку (одну из тех, что путники прихватили еще внизу). – Он смотрит на меня с ненавистью.

– Разве? – Кейр перевел на нее удивленный взгляд. – Я не видел ненависти. Тоску видел. Он больше похож на приговоренного к смерти.

– Я пару раз оборачивалась к нему, – Альвия передернула плечами. – Если бы взглядом можно было убить, у меня бы в груди уже была дыра величиной с яблоко. Странная перемена. Еще два дня назад я бы сказала, что он измучен переходом, а сегодня, что его раздражает мое присутствие, и он бы с радостью избавился от меня.

– Глупости, – отмахнулся риор, но вдруг подобрался. – Подожди, Али, что ты хочешь сказать? Что я не знаю своего прислужника? Да Савер кроток, как котенок, честен и отзывчив. Языкаст и нагловат – это, да, ну так каков хозяин, таков и слуга.

– Я видела Савера раньше и вижу сейчас – это не тот человек, что вышел из Одела, – Перворожденная растянулась на своей жидкой лежанке. – Отец научил меня замечать перемены в поведении людей еще в отрочестве. Так я определяла, кому есть, что скрывать.

– И как же ты не заметила готовившегося заговора? – не без ехидства спросил Кейр.

Альвия усмехнулась, глядя в ночное небо.

– Сложно заметить то, что стало данностью, – ответила она и прикрыла глаза. – Заговор родился не год и не два назад, он процветает многие годы, и восемь лет – это самый маленький срок, который я ему отвожу. Но, уверена, всё началось намного раньше, еще когда отец отказал Эли-Харту в его сватовстве. Хотя, зная Тайрада, он мог особенно и не рассчитывать на согласие. И значит, подбирался к моему роду уже тогда. Тебе не кажется сейчас подозрительным, как быстро исчезли мои дяди и кузены? Последние погибли на войне уже при моем правлении. Меня защищали многие, но первыми пали именно они. Теперь мне это не кажется случайностью. Тайрад целенаправленно убирал всех, кто мог закрыть ему дорогу к трону. Но мы сейчас говорим не о заговоре и Эли-Харте, мы говорим о Савере. И его поведение сильно изменилось за то время, что мы в пути. Я понимаю, что он твой прислужник и доверенное лицо, потому сложно увидеть дурное, проще объяснить усталостью, и все-таки. – Альвия села и посмотрела в глаза риору. – Ты ведь должен был стать моей правой рукой. Не только мужчиной, чье семя породит жизнь в моем чреве, но и первым из советников. От своих советников я требую руководствоваться только рассудком и здравым смыслом, не допуская душевных терзаний и сомнений, вызванных добрым отношением к кому-то. Итак, риор Дин-Кейр, что вы можете мне сказать?

Райверн усмехнулся, но условия игры принял, не став язвить и вздыхать. Он отогнал горечь от слов Альвии, вызванную мыслью, что это уже утерянное прошлое.

– Я готов ответить, Перворожденная, – произнес он, склонив голову. После бросил взгляд на спящего Савера и поджал губы, собирая воедино все странности, ранее замеченные за прислужником, после заставил себя увидеть то, чего не желал замечать из-за привязанности к самому преданному человеку, который когда-либо был рядом. – Савер Рокен. Простодушным его не назовешь. Это умный человек, который может быть коварным. Впрочем, коварство – это не постоянная составляющая его натуры, скорее вынужденная, когда обстоятельства заставляют думать и изворачиваться. Но в большей степени он все-таки мягкий и добродушный. Имеет бойкий язык, но знает, где проходит грань, за которой веселье его хозяина заканчива-

ется и начинается недовольство. Упорен в достижении цели. Несмотря на уже не юный возраст и худощавое сложение, достаточно вынослив, что доказал не один раз. Хороший исполнитель, хороший охранник, верный друг. Всё это я наблюдал за годы служения Савера мне. – Альвия величественно кивнула, принимая слова риора. И это не было игрой, но привычкой, устоявшейся за годы правления. Это была лиори Эли-Борга, и она действительно выслушивала новоявленного советника с вниманием и одобрением. Райверн невольно расправил плечи, но опомнился и усмехнулся, однако тут же продолжил с прежней серьезностью: – Что изменилось за время этого путешествия? Савер ослаб. Это первое. Кажется, будто он состарился разом лет на двадцать. Задыхается, часто отстает. Хотя последние пару дней идем мы неспешно, но он устает еще сильнее. Стал замыкаться в себе. Раньше, если он имел какие-то соображения, то делился ими, теперь же из него слова не вытащишь. Побледнел, осунулся, часто хмурится и прикрывает нос рукой, словно чувствует дурной запах. Стал ворчлив, в последние дни сверх всякой меры. Да, пожалуй, его высказывания стали злыми, правда, они касаются случайных встречных, словно он изливает на них желчь, чтобы не сорваться на нас. Что еще?

– Мерзнет, – произнесла лиори. – Погоды еще не холодные, мы в постоянном движении, но Савер дрожит порой так, что его зубы выбивают дробь.

– Верно, – кивнул Райверн. – Мерзнет и вправду часто, последнее время почти постоянно.

– Есть кое-что еще, – с явным намеком произнесла Альвия. – Ты должен был это заметить.

Кейр нахмурился, потер лоб, пытаясь сообразить, о чем говорит Перворожденная, и вдруг понял:

– Приступы, – воскликнул он и прикрыл рот ладонью, но прислужник лишь пробормотал что-то непонятное и снова засопел. – Всё это происходит приступами. То он бодр и легко отвечает на шутки. Вновь услужлив и полон заботы, а то вдруг замыкается в себе, трясется и дышит через раз. Именно в эти приступы он становится ворчлив и раздражителен.

– Верно, – согласно кивнула Альвия. – Именно. Я тоже назвала бы это приступами, и чем дальше, тем чаще они происходят и дольше тянутся. И мне вот что подумалось – как гончие влияют на людей? На простых людей, в чьих жилах не течет кровь высоких родов? Мы можем не замечать с тобой этого влияния, а Савер ощущает их близость.

Кейр задумался. Он побарабанил пальцами по коленке, мотнул головой, откинув назад волосы, брошенные ему в лицо порывом ветра, и уверенно ответил:

– Нет. Гончие – это безвредные духи. Тайрад как-то рассказывал. Они просто тащатся позади, и чародей смотрит их глазами. Не знаю, может ли слушать, но Эли-Харт быстро находит тех, за кем посланы гончие. Если бы эти духи могли как-то изводить «дичь», Тай непременно бы похвастался. Да и погоня бы уже нагнала нас раз двадцать, я говорил тебе об этом. Я опасался, что мы и досюда не сможем добраться, однако Эли-Борг всё ближе, а погони так и нет. Хотя, зная насколько ему важно не подпустить тебя к границам твоего риората, на нас должна идти полноценная облава. Но... – он развел руками, и лиори вновь кивнула, соглашаясь.

Они замолчали и погрузились в размышления. Альвия поглядывала на Райверна, но не спешила заговорить, молчал и Кейр. Он не сводил взгляда с Савера, покусывал в задумчивости губы и хмурился.

– Гончих нет, иначе наш путь стал бы длинней и трудней, – наконец произнес риор. – Колдун не отправил их, это уже давно ясно. Но Тайрад не мог отпустить нас. Раскаяние и смирение никогда не были в числе добродетелей рода Эли-Харт. Как и все барышники, они ценят только выгоду и тяжело переживают ее утрату. Он бы скорей сожрал собственную руку, чем позволил жертве многолетних интриг вернуться домой и испортить ему всё дело. Значит, они с Грэйдом замыслили иную пакость. Меня им не достать, хоть я и остался без рода, но кровь от этого водой не стала. Я – потомок высокого рода, и чарам поддаюсь плохо. В тебе

кровь не просто высокого рода, в тебе кровь властителей, и это делает тебя неуязвимой для колдовства.

– Да, – улыбнулась Альвия.

– Если исходить из того, что я узнал у дайр-имов, то наша устойчивость к чарам – это следствие отказа от собственной волшбы. Подземный народ так защитил себя, но с присущим ему благородством подарил защиту и от собственной силы. А Савер – смерд. Ему не дан такой дар, как риорам. Он подвержен чарам. И его приступы, не имеющие под собой основания, могут быть только наведенными. Если бы это была хворь, как мне думалось, она была бы постоянной. И ты права, чем больше времени проходит, тем сильнее это заметно. Значит, немощь Савера – дело рук Грэйда, только какова цель? Измотать и лишить нас третьей пары рук?

– Пф, Райв, – фыркнула Альвия. – Не огорчай меня, ты так уверенно продвигался к верному итогу размышлений и вдруг решил свернуть на ложную тропу. Хватит прятаться от очевидного. В том, что происходит, нет вины Савера, значит, и тебе не за чем искать ему оправданий. У тебя достаточно частей в этой мозаике, и ты уже сделал правильный вывод, так озвучь его.

Риор протяжно вздохнул, взглянул на лиори и негромко произнес:

– Я не допущу этого, обещаю. Даже если это будет Савер. Они не доберутся до тебя.

– Ему нужна помощь, Райв, – произнесла Перворожденная, глядя на прислужника. – Сильный чародей, но я не знаю таких в Эли-Харте, только в Эли-Борге. Лучший из них служит мне, но до него еще нужно добраться. Ферим смог бы помочь Саверу. Но... – Она повернулась к Кейру. – Мы не знаем, каков итог преобразования. Участь Савера незавидна и печальна. Чтобы с ним не происходило, но его лишают собственной сути. Однако это не всё, мы также не знаем, когда преобразование будет закончено. За последние дни приступы участились, он всё больше сдает. Остается только надеяться, что бедняга дотянет до Эли-Борга, тогда я забрала бы его с собой. Но ведь без тебя он не пойдет, так? – Райверн молча смотрел на Перворожденную. – А тебя я с собой не зову, Райв. Мое желание осталось прежним, ты должен уйти, не пересекая границу моего риората. И я прошу тебя не сопротивляться и не перечить. Можешь договориться со своим прислужником о месте вашей встречи, и он отправится туда, как только будет исцелен. Обещаю, что по его следу не пойдут мои люди. Я дам ему уйти, не обнаружив твоего пристанища. После...

Райверн усмехнулся и покачал головой. Альвия болезненно поморщилась.

– Я ничего уже не могу изменить, Райв, ты это знаешь. Сейчас, после размышлений о заговоре и предателях, я могу признать и даже покаяться, что клятва была дана поспешно, в порыве гнева и отчаяния. Но она прозвучала и была услышана народом. Закон обязывает меня исполнить ее. И как бы там ни было, но вина на тебе есть, и этого тоже не изменить. Вольно или невольно, но ты стал проводником убийцы. Я накажу тех, кто помог устроить то покушение, но... Тебе стоит уйти раньше, чем я вернусь в Борг.

– А Дин-Таля? Его накажешь? Он ведь был свидетелем разговора и ничего не сделал, чтобы предотвратить мое посредничество. И он видел, как Ройф потащился за мной, я его обнаружил, только когда подходил к половине господина.

– Как можно было не услышать шагов? Он же не летел по воздуху, – сухо заметила Перворожденная.

Райверн хмыкнул и поднялся на ноги. Он потянулся, после передернул плечами и подошел к лиори. Опустился перед ней на колени и заглянул в глаза:

– А как ты думаешь, умная женщина, о чем думает юноша, сгоравший долгие годы от любви и вдруг узнавший, что любим и может верить в свое счастье? Я витал в облаках, думал только о нашей прогулке и млеял от воспоминаний о поцелуях. Вот что занимало мои мысли, и согласие Ройфу я дал только для того, чтобы он побыстрее отвязался от меня. Я бы и с Талем не разговаривал, уединился и предался своим грезам, но я почитал его за брата, потому не

хотел, чтобы промеж нас была неприязнь. Мы, конечно, давали клятву остаться друзьями, кого бы ты ни выбрала, и не лезть поперек, даже если счастливцев будет в итоге отвергнут, чтобы не породить злобу в сердце. Еще одна юношеская блажь, но тогда мне это казалось правильным. Просто я верил в дружбу и готов был смириться со своим проигрышем. Я ведь не его вязал по рукам и ногам, а себя, чтобы не сорваться и не натворить бед. А вышло... – риор вновь невесело усмехнулся. После прищурился и повторил вопрос: – Так что ты скажешь Тиену? Если считать виновным меня, то его вина имеет ту же меру, что и моя. Не остановил, не воспротивился, не сообщил, что изменник в поместье и направляется к лиору.

– Но провел убийцу все-таки ты, – глухо ответила лиори.

Райверн откинул голову и негромко рассмеялся. Смех вышел издевательским, и Альвия поморщилась.

– Ты ведь просто не хочешь признать его вину, – язвительно воскликнул Кейр. – Каково это, осознать, что из двух виновных ты выбрала нелюбимого и обрекла на смерть того, к кому потянулось твое сердце? Скажи, Али! Таль – умница, он избавился от счастливого соперника, занял его место и остался чистым. Его трусость и подлость отправили меня в изгнание, лишили единственной возможности оправдаться. И теперь он – твой избранник, а я должен опять бежать.

Перворожденная вдруг зло сверкнула глазами, выставляя между собой и Райверном незримый щит.

– А что бы он мог сказать? Я стал свидетелем того, как Ройф попросил, а Кейр согласился? Что могло изменить его свидетельство? Сложно осуждать его за то, что не полез под горячую руку...

– Да брось, Али, ты, конечно, политик, и можешь выворачивать наизнанку то, что лежит на поверхности, лишь бы показать приглядным боком. Сейчас ты стоишь перед дилеммой: признать вину за Талем или закрыть на нее глаза. Ты спала с ним несколько лет, возвысила, выбрала и огласила имя принародно. Слово лиори неоспоримо. Это общеизвестно, и значит, Таль остается твоим избранником, если выжил, конечно. Но если ты посмотришь правде в глаза, то увидишь: он разделил со мной ответственность за то, что Ройф добрался до господина, его молчание повлекло намного больше бед, чем моя разрушенная жизнь. Я лишился дома, семьи и будущего. Но если бы он все-таки рассказал, как обстояло дело, ты бы знала, что Ройф был уже в поместье, когда подошел к нам. Значит, кто-то помог ему пройти мимо стражи. Это раз. Ройф пришел именно ко мне, то есть знал, что я уже обладаю доверием лиора, и меня он примет, несмотря на позднее время. То есть кто-то сообщил ему, что господин меня приблизил – это два. Ройф уговаривал меня долго. То есть я не был настроен слушать его. И первый вопрос, который я задал, был: «Что ты тут делаешь, и как прошел в поместье?». То есть я не откликнулся с готовностью, а добавив то, что я не звал с собой ублюдка, выходит, что я не ожидал его и дружеских чувств не питал – это три. Ну и еще: если бы я задумал предать господина, я бы не встречался с Ройфом при свидетеле. Это четыре. Но результатом его молчания стало то, что настоящий предатель не был найден, и Тайрад довел свою интригу до успешного завершения. Ты сама сказала, что корни заговора уходят в прошлое. И если бы не я, мерзкий предатель и убийца, ты бы сейчас уже покоилась в склепе, а Ирэйн могла натягивать твой венец. Молчание – какая мелочь! Но каков его итог. Так что ты скажешь Дин-Талю, своему любовнику и будущему мужу, от которого собираешься рожать детей?

– Если он выжил, – хрипло ответила Альвия и отвернулась.

– Очень надеюсь, что выжил, – завершил свою тираду Райверн и вдруг выругался: – Архон! Али...

Она не ответила. Смотрела в темноту и молчала. Грудь лиори часто вздымалась, она была далека от спокойствия, написанного на ее лице. Как бы она не старалась держаться, но сейчас

ей было тяжело, и Кейр понял это. Он сжал пальцы Альвии в своих ладонях и потянул ее на себя. Перворожденная безвольной куклой упала в объятия риора.

– Прости, Али, – прошептал он, зарываясь пальцами ей в волосы на затылке. – Я не должен был давить. Не должен был требовать ответа. Это всё злость, ревность, обида – называй, как хочешь. Я понимаю, что тебе сложнее, чем мне. Прости...

Лиори вновь промолчала, только уткнулась носом в плечо Райверна. Он провел ладонью по ее спине, после прижался щекой к волосам и заговорил снова:

– Я и вправду всё понимаю. Это мне просто рассуждать и требовать справедливости, ты же в капкане своей власти и законов, укоренившихся многие столетия. Ты не можешь сломать устои, даже если захочешь. Оспоришь собственное решение, и это лишит тебя доверия подданных и союзников. Ты не простая лейра и не можешь позволить себе легкомысленных грез и поспешных заявлений. Я повел себя, как себялюбца, прости.

Альвия коротко вздохнула и отстранилась. Она заглянула в лицо Кейру, вдруг подняла руку и провела ладонью по его щеке. Риор прикрыл глаза и накрыл ее руку своей, не позволяя отодвинуться. Впрочем, Перворожденная и не спешила разорвать эту хрупкую связь. И все-таки продолжать разговор о том, что волновало Райверна, она сейчас не была готова, но и молчать не хотелось.

Чем больше проходило времени, тем больше вынужденное перемирие, соединившее беглецов вначале, переходило в дружескую связь. Они уже давно могли общаться, не срываясь на взаимные обвинения, даже прошлое стало вспоминаться менее болезненно. А думать о данной клятве стало тяжело. О ней невозможно было забыть, нельзя отступить, но и хладнокровно исполнить казалось таким же преступлением, как и не исполнить вовсе. Что до Тиена... Пока думать о нем Альвия не хотела. И не потому, что слепо верила в его невиновность. На то были иные причины, но и признавать их лиори тоже не спешила, это было слишком... больно.

– Так что ты там говорила о заговоре? – с фальшивой бодростью спросил Райверн.

– Он есть, – усмехнулась Перворожденная.

– Какая неожиданность, – округлил глаза риор. – Кто бы мог подумать?

– Его жертва, разумеется. Но ей умело отвели глаза, подкинув иного злодея, – ответила Альвия и все-таки вытянула свою руку из-под ладони Кейра. – Обида и боль были слишком велики. Они так захватили юную лиори, что она оказалась не способна размышлять.

– Юная лиори была так юна, – ответил риор. – А удар оказался так силен, что ее сложно осуждать за слепоту.

– И все-таки она уже была лиори, – неожиданно жестко отчеканила Альвия. – Она позволила руководить собой чувствам, а не разуму.

– Но ей помогли в этом, – напомнил Кейр.

– Да, – Перворожденная поднялась со своего места и отошла к большому камню, лежавшему на границе света и тьмы. Присела на него, и теперь лицо ее было скрыто сумраком. Райверн последовал за ней и присел рядом. Он вновь завладел рукой лиори, сплел с ней пальцы, Альвия руки не выдернула. – У меня было много времени на размышления, дорога к этому располагает. И, подумав, я начала складывать достаточно четкую картинку. Твои слова некому подтвердить, потому я не могу всецело доверять им, но и опровергнуть тоже некому, потому я могу сделать предположение, что ты не лгал... – Кейр кивнул, соглашаясь. Если взглянуть на его рассказ со стороны, то можно рассудить его, и как правду, и как желание оправдаться и взвалить вину на чужие плечи. Это он понимал и не ожидал, что лиори слепо поверит ему. И все-таки она допустила, что он искренен, и это было уже немало, совсем немало, и риор слегка пожал ей руку, благодаря за то, что не отмахнулась и услышала его. Альвия машинально ответила на пожатие и продолжила: – Так вот, если не ты провел Ройфа в поместье, как полагалось изначально, значит, был другой помощник. Тебя использовали, а после прикрылись, как щитом, чтобы отвести подозрения от настоящего изменника. И это удалось. Я спросила себя,

почему не провела должного расследования? Нет, оно было. Краткое, и опять всё сошлось на тебе. История была складной, в ней не было бреши, и она отвечала тому, что я видела и подозревала. К тому же мои чувства ослепили меня. Навалилось всё разом: смерть отца, начало правления, потеря... потеря любимого и веры в то, что я могу позволить себе любить. Всё это вылилось в ту самую клятву, и она стала точкой, которой добивался предатель. Дальнейшее известно. Однако теперь, допустив, что истинная данность была иной, какой ее описываешь ты, я увидела иное: мной управляли. А такого я спустить не могу. Помимо того, что эта тварь способствовала убийству моего отца и лгала мне все эти годы, так еще и заставила меня плясать под собственную дудку. Эта смерть станет для меня самой желанной, и убивать я буду лично, наслаждаясь каждым мгновением, каждым стоном и хрипом. Он ответит мне за всё. За всё!

Райверн подобрался. Он порывисто развернулся к Альвии и впился в нее жадным взглядом.

– Ты знаешь имя, – выдохнул он. Лиори кивнула. – Кто? Али, кто он?!

Она посмотрела на риора и недобро усмехнулась.

– Это...

Истошный вскрик прервал ее, так и не дав озвучить имя предателя.

– Савер! – воскликнул Райверн, и они кинулись к прислужнику.

Однако подойти Альвии к выгнувшемуся дугой телу слуги Кейр не позволил. Он остановился в шаге от Савера и перехватил лиори, сказав неожиданно жестко, даже властно:

– Иди на свое место.

– Ра-айв, – проникновенно протянула Перворожденная. – Не смей мне приказывать.

– Прошу, – выдохнув, ответил риор. – Али, мы не знаем, чем это может грозить тебе, я не хочу...

– Хорошо, – коротко ответила женщина и вернулась на камень.

Райверн бросил на нее косой взгляд, удовлетворенно кивнул и после этого опустился перед прислужником на колени и осмотрел его. Лицо Савера было покрыто потом. С посеребривших губ срывалось хриплое рваное дыхание. Тело уже не выгибалось, но продолжало вздрагивать от крупной дрожи, бившей его. Риор накрыл лоб прислужника ладонью.

– Архон, – выругался Кейр. – Он холоден, как лед. Али, я даже не представляю, как ему помочь.

– Тогда я все-таки подойду, – сказала она, вставая с камня.

– Нет!

– Да, – сухо ответила лиори и приблизилась к мужчинам.

– Если тебе будет угрожать опасность, – взгляд Райверна замер на прислужнике, но он все-таки закончил, – я убью его.

Альвия не ответила. Она опустилась на колени рядом с риором, коснулась лица прислужника и удрученно вздохнула.

– Нам нужен чародей, – сказала она, ни к кому не обращаясь, – но взять его здесь негде.

– Это было ясно сразу, не обязательно было рисковать... – начал раздраженный риор, но Перворожденная его по-прежнему не слушала.

Она достала нож из-за голенища сапога.

– Что ты...

– Райв, не буди во мне зверя, – покривилась лиори. – Он и без того сейчас близок.

После прикрыла глаза и зашептала, но что, Кейр так и не понял. А затем... Веки Перворожденной приподнялись, и льдисто-серые глаза неожиданно приобрели ярко-голубой цвет, зрачки, несмотря на темноту, превратились в маленькие точки. Альвия ощерилась, и Райверну на мгновение показалось, что клыки ее увеличились, впрочем, это могло быть лишь иллюзией. В лице женщины что-то неуловимо поменялось, и риор вновь вспомнил движения лиори на

арене в Борге, по-кошачьи плавные и грациозные, как она повела плечами, живо напомнив большую кошку...

– Вар-рлах, – прошептала Альвия, и это слово вырвалось мягким мурлыканьем. – Защиту...

И надрезала кожу на подушечке указательного пальца. Затем коснулась пальцем губ Савера, обвела их по контуру и, оттянув нижнюю, выжала алую каплю в рот прислужнику.

– Защиту, – снова сорвалось шипением с ее уст, и женщина, встав на ноги, отвернулась от Кейра.

Риор гулко сглотнул, после перевел взгляд на Савера и изумленно округлил глаза. Черты лица прислужника разгладились, дрожь заметно уменьшилась, и мужчина глубоко вздохнул. Наконец, окончательно затих и ровно засопел, погружившись в обычный крепкий сон.

– Ненадолго, – хрипло произнесла лиори. – Завтра ему вновь станет плохо, но пока продержится. Он не рожден на моей земле, и я не могу защитить его, он – хартий. Но помочь могу.

Райверн снова посмотрел на Савера, после встал и приблизился к Альвии. Он поднял руку, на мгновение замер, не касаясь лиори, а затем накрыл плечо.

– Ты...

– Не оборотень, – усмехнулась Перворожденная и обернулась к нему. Глаза Альвии еще не до конца вернули прежний цвет, они полыхнули голубым пламенем, и взгляд остановился на губах Кейра. – Райв, – она прильнула к мужскому телу, но зажмурилась и уперлась кулаками в грудь риора, – ты не мог бы пока не касаться меня?

Он немного помедлил, однако руки убрал и даже сделал шаг назад, затем и вовсе отвернулся. А через мгновение почувствовал, как Альвия прижалась к его спине. Ее руки скользнули по широким плечам. Она провела ногтями до кистей, слегка царапнула кожу на тыльной стороне ладоней, со стоном потерлась щекой о Райверна и отпрянула. Риор замер, ощущая, как по спине скользнула стайка мурашек. Он прерывисто вздохнул и обернулся. Теперь спиной к нему стояла лиори, глядя в густую темноту.

– Не подходи, – голос ее снова отдал хрипотцой. – Не сейчас.

– Х... хорошо, – дрогнувшим голосом ответил Кейр. – А разговаривать можно?

– Мучит любопытство? – усмехнулась лиори.

– Не столько, сколько желание снова увидеть этот искушающий взгляд, – честно ответил Райверн. – Но если мне осталось только любопытство, то... Что это, в Архон, было?

Перворожденная томно повела плечами, и Райверн, не сводивший с нее взгляда, гулко сглотнул. Простое движение оказалось завораживающим. Кейр вдруг понял, что... не замечает одежды на Альвии. Она была, никуда не делась, но ему так ясно представилась смугловатая матовая кожа, на которой пляшут отсветы огня, и черная коса змеей сползает с плеча на спину...

– Проклятье, – выругался риор. Он помотал головой и протер глаза, затем тоже повернулся спиной к Альвии, посмотрел на Савера, и стало легче. Прислужник не будил возбуждающих грез... хвала Богам.

Лиори негромко усмехнулась, кажется, она понимала, что происходит с Кейром, даже не глядя на него.

– Что это, задери меня твари, такое, Али? – нервно переспросил Райверн.

– То, чего ты не должен был видеть, Райв, – ответила Альвия. – Дар моего рода. Он переходит старшему из детей. Первое рождение, Райв, оно благословлено Богами. Отец пробуждает дар в крови своего наследника в возрасте семи лет, но воспользоваться им можно только после смерти главы рода. Это не чары и не колдовство, это связь со своей землей.

– Лиоры – хранители риората, – тихо произнес Райверн. – Этот дар они получили взамен за утрату прежней силы. Так говорят летописи, теперь понятно, о чем они. Значит, дар рода Эли-Борг – сила варлаха?

Он не видел лица лиори, но почему-то был уверен, что она улыбнулась, и понял, что ошибся в своем предположении. Может не во всем, но истолковал увиденное неверно.

– Поясни, – попросил риор.

– Это запретные знания, Райв, – мягко заметила Перворожденная.

– Я уже приговорен, мне можно довериться, – усмехнулся Кейр.

– Ты уйдешь-шь, – зло зашипела она, но быстро успокоилась. – Однако ты уже увидел многое, потому я расскажу тебе. Это не сила зверя, но связь с ним.

– Легенда...

– Не совсем верна. Первый лиор не убивал варлаха, заботившегося о раненом человеке. Думаю, любая легенда окажется ложью. В той, которую мне рассказал отец, было озвучено, что первый лиор, умирая от полученных ран, взмолился о помощи, и к нему вышел варлах, он поделился силой с человеком, и это связало их воедино навечно. Но если исходить из летописей дайр-имов, скорей всего, первый лиор избрал этого зверя своим помощником, объединившись с ним в связку. Лior – хранитель земли, варлах – хранитель силы лиора, его младший брат и первый помощник. Поэтому их так много на нашей земле и потому почти нет в чужих риоратах. Варлах и означает не что иное, как хранитель.

– И потому этот зверь священен в Эли-Борге, – понятиливо кивнул Райверн. – Поэтому за охоту на варлаха следует смертная казнь.

– Да, убить варлаха можно, лишь защищаясь, но они редко нападают на людей, им хватает дичи.

– То есть если истребить варлахов...

– Тебе интересно? – в ее голосе послышалось предостережение, и риор не осмелился закончить свое предположение.

Он поджал губы, пытаясь отыскать в ворохе вопросов, только множившихся в его голове, наиболее важные, понимая, что откровенность лиори не беспредельна. Наконец зацепился за то, что она уже успела сказать, и охнул:

– Постой, но тогда, убивая девочек, рожденных первыми, лиоры отказывались от дара рода?

Немногие знали о том, что в роду лиора перворожденные дочери не выживали, но род Кейр был одним из приближенных, и это им было известно, потому Альвия не удивилась вопросу.

– От дара отказаться невозможно, он живет в главенствующем роду и исчезнет вместе с ним. Но только в главенствующем, побочные ветви не одарены. Второй и последующие дети не получают благословения, если только Перворожденный не погибает, но в них голос крови слаб. Дар, пробужденный во втором ребенке, не наберет полной силы. Первое рождение – вот ключ к полноте возможностей.

– Но зачем убивать дочерей, если мальчик, рожденный вторым, мог, пусть и не в полную силу, но использовать дар?

Альвия наконец обернулась и хмыкнула:

– Ты совсем не слушал меня, Райв. – Она вернулась на свое место у костра и протянула руки к огню. – Пока жив Перворожденный никто дар рода не получит. Кровь второго и последующих детей слабей, она не услышит призыва отца. Значит, только смерть Перворожденного освободит путь последующему дитя. А так как мужчина считается родоначальником, он передает наследие, потому от дочерей избавлялись. И то, что девочки отправлялись куда-то на воспитание, чтобы не узнали о том, кто они – это сказки для тех, кто приходит в ужас от жестокости правящего рода.

– Потому что тогда бы дар проснулся в ней, – с пониманием кивнул Кейр. – Но если и вторая тоже девочка?

– Никто и никогда не осмелится влиять на первое рождение – оно ниспослано Богами, но призвать на помощь чародея перед зачатием второго ребенка уже ничто не мешает. Но, если отказ от благословения все-таки происходит, считается, что слабый зов крови в следующем наследнике – эта плата за грех отца.

– Благословение Богов... – тихо повторил Райверн. – Лиор Бриар был мудр, он не осмелился спорить со Всевышними. Хвала Богам, что он не последовал тем путем, какой завещали предки.

– Да, отец решил, что от дара Богов отказываться неразумно и преступно. Раз Высшие Силы послали дочь, значит ей и править. Правда, отказавшись от рождения последующих детей, он рисковал, но господин рассчитывал на то, что я выйду замуж еще при его правлении, рожу своих наследников, и род Эли-Борг не угаснет. Но сложилось, как сложилось. Потому мужчины моего рода готовы были умирать, но не подпустить ко мне убийцу, потому я обзавелась литами.

– Но так и не родила, – негромко заметил Райв.

– Так вышло... Ты хочешь еще что-то узнать?

Кейр подошел к Альвии, она настороженно наблюдала за ним, но когда риор сел рядом, лиори вздохнула с облегчением. Значит, дар рода опять задремал – понял Райверн. Он осторожно дотронулся до руки Перворожденной. Она едва заметно вздрогнула, однако позволила сжать свою ладонь.

– Ты хочешь узнать еще что-то? – устало повторила вопрос женщина.

– О том, что ты сделала с Савером, – ответил Кейр, поглаживая большим пальцем запястье лиори.

– Я охраняю жизнь на своей земле, – улыбнулась Перворожденная. – В этом и состоит суть дара. Если засуха, я могу наполнить землю силой, и она даст урожай. Если мор, я могу остановить его. Дар пробуждается тогда, когда он нужен, я сама редко могу его призвать. Это не волшебство в известном смысле, потому я не могу пользоваться своей силой по собственному разумению, когда вздумается. Это связь с землей и теми, кто рожден на ней. И варлах – символ этой связи. Саверу я дала жизнь, спрятанную в моей крови. Будь мы в Эли-Борге, возможно, смогла бы и защитить его. Или же будь он боржцем, тогда бы между нами была связь, данная защитой моего рода, но Савер – хартий, и его жизнь не связана со мной.

– А глаза, и... всё это, – Райверн покрутил пальцем у своего лица, потом посмотрел на губы лиори и вздохнул с сожалением.

– Отзвук связи с варлахом, – усмехнулась Альвия. – Кошачья суть, в некотором роде. Ты закончил свои вопросы?

– Последний, – риор поерзал, устраиваясь удобней. – Почему дар рода лиоров держится в тайне? Если бы народ знал...

– То мы оказались бы виноваты во всех бедах, – усмехнулась лиори. – Представь, что боржцы узнают о том, что я могу возвращать им сады и наполнять водой пересушенные реки, а еще давать защиту от колдовства и иногда исцелять. Народный восторг был бы обеспечен, по началу. А потом? Что было бы потом? Вспомни, сколько раз за день клянут Богов за утерянный кошелек с деньгами, за прыщ на носу невесты, за кражу свиньи или ограбленную лавку. Но то Боги, на них можно пенять, но что-то требовать сложно. А замок лиоров рядом. Люди не умеют ценить добро, они начинают требовать больше того, что имеют, и не хотят понимать, что у каждой силы есть свой предел. Они бы раздули мой родовой дар до таких границ, каких у него никогда не было, потом обиделись, что я не могу дать им всего, чего хочется, и в результате...

– Разуверились бы в силе повелителя. Свободное брожение умов опасно, я понимаю. Им дали легенду, в которой скрыта правда, – земля Эли-Борга теряет силу, если исчезнет род лиоров. Вдолбили в головы и приучили верить в это. Они знают, что господин – хранитель

земли, но не понимают, что это означает на самом деле. Да, разумно. Лучше недосказанность, чем опасная откровенность. Только...

– Что? – усмехнулась Альвия.

– Я не понимаю, почему Тайрад ищет плодородных земель на стороне, когда может наполнить силой собственные земли?

– Он не может, – Перворожденная устало потерла лицо свободной рукой. – Дар Эли-Харта не связан с жизнью, он связан со стяжательством. Тайрад чувствует, где имеется пожива, но он бессилён вдохнуть жизнь в умирающую землю. Эли-Ториан управляют водами, Эли-Рохт так же связан с землей, как и Эли-Борг, но у них привязка к деревьям, потому по зиме родовой дар засыпает, а по весне пробуждается и усиливается к лету. Он зависит от смены времен года. И так с каждым правящим родом. С равнинными риорами дело обстоит иначе, и теперь понятно почему – они не заключали договора с дайр-имами. Там высокие рода и лиоры могут творить волшебство, однако, если верить записям историков, их сила всё больше слабеет. Наверное, мы и вправду пришельцы из иного мира, и этот мир попросту чужд элитарам и их волшебству, потому она постепенно угасает. Так что можно сказать, что дайр-имы оказали нам услугу. Они избавили нас от того, что всё равно исчезло бы со временем, но дали взамен дар с постоянной силой. Мне не жаль, что я не могу творить заклинания. Я никогда этого не умела, потому не знаю, что потеряла. Но я бы почувствовала себя обескровленной, если бы я утратила связь с варлаками.

– А...

– Всё! – лиори рассмеялась. – Я вымотана, Райв, пощади. Все разговоры завтра.

– Ты – ужасная женщина, – фыркнул риор и добавил, глядя в глаза повернувшей к нему голову Альвии: – Но я всё равно от тебя без ума.

Она болезненно покривилась и освободила руку от захвата Райверна.

– Добрых снов, Райв, – произнесла лиори.

Кейр согласно кивнул и растянулся на лежанке, затем удивленно посмотрел на Альвию, возмущенную на него. Похлопал рядом с собой ладонью и невозмутимо ответил на молчаливое возмущение Перворожденной, явно не одобрявшей захватническую политику риора:

– Что? Вдвоем теплей. Свои плащи мы отдали Саверу, костер согреет только один бок, второй продует ветром. Забота о госпоже и не больше. Клянусь жизнью, Али.

– Твоя жизнь принадлежит мне, – заметила лиори.

– Тем более не вижу смысла для сомнений. Ты разве не доверяешь себе самой? Только ради тепла. Ну честно!

Перворожденная усмехнулась и... спорить дальше не стала. Она распрямила руку риора, на которую он опирался щекой, уместила на ней голову, но вторую руку на себя укладывать не стала, сразу предупредив:

– Не обнимать.

– Как прикажет моя госпожа, – согласился Райверн.

– И на затекшую руку не жаловаться, мне так удобно.

– Всё для удобства лиори.

– Добрых снов, Райв, – повторила Альвия и закрыла глаза, сразу пригревшись рядом с большим теплым мужским телом.

Кейр лежал некоторое время, прислушиваясь к дыханию Перворожденной, вдруг вспомнился и спросил:

– Али, а кто изменник, ты так и не сказала. Кто он?

– Это Дин – а-а... – имя утонуло в зевке, а еще через мгновение повелительница Эли-Борга сладко засопела.

– Али... – позвал ее риор, но услышал лишь тихий вздох. – Да ты издеваешься надо мной! – шепотом возмутился Райверн. – Ну и в Архон, завтра узнаю.

Он «благополучно забыл» о запрете, обнял Альвию, после поцеловал в затылок и закрыл глаза, моментально проваливаясь в сон, и на губах риора блуждала умиротворенная улыбка...

Глава IV

Отряд риора Дин-Брайса достиг Лисьего распадка, когда только начинало смеркаться. Свежие лошади, сменившие скакунов высокородного в Ливе, донесли всадников до цели даже быстрее, чем ожидал риор.

– Вперед! – приказал Брайс.

– Хозяин, прошу выслушать меня.

Риор сердито фыркнул и натянул поводья, останавливая жеребца, едва тронувшегося с места.

– Что тебе, Тьенер?

– Мы не успеем проехать распадок до темноты, – ответил первый помощник высокородного, склонив голову. – Лучше остановиться здесь и заночевать, а поутру...

– И дать беглецам время скрыться? Нет уж, – Дин-Брайс смерил прислужника высокомерным взглядом, – лиор ждет от нас поимки, и мы не будем трусливо отсиживаться на кромке обычного леса, пока добыча уходит дальше, продолжая глумиться над нашим господином.

– Но этот лес не так прост, хозяин, – Тьенер бросил взгляд в сторону распадка. – Люди говорят...

– Я не дитя, чтобы принимать на веру сказки выживших из ума старух! – с гневом воскликнул риор. Он отвернулся от прислужника и рявкнул: – Вперед!

– Но болото там и вправду есть!

– Еще слово, и я собственными руками утоплю тебя в этом болоте! В Архон, Тьен, ты же поддакивал мне!

– Так я же думал, по темноте доедем, а там и сами в лес не сунетесь, хозяин, – удрученно отозвался прислужник.

– Молчи, недотепа, – отмахнулся риор.

Он первым въехал в лес, ратники последовали за хозяином. Тьенер в беспокойстве напряг слух, но ничего подозрительного не услышал. Ветер, проказя, шуршал кроной деревьев, путался в кустах и мчался дальше, ему не было дела до людей, решивших забраться в лес на ночь глядя. Из-за деревьев проглядывали склоны гребней, между которыми примостился распадок.

– Почему Лисий? – спросил вдруг один из воинов риоров, самый молодой и любопытный.

– Так если сверху посмотреть, – отозвался словоохотливый следопыт, – то гребни на спящую лису похожи. Это вот, – он указал направо, – тело. Когда с распадка выедем, его оконечность на одноухую голову будет похожа. Его так и называют – Безухий. А это, – следопыт кивнул налево, – хвост. Рыжий гребень. Там позади небольшая гряда была каменная, так она от одного гребня к другому тянется, как будто соединяет тело одноухой лисицы с хвостом.

– А Рыжий-то почему? – не удовлетворился ответом юноша. – Ладно бы тогда – Хвост, а то Рыжий. Он же серый, как все скалы.

– Дурная голова, – фыркнул следопыт, – лиса какого цвета? Рыжая, вот и хвост у ней рыжий, а этот гребень и есть ее хвост.

– Там есть место, где камни, как ржавые, потому и Рыжий, – вмешался слушавший их ратник лет тридцати. – Там железо, говорят, есть, вот от дождей и покрылось ржой.

– Но хвост-то у лисы рыжий? – не сдался следопыт.

– Рыжий-рыжий, – усмехнулся ратник. Он задрал голову, пытаясь рассмотреть вершину гребня. – Интересно, они там?

Следопыт проследил за взглядом ратника и пожал плечами:

– А кто их знает, может, уже и Сухое озеро прошли, если передышек не делали. Но если бы на гребень поднимались, мы бы их увидели, наверное. Только зачем им такая морока? Там идти тяжело, да и времени много теряют. Через распадок-то удобней.

– И опасней, – негромко произнес Тьенер, начавший прислушиваться к негромкому разговору. – На гребне им даже на страже стоять не надо, всё равно в темноте не подберешься, только себе шею свернешь. И передохнут, и выспятся, и со свежими силами дальше пойдут. А тут, того и гляди, кто-нибудь выскочит.

Юноша на некоторое время замолчал, он ехал, глядя на Рыжий гребень, и вдруг заметил:

– А распадок-то ширится никак. Вон, Рыжий-то уже и не видать толком, да и Безухий тоже.

– Ширится, – кивнул следопыт. – А деревья, наоборот, скоро жаться друг к другу начнут, придется сначала по двое ехать, а потом и вовсе рядком по одному. Но это еще подальше, ближе к чаще будет. Мы туда до темноты уже вряд ли успеем, в лесу-то быстрее темнеет. Вон, как верхушки друг к другу клонятся, свет закрывают.

– Может, надо было сначала следы их посмотреть? А вдруг по верху пошли? – всё не унимался любопытный паренек.

– А нам какая разница, где они пошли, главное, что к Сухому озеру выйдут, им тут деваться некуда, – усмехнулся ратник. – Да и не проедем мы на конях по гребню. Нам дорога только тут.

Тьенер обернулся назад, мазнул хмурым взглядом по болтунам и вздохнул. Ему отчаянно не хотелось углубляться в лес. В голове помимо воли всплывали рассказы деда о том, что болото в Лисьем распадке беспокойное, и что здесь есть хищники пострашней тех, кто выходит по ночам на охоту.

«Запомни, Тьен, если вдруг лес онемееет, значит, дело совсем плохо. Даже зверье прячется, когда выходят *они*», – так говорил дед, поглядывая из-под косматых бровей на внука, слушавшего его с открытым ртом.

«Кто они, деда?».

«Духи болота, мальчик, проклятые духи».

Прислужник передернул плечами и потуже запахнул плащ, вдруг ощутив неприятный озноб. Ему было страшно.

– О чем говорил Тьенер? – услышал мужчина новый вопрос от паренька и почувствовал раздражение.

Этот ратник появился в Брайсе совсем недавно. Он приходился двоюродным племянником оруженосца риора, и хозяин взял мальчишку на службу. Филис с семьей жил в другой части риората, но осиротел полгода назад, и бабка отправила его к дяде, надеясь, что тот сможет пристроить сироту. Смог, и теперь Фил потихоньку привыкал и к новому месту, и к службе. Зачем хозяин взял в погоню неопытного птенца, Тьенер не понимал. Впрочем, риор Дин-Брайс считал, что синяки, полученные в драке, научат большему, чем десять учителей. «Языком чесать можно бесконечно, но опыт появится только в бою». Конечно, мальчика обучали ратному делу, но он совсем недавно впервые взял в руки меч. Правда, стрелок он был отменный, и, наверное, именно это стало основной причиной для решения хозяина. Хотя... Не смерду, даже возвышенному риором, рассуждать о том, что думает высокородный.

– Да люди разное говорят, – ответил ратник, который вмешался в разговор юнца и следопыта. – Кто-то уверяет, что тут водится нечисть, кто-то смеется и называет эти истории сказками.

– А что за нечисть? – голос паренька дрогнул, тон стал тише, но любопытства нисколько не убавилось.

– Болотная, – усмехнулся ратник. – Говорят, из болота выходят. Вроде как охотники увязли, а теперь по ночам дичь ищут.

– Ну что ты болтаешь попусту?! – возмутился следопыт. – Вот взяли и утопи. Ничего там просто не было. И не охотники вовсе. Девка там. Это за ней гнались. Говорят, – следопыт метнул взгляд в спину риора и понизил голос: – Говорят, прадед нашего хозяина углядел девку в деревеньке одной. Краси-ивая была девка, загляденье. А риор-то как увидел, так и покоя лишился. И жена молодая была, и в любви вроде жили, а тут как обезумел. Поговаривают, начал в ту деревеньку день за днем наведываться. То подарочек привезет девке, то папаше ее денег даст, то проездом вроде, а сам непременно в дом к зазнобе завернет, да и поговорит с ней. Всё наглядеться не мог. В замок бы взял, да там лейра уже свои порядки наводит. Вот и обхаживал бедняжку.

А ей и не в радость любовь-то хозяйская. И жених уже был, и свадьбу сыграть собирались. Риор-то как про жениха прознал, так и взбесился. «Моя ты, говорит, даже думать не смей. Золотом осыплю, в богатстве жить будешь, только не противься». А у ней, у девки этой, жених-то любимый был. Вот и удумали они с парнем тем сбежать с земель риора. Ночью и припустили, пока все спали. До этого вот распадка и дошли.

Хозяин, как почуял, с утра раннего примчался. А птичка-то упорхнула. Ох и взъярился! Сразу погоню снарядил. Следы в лес вели, стало быть, туда и поехали. Нагнали беглецов, когда уж те думали, что скрылись. Шли спокойно, смеялись, о счастье своем мечтали. Тут их риор с людьми своими и поймал. Парень трусом оказался, бросил невесту и деру дал, а ее схватили и не отпускают. Риор с коня слез, подошел к девке и говорит: «Не хотела по-доброму, так и я по-злому буду». Ну и... насильничал, значит. Сказывают, долго забавлялся, ни мольбы, ни слез не слушал. Злой был шибко.

После уже хотел с собой забрать, а она возьми и вырвись. Бежала, куда глаза глядят, жениха звала. Думала, отзовется и спрячет ее, а не отозвался. Помирать-то неохота, вот и бросил любовь свою. Риор за девкой кинулся, отпускать не хотел. Так в болото и загнал. Смотрит, а бедняжка уже по грудь увязла. Он ей ветку тянет, хватайся, мол, вытащу. А она головой мотает да еще глубже вязнет. Хозяин ей, мол, люблю тебя больше жизни, вернись ко мне. А она ему: «Нет любви, – говорит. – Та, что была у меня, обманом обернулась, а твоя и вовсе сгубила. Будь ты, – говорит, – проклят. Пусть и тебе твоя любовь мукой станет, как мне была». Сказала, и в болоте скрылась. Утопла, значит.

– И что? – округлив глаза, прошептал Филис.

– А то, – следопыт снова поглядел в спину риора, но различил уже только силуэт в сгустившихся сумерках. – Риор помешался. Сказывают, по замку своему бродил и всё стонал да девку ту звал. И всё, мол, прости, прости. Потом так со стены и сбросился, не нашел покоя. А девка та из болота выходить начала, и насколько хороша была при жизни, настолько страшна после смерти стала. Выйдет, значит, из своей могилы и ищет жениха своего сбежавшего. То ли отомстить ему хочет, то ли, наоборот, любовью успокоиться. А коли на путника какого набредет, так к себе и утаскивает.

Про охотников – это уже другая история. Они тоже девку видели, только она вроде как прежней красавицей обернулась. Завлекла она их, раззадорила, так они друг дружку за покойницу и порубали. Спорили, значит, кому достанется. А теперь вместе с девкой ходят, как псы ее верные. Только вот на кого она взглянет, они того и убивают, как соперника, значит. Может, конечно, не как соперника, может зазнобу новую хозяйке своей тащат, кто их знает. А вообще, много чего сказывают про это болото.

– Ну и наболтал ты, – хохотнул слушавший следопыта ратник. – Сказки всё это. А ты, малец, слушай болтуна больше, он и не такое тебе расскажет. Не было ничего такого. Откуда ж про охотников знают, ежели никто из них не вернулся? Да и про остальных тоже. Чушь!

– А вот как стихнет лес, да гнилью болотной потянет, так и узнаем: чушь или не чушь, – обиженно ответил следопыт и отвернулся.

– Зажечь факелы! – крикнул риор, разом прекращая всякие разговоры.

Зачиркали огнива, и вскоре отряд превратился в огненную змею, неспешно передвигавшуюся между деревьев. Отряд постепенно растянулся, и воины выстроились друг за другом, потому что даже по двое было уже тесно. Казалось, деревья заступают дорогу всадникам, то ли оберегая их от напасти, ожидавшей впереди, то ли разделяя, чтобы лишить защиты. Тьенер зябко повел плечами. Он боязливо озирался по сторонам и втягивал носом воздух, всё пытаясь уловить гниlostный запах болота и тлена.

Риор, получив свой факел, кажется, и не думал останавливаться на ночлег. Конь устал. Он прядал ушами и пофыркивал, отчетливо звякая сбруей, но все-таки был спокоен. Не косил, не взбрыкивал, и Брайс, поджав губы, продолжал направлять его вперед, желая до рассвета сильно сократить расстояние между собой и беглецами. А лучше обогнать и устроить засаду, тогда дичь сама придет к нему в руки. Риор будет доволен и, быть может, приблизит высокородного, тогда род Брайс сможет возвыситься... Да, ради будущего можно было и потерпеть усталость и неприятную темноту проклятого леса в Лисьем распадке.

Брайс тоже знал эту легенду, которую рассказал следопыт, даже слышал его, когда смерд забывался и начинал говорить громче, но прерывать не стал. Он потом задаст болтливым дуракам, но не здесь, где каждое злое слово застывает отравленным кинжалом над головой. Всё потом, сейчас нужно только проехать большую часть леса, а там можно и передохнуть... после болота. Риор не верил в сказки, но подступающая ночь сказала и на нем. Тягостное чувство черной тоски вдруг завладело душой высокородного, и он гулко сглотнул, подумав, что он потомок насильника и душегуба.

– Вайриг, не вздумай верить в глупые сказки смердов, – как-то отчитывал его отец, когда сын подошел к нему с вопросом. – Твой предок действительно упал с крепостной стены, но виной тому был его недруг и соперник, желавший получить благоволение господина. Остальное – домыслы черни. Прадед искренне любил прабабушку, и от этой любви у них родилось трое детей. Не было никакой девы и проклятья. Кто вообще рассказал эту глупость?

В тот день у позорного столба выпороли конюха, от которого мальчик услышал жутковатую байку. А Вайриг Дин-Брайс, промучившись несколько дней страхами и сомнениями, выкинул глупую легенду из головы. В конце концов, смерды любят рассказывать страсти о своих хозяевах, и история несчастной любви в их рассказах встречается чаще всего. Да, риор не верил легенде, но это не мешало ощущать неприятный холодок, всё больше пробиравшийся под кожу, чем дальше продвигался отряд.

– Дурь, – буркнул высокородный. – Тут не покойников, тут зверья надо опасаться. Скоро уж выйдут на охоту.

И это было верно. В этой части Эли-Харта чаще всего встречались рандиры. Эти хищники, чья лысая кожа была крепка, как броня, жили семьями. Самец, от трех до пяти самок и их потомство. Самцов изгоняли, едва они достигали юношеского возраста и могли постоять за себя, слабых самок тоже. Сильных оставляли, они сменяли погибших или одряхлевших матерей. А потом дряхлел глава, и его загрызали собственные дети, или же один из них, почувствовавший силу. Это становилось началом боев молодняка за главенство в семье. Сильнейший получал самок, остальные, если не дошли в схватке, то спасались бегством.

Временем их охоты была ночь. С рандирами не связывались и волки, даже если их стая превышала семью извечного врага. Зато рандиры охотились на всех, в ком текла кровь. Грызуны, хищники, люди – им было без разницы. Для этих тварей еда оставалась едой, какие бы размеры не имела и на скольких конечностях бы не передвигалась. Отловить, порвать и сожрать – и никакого страха. Именно это их отчаянное бесстрашие... или безумие делало рандиров самыми опасными тварями. И еще стоило подумать, кого опасаться больше: духа с болот или зубастых зверей, готовых сожрать, и лошадь, и всадника.

– Готовьте смесь, – приказал риор. – Через одного. Первый подает огонь, второй зажигает стрелы.

– От духов огонь не поможет, – негромко заметил Тьенер.

– Дурак! – от души обозвал прислужника Брайс. – В Архон твоих духов, здесь водятся рандиры. Будьте внимательны.

Кто-то охнул. Риор услышал, как глухо стукнулись друг о друга древки стрел в колчане одного из ближайших воинов, когда он вытянул одну из них. Следом издала неприятный визгливый звук крышка, когда ее свинтили с продолговатого сосуда, наполненного зажигательной смесью. Такую смесь делали многие, в том числе и чародеи. У них и предпочитали приобретать вязкую маслянистую жидкость. Стоило опустить стрелу в выемку по форме наконечника и смочить его, как металл покрывался тонкой пленкой, которую был способен выжечь только огонь, даже ветер не мог в полете сбить пламя. И сосуды делали таким образом, чтобы жидкость, которая стоила немало, не могла пролиться, даже если ее вместилище падало на землю открытым.

– Хозяин, – Тьенер подъехал ближе. – У них есть слабые места.

– Знаю, – буркнул Вайриг, – но за раненного сородича могут мстить, а огонь их прогонит.

– Так и лес спалить можно, – донеслось до них негромкое ворчание следопыта.

Риор полуобернулся, но болтливого смерда не увидел.

– Напомни, чтобы по возвращении я не забыл его выпороть, – велел Дин-Брайс.

– Да, хозяин, – кивнул прислужник.

Тьенеру рассказы следопыта тоже не нравились. Меньше всего ему хотелось снова выслушивать легенду, из-за которой он в детстве просыпался в холодном поту несколько ночей подряд, а потом даже в родном лесу не мог спокойно ходить на болота за кислыми ягодами, за которыми гоняла мать. А сейчас, когда они были именно *там*, где всё произошло, вспоминать о болотных духах было... кощунством. Да кто вообще рассказывает такие истории в месте, где можно встретить нечисть?! Да еще и ночью! И прислужник непременно прикрикнул бы на следопыта, если бы не опасался, что его поднимут на смех. Да и от хозяина выслушивать брань и угрозы тоже не хотелось, потому Тьен промолчал, хоть и костерил в душе всех пустомель вместе взятых.

Сколько уже они продвигались по распадку? Понять было непросто. Небо, видневшееся в просветах между кронами, окончательно почернело. Иногда можно было увидеть одинокую звезду, наблюдавшую сверху за людьми, продолжавшими пробираться между деревьями. Филис зябко поежился и крепче сжал лук с наложенной на него стрелой. Паренек готов был натянуть тетиву, как только появится опасность, но лес продолжал шуметь листвой. Где-то время от времени вскрикивала ночная птица. Ни теней за кустами, ни треска задетой ветки, ни шороха травы не было слышно. Казалось, что Лисий распадок – самое мирное место, какое только могли создать Боги.

– А ведь мы уже в чаще, – заметил следопыт. Он приподнял факел, вглядываясь в темноту. – Да, точно. Вон, Фил, видишь каменюку? На клык похожа.

Паренек присмотрелся и заметил неподалеку огромный камень, поросший мхом. Он был заострен кверху и вполне мог сойти за клык, потерянный огромным зверем. Филис кивнул, подтверждая, что рассмотрел, и следопыт продолжил:

– Этот камень Лисьим ухом называют. Ну, вроде как то самое, потерянное каменной лисой. Хотя я бы назвал зубом, для уха маловато будет. Это ты сам увидишь, когда из распадка выезжать будем.

– Дядя Гирен, а болото где? – спросил юноша, бросив боязливый взгляд в сторону.

– Впереди, – ответил следопыт. – Не добрались еще. Только оно всё равно в стороне будет, мы к нему не доедем.

– Ну и хорошо, – с явным облегчением кивнул Филис. – Жуть, как не хочется с нечистью встречаться.

Ратник, до этого участвовавший в разговоре, хмыкнул и махнул рукой. Если парню хочется трястись, наслушавшись сказок, пусть трясется. Наличие в этом лесу рандиров мужчине волновало больше, чем выдумки про мертвецов, выходивших из болота. Зубастых тварей не выдумывали, они жили здесь издавна и загубили не одну душу. А уж чего воину не хотелось, так это оказаться в утробе зверя и остаться после его дерьмом на земле. Не о такой смерти он мечтал, нанимаясь к риору. Да и вообще не мечтал о смерти. О деньгах и сытом брюхе – да, а о смерти не желал даже думать, потому рассчитывал застать рассвет живым и невредимым.

Мужчина бросил взгляд наверх, но Рыжий гребень, конечно, не увидел. Он тесней закутался в плащ и втайне позавидовал беглецам. Если они все-таки там, то сейчас спят, не думая ни о рандирах, ни о духах, ни о том, что устали и хотели бы слезть с лошади и размяться. Ратник бросил взгляд на хозяина и пожелал тому, чтобы он свалился с коня и свернул себе шею, тогда бы можно было повернуть назад, убраться из леса и завалиться спать вне Лисьего распадка. Но риор не спешил самоубиться, он крепко держался в седле, и воин подумал, что жеребец сейчас, наверное, мечтает о том же, о чем и он.

– Взбрыкнул бы что ли, – прошептал ратник. Его товарищ, ехавший впереди, обернулся и согласно кивнул. Они все устали от этой бесконечной погони, пусть она длилась не больше двух с небольшим дней.

Огненная змея заползла и углубилась в лес еще больше. Всё чаще слышались зевки и недовольное тихое ворчание. Кто-то уже начал клевать носом, и ратники, заметившие, что их товарищ склонил на грудь голову и вот-вот выронит из ослабевшей руки факел или приготовленный лук, негромко окрикивали соню, и тот, вздрогнув, выпрямлялся и ожесточенно тер лицо, прогоняя дремоту.

– Стой! – окрик Дин-Брайса взорвал умиротворенную тишину леса так неожиданно, что лошади, ехавшие позади, испуганно дернулись. – К оружию!

Только сейчас до людей донеслось глухое рычание за кустами. Жеребец риора взвился на дыбы, и тот, отчаянно бранясь, пытался удержать скакуна, готового сорваться с места.

– Духи?! – испуганно вскрикнул Филис.

– Хуже, – ответил ратник, натягивая тетиву, – рандиры.

И, словно желая подтвердить его слова, из кустов высунулась светлая оскаленная морда с черными, как угли, глазами. Голова быстро исчезла, но люди успели ее заметить.

– Боги, страсть-то какая, – выдохнул паренек.

– Ты еще его всего не видел, – ответил следопыт, подсовывая факел. – Зажигай, Фил.

Риор развернул жеребца мордой к своим людям, Тьенер последовал примеру хозяина, и паренек, макнув стрелу в сосуд с зажигательной смесью, притороченный к седлу, замер, так и не донеся ее до факела следопыта:

– Дядя Гирен, почему высокородный развернулся?

– Рандиры нападают на последних, – вместо следопыта ответил ратник. Наконечник его стрелы уже пылал маленьким факелом. – Слабые идут последними – это закон зверья. Риор – первый, значит, самый сильный, на него кинутся в последнюю очередь, а вот мы для этих тварей что-то вроде больных, стариков и увечных.

– А почему медлишь?

– Надо понять, где их семейка, – ратник бросил на Филиса сердитый взгляд. – Не болтай, малец, у нас мало времени. Лучше смотри в оба.

– А где семейка...

– Поджигай! – рявкнул следопыт. – Окружают они нас. С хвоста зайдут, на середину кинутся. Главное, не отрывайся от отряда, а то погонятся, уже не отобьешься. Понял?

– П-понял, – дрогнувшим голосом ответил Фил и зажег наконечник.

– Сейчас мы попарно, – все-таки вновь заговорил ратник. – Ты защищаешь себя и Гирена. Я в паре с Лагером. Меть в глаз, в разъявленную пасть – это их уязвимые места. Если подпалим

хотя бы двоих, остальные уйдут. В шкуру бить бесполезно, она у них, как камень. Еще на брюхе кожа тонкая, но туда попробуй доберись. Остальное тело – броня, только разъяришь.

– Понял, – тяжело сглотнул паренек. – Ну и страсти.

– Будет, что девкам рассказать на сеновале, – усмехнулся ратник. – Главное, не сдохнуть по глупости.

Дин-Брайс вглядывался туда, где остался хвост его отряда. Повадки рандиров он знал не хуже своих воинов. Головная часть отряда была пока в относительной безопасности, а вот те, кто ехали последними...

– Когда у рандиров гон? – спросил риор у Тьенера.

– По весне. Молодняк еще до года. Они их обучают до того, как выпроваживают на вольные хлеба. Самка брюхатой по полгода ходит.

– Пять месяцев, Тьен, – поправил его хозяин. – Значит, прошлогодний молодняк еще с ними.

Рандиры никогда не охотились всей семьей – это играло людям на руку. Если старшая самка учит молодняк, значит, шансы у отряда неплохие. Еще глупые недоросли часто ошибались, да и кожа их была еще достаточно мягкой, а вот взрослые особи представляли настоящую опасность. Они охотились отдельно, их вел самец-вожак. Правда, беременные самки оставались в логове, они в охоте не участвовали, кормящие тоже.

– Если молодняк, то их может быть много, – заметил прислужник. – Лучше бы уж взрослые. Этих штуки три всего будет.

– Но взрослые опытней и умней, – не согласился риор. – Лучше свора глупых детенышей, чем парочка матерых рандиров. Архон, – выругался Брайс, – из-за деревьев отряду не сбиться в круг. Так мы уязвимы.

Тьенер кивнул, но подумал, что уязвимыми людей делают их скакуны, и если хоть чья-нибудь лошадь от страха рванет в лес, то с ее всадником можно будет попрощаться, вряд ли они уже увидят своего товарища живым.

– Умные твари, – шипящим шепотом произнес риор. – Изводят ожиданием.

– Может, двинемся дальше?

– Только упростим им задачу. Ждем, – ответил Дин-Брайс.

Люди затихли, они настороженно прислушивались к лесу, озирались по сторонам, отыскивая хотя бы малейший признак движения. Лучники вскинули луки, натянули тетиву, и только сбивчивое хрипловатое дыхание выдавало напряжение ратников. Лошади переступали с ноги на ногу, тревожно прядали ушами, всхрапывали, им прятать свой страх было ни к чему. Сам воздух в распадке, казалось, сгустился и стал жарким, мешая вдохнуть полной грудью. А нападения всё не было...

– Так может, прошли стороной? – тихо спросил один из воинов, опуская лук.

– Здесь они, здесь, нутром чую, – ответил его товарищ, приподнимая повыше факел.

И словно отвечая на его слова, из кустов раздался рык, глухой и угрожающий.

– Мама, – сипло выдохнул Филис, стремительно разворачиваясь в сторону пугающего звука.

– Фил! – не своим голосом заорал следопыт. – Сзади, Фил!

Паренек повернул голову, и рот его искривился в беззвучном крике. Прямо на него летела оскаленная тень. Будто разомкнувшаяся пружина, из кустов выскочил рандир.

– Стреляй!

Стрела сорвалась с тетивы и помчалась навстречу зверю, ударилась о шкуру, пропола, но под кожу так и не вошла. Воздух наполнился запахом паленого мяса. Рандир, словно наткнувшись на невидимую стену, извернулся и приземлился на все четыре лапы, жалобно взвизгнув.

– Молодняк! – заорал следопыт. – Это молодняк!

– Архон, – сцедил сквозь зубы ратник, недавно учивший парнишку, как надо себя вести. – Проклятый Архон и все его твари... Ну и влипли же мы.

И тут же кто-то закричал в самом конце строя. Заржала лошадь и, сбросив со спины всадника, рванула прочь. За лошадью метнулись две тени, еще одна придавила человека, не успевшего подняться. Его хрип уже никто не слышал. Пространство заполнилось остервенелым рычанием, криками людей, ржанием перепуганных лошадей и тошнотворным смрадом паленой плоти. Стрелки ранили хищников... только ранили. Те взвизгивали, скулили, но вскоре вновь вскакивали на лапы и с удвоенной злобой бросались на добычу.

Сколько было хищников? Никто не считал, вряд ли больше десятка особей. Старшая самка еще ни разу не вмешалась в охоту молодняка, это был их праздник крови и смерти. И недоросли старались не упустить своего. Они выскакивали из укрытия, то с одной стороны, то с другой, вынуждая людей бесконечно поворачиваться навстречу опасности, становясь уязвимыми для следующего зверя. Нападение рандиров, казавшееся хаотичным, имело свою систему и порядок, это были и вправду умные звери.

– Не крутиться! – заорал риор. – Вы теряете тварей из виду! Стъен, Филис, Трен – смотрите направо! Альтор, Грив, Бойт – налево! Факельщики прикрывают своих стрелков! Тъен, за мной.

– Если отделимся...

– За мной, пес! – гаркнул Дин-Брайс и первым двинулся в обход кустов. – Найдем старшую самку, закончим эту оргию. Им нужен вожак.

– Как бы она не нашла нас раньше, – буркнул Тъенер, направляясь за хозяином.

Они оставили ожесточенный бой между зверем и человеком, свернули за густую поросль, и риор поднял руку, показывая остановиться. После слез с седла и бросил взгляд на прислужника. Тот, слабо отдавая себе отчет, отрицательно замотал головой. Дин-Брайс прищурился и спросил шепотом:

– Бросишь своего хозяина и позволишь сожрать нас обоих?

– Боги, – сдавленно выдохнул Тъенер. – Так мы точно не уйдем.

– А мы и не уйдем, – усмехнулся высокородный, привязывая своего коня к молодому деревцу. – Не трус, Тъен. Драться буду я, ты держи факел, чтобы я видел, где эта тварь.

– Я – не трус, – оскорбился Тъенер.

– Вот и докажи мне это.

Риор приподнял свой факел, огляделся и, дождавшись, когда прислужник привяжет свою лошадь, осторожно раздвинул кусты и...

– Архон! – воскликнул он, отскакивая назад.

Из кустов выглянула уже знакомая голова. Самка оглядела добычу, рыкнула и шагнула к ним.

– Умница, девочка, – нервно произнес Дин-Брайс. – Сама к нам пришла, поберегла наше время и силы. Заботливая девочка, хорошая.

– Страшная до одури, – сглотнул Тъен, отступая за дерево. За спиной заржали лошади. Они рвались с привязи, но освободиться не могли, привязали их на совесть.

Риор с размаху воткнул факел в землю. После отстегнул ножны с мечом и отбросил их в сторону. Затем сорвал плащ, спешно обмотал им левую руку и выхватил нож.

– Тъен!

– Я здесь, хозяин, – ответил прислужник, не сводя взгляда с самки. Вживую он видел рандира впервые.

Он слышал, что самки меньше взрослых самцов, и, глядя на то, что вышло к ним, Тъенер точно знал, что с главой семейства он встретиться не хочет совершенно. Эта особь достигала груди риора, стоявшего прямо, а высокородный был великаном. Высоким, массивным, как и

все высокородные, а самка достигала его груди. Каким же тогда должен быть самец?! Прислужник облизал губы, продолжая рассматривать рандира.

Она была поджарой, с округлой спиной, благодаря чему можно было рассмотреть каждый позвонок, и с приземистым задом, который переходил в короткий хвост, достигавший середины задних лап. Их нижняя часть была длинной, и, глядя на задние конечности, сразу становилось понятно, откуда у этих тварей такая прыгучесть. Благодаря тому, что кожа рандира была лишена шерсти, можно было легко разглядеть литые мускулы, перекатывавшиеся при каждом шаге.

Ступала самка мягко, низко пригнув квадратную голову с небольшими округлыми ушами. Она скалилась, демонстрируя крепкие острые зубы, и, оценив их, прислужник подумал, что плащ на руке хозяина ей не помеха, самка легко может откусить человеческую конечность вместе с плащом. В свете факела ее черные глаза поблескивали, в них отражались всполохи огня, и оттого, казалось, пламя танцует в черных провалах глазниц.

Самка обошла противника, не спеша нападать, словно оценивая, что может противопоставить ей человек с единственным клыком в руке. Наконец, припала на мощные когтистые лапы и сделала первый шаг к высокородному. Он пригнулся, выставил перед собой руку, обмотанную плащом, перехватил удобней нож и плавно ушел в сторону, сбивая самке линию нападения.

– Тьен, если кинется к тебе, тыкай ей в морду факелом, не вздумай хвататься за оружие.

– Д...да, хоз...зяин, – прислужник с удивлением обнаружил, что зубы его выбивают дробь.

– Не трусь! – рявкнул риор.

– Я оч-чень стараюсь, – честно ответил Тьенер и крепче сжал факел...

Отряд не сразу заметил, что Дин-Брайс исчез, им было не до этого. Однако привычка повиноваться сыграла им на руку, и ратники перестали бестолково крутить головами, пропуская броски зверей. Их действия стали более четкими, и в упорядоченных движениях стала заметна слаженность нападения рандиров. Даже удалось сосчитать, что слева нападет четверо, справа трое. Еще двое умчались за лошадью павшего товарища, и последний, оттащив труп с перегрызенным горлом, остался сторожить добычу, уже не принимая участия в охоте. И, наверное, люди уже успели бы уменьшить число атакующих рандиров, если бы не их лошади...

– Держи! – орал Альтор, тот самый ратник, который высмеивал следопыта. – Лагер, держи кобылу!

– У меня всего две руки! – зло отвечал факельщик, пытаясь обуздать собственного коня.

– Фил, в глаз целься! – кричал Гирен, отмахиваясь факелом от подскочившего хищника.

– Да если бы я мог! – воскликнул парнишка, растерявший страх в запале схватки. – Моя лошадь не дает!

Спешиваться было поздно, иначе отряд рисковал остаться без скакунов вовсе, и воины продолжали сражаться с рандирами и собственными лошадьми. Первым не выдержал лучник Стъен. Бросив повод своему факельщику, он соскочил на землю, опустил на одно колено и замер, ожидая нового появления зверей.

– Лови, тварь! – заорал Стъен, выпуская стрелу.

Она сорвалась с тетивы, помчалась навстречу рандиру и впилась в брюхо, взвившегося в прыжке хищника. Зверь отчаянно завизжал и свалился на землю, часто и тяжело дыша.

– Наконец-то! – в очумелом восторге закричал Филис.

Его стрела улетела мимо, лошадь опять не дала прицелиться.

– Давай, как он, Фил, – воскликнул следопыт. – Кидай мне повод, авось, отобьемся!

– Ага, – кивнул парень и спрыгнул с седла, забыв отдать повод Гирену.

Его кобылка, ощутив свободу, рванула с места, сбила собственного седока и умчалась в темноту. Филис повалился лицом на землю и затих. И все-таки кобыла спасла человека, один из оставшихся двух рандиров справа рванул следом за лошадью.

– Пропала лошадка, – машинально произнес следопыт и позвал: – Фил! Фил, ты живой?

Парень не ответил. Оставалось надеяться, что кобыла просто оглушила его.

– Есть! – заорал Грив. – Прямо в раззявленную пасть!

– А-а-а! – раздался надрывный крик боли – факельщик Стъена исчез в темноте, утащенный одним из рандиров.

Следом заржала осиротевшая лошадь, ей в горло вцепился второй хищник.

– Сколько осталось? – задыхаясь, спросил Лагер.

– Один слева, – ответил Альтор и сплюнул на землю густую слюну. – Еще старшая самка.

– А где риор? Где хозяин?

Ратники завертели головами, но хозяин и его верный прислужник исчезли.

– Нами прикрылся? – ни к кому не обращаясь, зло спросил Бойт.

– Вроде там лошади надрываются, – один из факельщиков указал рукой в сторону кустов слева. – И рычали вроде.

– Может, жрут сбежавшую кобылу?

Затем заржала лошадь Трена, успевшего опустить лук. А потом вернулся рандир, который утащил факельщика Стъена. Он бросился на воина, стоявшего на земле, и среди ратников началась сумятица, заставив их позабыть о хозяине и его прислужнике...

– Хозяин!

Риор не ответил. Он вывернулся из-под тяжелого тела рычавшей самки, откатился и едва успел подняться на ноги, как она снова прыгнула на него. Брайс вскрикнул, когда зубы рандира в очередной раз пропороли ткань плаща насквозь. Он уже напоминал измочаленную окровавленную тряпку, но всё лучше, чем голая рука в пасти злобной твари. Риор махнул второй рукой, метаясь в глаз, почти попал, но теперь увернулась она.

Противники замерли на мгновение, с ненавистью глядя друг на друга. Тъенер зажмурился, а когда открыл глаза, самка завалила риора и нависла сверху, метаясь в горло. Дин-Брайс упирался окровавленной рукой в нижнюю челюсть рандира, натужно рыча в попытке оттолкнуть зверя, но самка оказалась сильнее. Она продолжала давить, и риор уперся в нее обеими руками. Прислужник поискал взглядом нож, но не увидел его, хозяин потерял клинок в схватке.

– Боги, – выдохнул Тъенер. – Боги!

Он отчаянно зажмурился и бросился к хищнику, завопив, что есть силы. Самка дернулась, давление ослабло... Рука риора опустилась на траву, нащарила нож, пальцы сжали рукоять, и он ударил.

– Пошла вон, тварь! – орал прислужник, колошматя догорающим факелом хрипящего рандира, из-под нижней челюсти которого торчала рукоять ножа.

Туша потяжелела, осела и придавила риора. Не заметив этого, Тъен продолжал бить по сдыхающей самке факелом.

– Дурак! – прохрипел Дин-Брайс. – Сними с меня эту дрянь.

Прислужник нанес еще один удар и замер, пытаясь осознать приказ. Наконец, очухался, охнул и вцепился в голову рандира. Пыхтя и причитая, он стащил самку с хозяина и утащил ее на залитого кровью риора.

– Подрала, – в священном ужасе прошептал Тъенер.

– Это ее кровь, болван, – ответил Брайс, с наслаждением втягивая воздух полной грудью. – У меня рука изгрызена, еще за плечо цапнула. Может еще где, я пока не понимаю.

Прислужник посмотрел на рукоять ножа, торчавшую из-под нижней челюсти зверя, судорожно вздохнул и перевел взгляд на хозяина. Тот сел и поморщился, оценивая свое состояние.

– Вроде живой.

– Живой, – поддакнул прислужник. И повторил уже с причитанием: – Живо-ой!

– Замолчи, – отмахнулся Дин-Брайс, поднимаясь на ноги. – Надо посмотреть, что с остальными.

Они прислушались, из-за кустов всё еще слышались крики и суматошное ржание лошадей. Риор покачал головой, надеясь, что хотя бы половина его отряда уцелела. Он поднял лицо кверху и подумал, что в распадке беглецов нет и не было. Они не пошли бы этой дорогой, ни за что не пошли, потому что только полоумный останется на ночь в этом лесу. Усмехнувшись от собственной оценки своих действий, высокородный бросил последний взгляд на труп рандира и первым направился туда, где продолжали отбиваться его люди.

Жеребца он пока отвязывать не стал, только похлопал того по шее и пошел дальше. Тьенер спешил сзади, он опасался отстать от хозяина, на которого смотрел теперь с восторженным трепетом. Прислужник готов был вцепиться в руку риора, как дитя в руку матери, но выслушивать брань не хотелось, поэтому Тьен оставил свое желание при себе.

Они вышли из-за деревьев и остановились, рассматривая, как выжившие в озверении от страха и крови истязают издыхающего рандира. Дин-Брайс оценил беглым взглядом количество ратников, после посмотрел на трупы нескольких рандиров и удовлетворенно кивнул – справились.

– Хватит! – гаркнул он.

Воины, стоявшие на земле, остановились и ошалело взглянули на хозяина. Тот, подойдя к ним, мазнул взглядом по месиву, в которое превратили зверя.

– Что с Филом? – спросил высокородный.

Парень сидел на земле и мотал головой. Гирен топтался рядом, удерживая за повод свою лошадь.

– Кобыла пришибла маленько, когда деру дала, – ответил следопыт. – А так ничего, целый.

– Сколько человек осталось без лошадей? – кивнув Гирену, спросил риор.

– Один, – ответил Альтор. – Когда Трена стащили, его коня успели перехватить.

– Хорошо, Фил едет с Гиреном, они оба легкие, – велел Дин-Брайс. Он вновь оглядел людей, на мгновение поджал губы и приказал: – Убираемся отсюда. Нужно покинуть земли этого семейства.

– Еще самка где-то, – напомнил Альтор.

– В Архоне самка, – проворчал Тьенер. – Хозяин ей нож в глотку воткнул. За кустами валяется.

– Остальные должны уйти, они неплохо поохотились, – подал голос мрачный Лагер.

– Прямо ножом? – округлил глаза Филис, но сейчас его любопытство вызвало только раздражение.

Риор махнул рукой Тьену, и прислужник послушно поспешил за хозяином. Они подошли к взволнованным лошадям. Брайс отвязал жеребца первым, забрался в седло и погладил коня по шее. Тьенер отвязал свою лошадь. Та дернулась, едва не вырвав повод из рук своего всадника. Прислужник немного утихомирил кобылку, уже сел в седло, когда за кустами раздался шорох. И без того перепуганная лошадь взвилась на дыбы, чуть не скинув со спины седока, а еще через мгновение Тьен пожалел, что не скинула, потому что лошадь понеслась в заросли, не слушая своего всадника.

– В Архон! – в сердцах рывкнул риор, подстегнул жеребца и помчался следом, успев крикнуть воинам: – За мной! – Остатки отряда погнали лошадей за высокородным.

Тьенер отчаянно бранился. Ветки хлестали его по лицу, но очумевшей от страха кобыле до этого дела не было. Она несла седока, ставшего ее заложником, не разбирая дороги. Мчалась в темноту, не слушаясь тщетных попыток остановить ее. Этот безумный бег прекратился

неожиданно. Захрипев, лошадь повалилась на землю. Тьен едва успел вытащить ногу из стремени и откатиться в сторону, только чудом не оказавшись придавленным тушей хрипящей кобылы.

– Доигралась! – зло гаркнул мужчина и замер, пытаясь понять, где он.

Лес в этом месте безмолвствовал. Но не совсем, ветер по-прежнему шуршал кронами где-то там, наверху, а внизу, казалось, жизнь притихла. Тьен тяжело сглотнул и осторожно потянул носом, вдруг осознав, что болото где-то рядом.

– Боги, – простонал прислужник и провел подрагивающей ладонью по лицу. – Это всё сказки. Никаких духов нет.

Он зажмурился, стиснул кулаки и несколько раз повторил свое заклинание: «Духов нет. Духов нет. Духов нет...». После попятился от вздрагивающей кобылы, наткнулся спиной на дерево и вскрикнул:

– Боги!

После понял, чего испугался, и истерично хохотнул. Дерево! Всего лишь дерево! Мужчина развернулся и ударил кулаком по корявому стволу. Покачал головой и попытался усмехнуться, но бравада обернулась всхлипом. Прислужник зябко поежился и обнял себя за плечи, вдруг остро ощутив свое одиночество.

– Тьен! – едва слышный крик достиг его слуха, и Тьенер встрепенулся.

Риор! Он не бросил своего верного слугу, благословите его Боги!

– Хозяин, я здесь! – что было мочи, заорал мужчина. – Я здесь!

Тишина поглотила крик прислужника, и он испугался, что риор проскачет мимо, так и не услышав призыва. Тьенер затравлено огляделся, пытаясь понять, откуда слышался голос высокородного.

– Тьен!

Прислужник развернулся в ту сторону, откуда прилетел новый крик. Он гулко сглотнул и решил.

– Я здесь! Хозяин! – вновь заорал он и бросился навстречу риору сквозь черноту высоких зарослей. – Я здесь!!!

– Тьен!

– Риор Дин-Брайс!

Тьенер прибавил шаг. Страх и надежда подгоняли его, и прислужник, уже не слушая призыва, мчался между деревьями. Глаза привыкли к темноте, и черные силуэты он начал разбирать, счастливо избегая столкновения с ними.

– Хозяин!!! – истерично выкрикнул Тьенер и полетел лицом вниз, запнувшись за корень, торчавший из земли. – Здесь... – задыхаясь, прошептал мужчина.

Он полежал так несколько мгновений, приходя в себя, затем поднялся на четвереньки, продолжая смотреть вниз. Отчего-то было страшно поднять голову и осмотреться. Запах болота стал сильнее. Тьен облизал пересохшие губы, попытался уговорить свое сознание, что ведет себя, как дитя, еще немного и намочит штаны. Однако насмешка над собой не помогла. Страх только усилился.

– Я не сопляк, – срывающимся шепотом произнес прислужник. – Я – мужчина. Мой хозяин вышел один на один с рандиром, так чего же я трушу?

Но рандиры были из плоти и крови. Они дышали, жрали, сношались, рожали детенышей и дохли, как все живые твари. Звери были опасными, но понятными. А мертвецы...

– В Архон, – простонал Тьен, жмурясь изо всех сил.

Страх смерти – один из сильнейших страхов, данных людям. Он превращает смельчака в труса, благородную душу заставляет лгать и предавать, силу оборачивает в слабость. Однако с ним можно справиться, потому что есть надежда и вера. А вот страх перед мертвыми... По сути, что может сделать мертвец, когда его тело уже лишено подвижности? Как он может угро-

жать живому человеку, в чьих жилах бежит горячая кровь? Как может восстать то, что обречено на тлен? Желание жрать, мстить, убивать – все эти желания порождает разум. Но откуда разум в полуразложившемся теле? А уж тем более в костяке? Только если живой управляет своей куклой и заставляет делать то, чего желает он. Только так и никак иначе. Как один дух может сотворить еще несколько?

– Такого быть не может, – как можно увереннее произнес Тьенер. – Девку никто не поднимал, даже никто не может доказать, что она существовала. Прадед хозяина жил сто лет назад. Народ любит языком почесать, а уж жути напридумывать тем паче. Вранье – это всё.

И он поднял голову, открыл глаза и посмотрел перед собой.

– Мама, – совсем по-детски застонал Тьенер. – Мамочка...

Рот его искривился, но вместо крика послышался только слабый вздох, и прислужник ничком повалился на землю, потеряв сознание. Он уже не увидел, как неподалеку выскочил риор на измученном жеребце, и вслед за хозяином появились его люди, бранившиеся сквозь зубы.

– Стоять! – рявкнул Дин-Брайс, натягивая поводья.

– С нами Высшие Силы, – выдохнул кто-то за спиной хозяина.

Риор повернул голову и застыл, приоткрыв рот. После спешился и двинулся к болоту. Шаги его были медленными и тяжелыми. Высокородный судорожно вздохнул, протянул руку вперед, но тут же одернул ее и остановился, глядя расширившимися глазами на огонек, неспешно плывший к берегу.

– Дядя Гирен, эт...эт-т-то дух? – спросил Филис.

– В Архон, – глухо выругался Альтор. – Неужто...

– Я же говорил! – торжествующе воскликнул следопыт и закрыл лицо руками, запричитав: – Нам конец, теперь точно конец. Тьена-то уже и нету... Утащили его, утащили. Может, его душа к нам плывет? Предупредить хочет...

– Да заткнись ты, болтун! – зло рявкнул Альтор. Он спешился следом за риором и негромко произнес: – Лошади спокойны. Будь тут нечистая сила, уже понесли бы.

– А Тьен где? – голос Гирена задребезжал. – Отсюда его крики слышались, а теперь нет, затих!

Филис, сидевший за следопытом, прижался к нему, зажмурился и зашептал молитву, прислушиваясь к охающему мужику.

– Убираться отсюда надо, о-ох... Пока не поздно. Ох, Боги...

Остальные застыли в седлах. Они не сводили взгляда с огонька, подплывшего ближе. Мужчины опасались шевелиться, еще больше нагнетая тягостную тишину болота.

– Х... хозяин, – неуверенно позвал Альтор, остановившись за спиной риора.

Дин-Брайс едва заметно вздрогнул, но не обернулся. Взгляд его не отрывался от зеленоватого огонька. Он гулко сглотнул и сделал шаг навстречу, ратник за хозяином не пошел. Высокородный протер глаза, вновь посмотрел на болото и прерывисто вздохнул. За первым огоньком показались еще два, затем третий.

– Охотники, – прошептал риор. – Идут за своей госпожой.

Разум его бунтовал, твердил, что этого не может быть, потому что его прадед был верен жене, которую любил без памяти. За их сравнительно короткий союз – неполных семь лет, в семействе Брайсов родилось трое детей. И погиб прадед из-за предательства человека, которого он считал другом. Никакой простой девки в жизни предка не было! А если и была, то точно не так, как болтают глупые смерды. А значит, не может лежать в болоте та, кого не существовало! «Но может быть кто-то другой», – откликнулся внутренний голос. Быть может, и вправду была девка, которая утонула в болоте, но народная молва раздула ее историю после смерти хозяина, соединив их воедино...

– Чушь, – нетвердо произнес риор, пытаясь не замечать холодка, скользнувшего по спине и поднявшего дыбом волоски на шее.

– А-ах, – хорошо различимый вздох достиг слуха высокородного.

– Кто здесь? – нервно спросил он и обернулся.

За спиной стоял Альтор, и его облик в неверном сумраке ночи показался Брайсу призрачным.

– Вы с... слыш... слышали, хоз-зяин? – заикаясь, спросил ратник.

– Что? – хрипло спросил риор.

– Баба будто вздохнула. Тяжко так...

– Нет, – солгал высокородный. – Тебе почудилось.

И в то же мгновение над болотом разнесся новый протяжный вздох. Казалось, что и вправду вздыхает женщина.

– Опять! – в восклицании ратника послышались первые нотки паники. – Уйд-дем, хозяин. Уйдем отсюда!

– Боги Великие, Вседержители земные и небесные, – неся к ним бубнеж паренька: – Спасите и защитите от сил черных, сил недобрых, сил пакостных. Охраните детей своих от лиха неправого, от беды неминуемой. Помогите, Боги Великие, к вам взываю. Боги Великие, Вседержители земные и небесные, спасите и защитите от сил черных, от сил недобрых, от сил пакостных. Охраните детей своих от лиха...

– ... неправого, от беды неминуемой. Помогите, Боги Великие, взываю к вам... – едва различимым шепотом подхватил Альтор.

Дин-Брайс поджал губы и сделал еще один шаг. Он не боялся открытой схватки, не боялся угроз и наветов. Он не страшился зверей и людей. Так почему он должен бояться каких-то болотных духов?! Риор остановился перед черной водой, едва заметной под слоем ряски. Втянул носом затхлую вонь и ожесточенно мотнул головой, не желая поддаваться страху, пробиравшемуся в душу.

– Вайриг...

Он ощутимо вздрогнул. Показалось? Или...

– Ах...

Риор тяжело сглотнул и отступил назад, заметив пузырь воздуха, поднявшийся на поверхность болота. Затем поднялся еще один, и вновь послышался вздох. Дин-Брайс снова впился взглядом в огонек, но тот остановился и мерцал ровным светом, словно зажженная свеча. Снова булькнуло, уже под самым огоньком, и темнота, искаженная небольшим зеленоватым пламенем, соткала грезу...

Дин-Брайс увидел тонкую женскую руку, поднявшуюся из воды, и на ее раскрытой ладони продолжал мерцать проклятый огонек.

– Вайриг...

Риор отшатнулся, нога его поехала на склизкой земле, и Брайс упал, не сумев удержаться. И видение изменилось. Теперь он видел женский силуэт. Он то расплывался, то вновь собирался воедино, слегка меняя очертания. Неизменным оставалось одно: на раскрытой ладони опущенной вниз руки горел зеленый огонек.

– Вайриг...

Ему показалось, что тень манит его свободной рукой.

– Нет, – сипло выдохнул риор.

– Ох... – еще один вздох разлился в воздухе, и в этот раз он принадлежал мужчине.

Затем лопнул еще один пузырь. А еще через мгновение послышался треск. Затем повторился вздох, и в этот раз он был протяжней и жалобней. Снова зашуршало, что-то треснуло, и из зарослей кто-то выполз. Он поднялся на ноги и, пошатываясь, шагнул к онемевшим людям.

– Хозяин, – простонал нелюдь.

– А-а-а! – заголосил следопыт. Он вытянул руку в сторону зарослей: – Мертвец! Мертвец ожил! Мертвец!

Лошади шарахнулись в сторону, и всадники не стали их удерживать. Кто-то схватился за меч, кто-то за обережный символ, висевший на шее. Риор с трудом отвел взгляд от огонька и обернулся.

– Хозяин, – жалобно позвал «мертвец». – Я здесь.

– Тьен? – всё еще сипло спросил Дин-Брайс.

– Я, – ответил тот. – Это я, Тьенер.

– Не верьте ему, высокородный риор! – воскликнул Гирен. – Это девка его обратила! Он вас пожрет, хозяин! Он нас всех пожрет!

– Прочь!!! – надрывный вопль совпал с пением спущенной тетивы.

Стрела вонзилась в прислужника, и тот, вскрикнув, повалился на одно колено.

– Давай, Фил, еще давай! – заорал следопыт. – В башку ему, прямо в башку!

– Стоять! – гаркнул риор.

Рука Филиса дрогнула, и стрела прошла выше головы прислужника.

– Не смей стрелять! – снова рявкнул Дин-Брайс, хватаясь за эту неожиданную помощь своему разуму.

Он поднялся на ноги, стараясь не глядеть на огонек, развернулся и, оскальзываясь, поспешил к стонущему Тьенеру, из плеча которого торчало древко стрелы.

– Почему не зажгли новые факелы? – с отчаянной злостью рычал риор, избавляясь от своей оторопи и страха. – Немедленно зажечь!

Гирен слетел с лошади и бросился к хозяину. Заступил ему дорогу и взмолился:

– Не ходите, не ходите к нему. Если он вкусит крови, его уже ничего не остановит. Хозяин, прошу вас...

– Пошел вон! – заорал на него высокородный, отталкивая с пути. – Трясешься, как шелудивая шавка! Факелы! Мне нужен свет!

– А и верно, огнем-то верней будет, – часто закивал Гирен.

– Хозяин, я живой, – едва не плача, воскликнул Тьенер. – Клянусь Богами, я живой!

* * *

– Конечно, живой, – раздраженно отмахнулся Дин-Брайс. – Дурачье! Уже друг друга готовы поубивать от страха.

Он приблизился к прислужнику, без всякой осторожности коснулся раны, мало заботясь о том, что Тьен вскрикнул от боли.

– Огня!

– Х-х-хозяин! – запинаясь, взмолился прислужник.

Лагер подбежал с уже зажженным факелом, и риор взглянул на пальцы, которыми коснулся раны.

– Это кровь, – с мрачным удовлетворением произнес высокородный. – Самая обычная кровь. – После обернулся к следопыту и ткнул ему под нос окровавленные пальцы: – Разве у покойников бывает горячая кровь?

Гирен отшатнулся, но нашел, что возразить:

– Так он же еще не остыл.

– Молчи, собака! – Дин-Брайс замахнулся на смерда. – Он чувствует боль, и из раны идет кровь!

– П-п-притворяется, – неуверенно отозвался Филис.

– Точно, – горячо кивнул Гирен. – Его надо сжечь, тогда точно будем знать, что вреда уже не будет.

– Я тебе нос отгрызу! – взвыл Тьенер.

– А я гово... – начал следопыт, но рот ему заткнул кулак Альтора.

– Надоел, – буркнул ратник. – Его бы самого сжечь, верещит, как тварь из Архона.

Риор кивнул Альтору. После забрал факел у Лагера и поднес его к прислужнику. Тьен дернулся, но Дин-Брайс перехватил его.

– Не сжигайте меня, хозяин, – взмолился прислужник. – Я живой. Просто упал, когда к вам бежал, головой ударился, вот и потерял сознание...

– Или со страху в обморок свалился, когда болото увидел? – криво усмехнулся риор, скрывая за издевкой собственную слабость. – Сиди спокойно, я не собираюсь тебя сжигать. Надо стрелу вытащить и перевязать рану.

– Правда? – глаза Тьена доверчиво распахнулись.

Дин-Брайс тут же скривился, его раздражение было всё еще сильно, и эта детская надежда во взгляде, почти обожание и признание в любви, взбесили высокородного. Он сунул обратно Лагеру факел и велел Альтору:

– Займись им, или я удавлю слюнтяя из жалости. – Уже отойдя от ратников и раненого прислужника, риор перевел взгляд на Филиса, виновато склонившего голову: – Будешь слушать бабы причитания, надену платье и отправлю в услужение к лейре Брайс. Понял меня?

– Простите, – шмыгнув носом паренек. – Я просто... испугался.

Риор усмехнулся и бросил быстрый взгляд на болото, но сознаваться кому-то, что ему тоже было страшно, высокородный не собирался. Он посмотрел на кусок очистившегося звездного неба, после в черноту ночного леса и решил, что на привал они останутся, только покинув распадок. Затем подумал о беглецах, которые, наверное, смотрят сладкие сны, и всё, что скопилось в душе за эту проклятую ночь, вскипело желчью. Если бы сейчас Дин-Брайса спросили, как он относится к врагам лиора, он бы ответил, что готов перегрызть им глотки. Кто-то должен быть виноват в гибели его людей и в собственном кратком малодушии, и виноватые нашлись без всяких сомнений...

Глава V

Утро выдалось солнечным. Первые лучи позолотили горные пики, скользнули по Рыжему гребню и пощекотали нос сладко спавшему мужчине.

– А-апчхи, – чихнул он и сел.

После протер глаза и от души потянулся, впервые за долгое время ощущая себя отдохнувшим. Савер поднял голову, прищурился и кивнул солнцу, желая ему доброго утра. Он поднялся на ноги, чувствуя бодрость и готовность к продолжению путешествия, хотел уже разбудить высокородных, но повернулся в их сторону и замер. На губах прислужника появилась улыбка, граничившая с умилением, и будить хозяина и лиори расхотелось.

Райверн вытянулся в своей излюбленной позе на спине, закинув одну руку за голову. На его плече спала Альвия, уткнувшись носом в шею риора. Ее ладонь покоилась на мужской груди, ногу Перворожденная закинула Кейру на бедро, и ладонь второй руки изгнанника лежала на женском колене. И если бы Савер не был уверен в том, что хозяин спит, он бы подумал, что тот наслаждается минутами близости с любимой женщиной, до того довольная улыбка застыла на нагловатой физиономии высокородного.

– Хоть вовсе не буди, – тихо хмыкнул прислужник. – Чисто лебедь с лебедушкой.

Савер еще немного полюбовался умиротворяющей картиной, даже не вспомнив, что еще вчера, с трудом забравшись сюда, он думал лишь о том, как бы столкнуть лиори с вершины гребня и остаться вне подозрений. Хотел даже ночью ударить камнем по голове, чтобы поскорей прекратить свои мучения и освободить хозяина от власти проклятой женщины. И в то мгновение прислужнику уже было всё равно, что скажет риор, потому что он был уверен, что высокородный должен оценить заботу своего слуги и понять, что тот прав. Но прошедшие дни и размышления подернулись дымкой забвения, словно кто-то стер их из памяти верного прислужника. А глядя на Перворожденную, Савер ощущал и вовсе непонятную благодарность и восторг, словно видел перед собой богиню, спустившуюся с неба и одарившую его благодатью. Объяснить себе подобное восхищение мужчина не мог, но чувствовал его очень ярко.

Наконец, оставив в покое спящую пару, прислужник заново разжег костерок, бросив в него весь оставшийся хворост. После поставил на него маленький котелок, которым путники разжились прошлым утром у бродячего торговца. Вылил в него почти всю воду из бурдюка, стоявшего рядом с местом их ночевки, и накидал в котелок травок, собранных по дороге, чтобы приготовить отвар. Добыл из мешка подсушенный хлеб, прихваченный еще в Хилипe в гостевом доме, и хмыкнул при воспоминании о Бусинке.

Когда вода уже кипела, и воздух наполнил аромат трав, Савер вновь обернулся к высокородным и первое, что обнаружил – хозяин проснулся. Райверн скосил глаза на Альвию, кажется, опасаясь повернуть голову, чтобы не потревожить ее. Затем опустил руку из-за головы на плечо лиори. После опустил ниже и с невинным выражением на лице погладил Перворожденную по коленке, не встретив сопротивления, провел дланью от колена до бедра, подождал еще немного и сдвинул ладонь на округлый зад самой повелительницы Эли-Борга. В этом месте риор вздохнул с умиротворением и несильно сжал ладонь.

– Оборву руки, – послышался сонный голос лиори.

– А? Что? – забормотал Кейр, «разбуженный» словами Перворожденной. – Спи, Али, спи, еще можно. Тш-ш....

– Поздно, – ответила Альвия, отодвигаясь от шеи риора. – Я проснулась. Ты слишком громко сопел от удовольствия.

Она хотела подняться, но Райверн Кейр не был бы Райверном Кейром, если бы не обратил досадное пробуждение лиори в собственную пользу. С присущей ему наглостью, риор перевернулся, придавив Перворожденную своим массивным телом к лежанке, перехватил ее руки,

завел за голову и сжал запястья широкой ладонью. Альвия не возмущалась и не вырывалась, только надменно изломила бровь и услышала:

– Фу, какая ты утром лохматая и заспанная.

– Что? – опешила лиори.

– Я сказал, что ты утром трогательная и беззащитная, просто прелесть, – и Кейр ослепил Альвию жизнерадостным оскалом.

– Ты сказал, что я лохматая и заспанная, – не поддалась Альвия.

– Но ты же лохматая и заспанная, а еще трогательная и беззащитная. Одно другому не мешает, – возразил Райверн.

– Но «фу» мешает «прелести». Прелесть не может быть «фу, какая».

– Очень даже может, когда прелесть ворчит и вредничает. А ты не можешь не ворчать и не вредничать. Кто просил тебя просыпаться?

Альвия поперхнулась и не сразу нашла, что ответить, столько праведного возмущения было написано на лице изгнанника.

– Ну, потрогал я твой перворожденный зад, и что? Он на месте, у меня приятное утро. Неужели тебе жалко для меня такой малости за то, что я самоотверженно согрел тебя всю ночь собственным телом? Да в конце концов! Я отдал тебе всё тело, а ты жалеешь мне какой-то один завалящий зад?

– А завалящий он потому, что валяется вместе со мной? – уточнила лиори.

– Именно, – кивнул Кейр. – А сам зад очень даже хорош, но я должен ощупать его снова, чтобы убедиться, что не ошибся в первый раз. Я держался за него долю мгновения...

– Тебе остатки разума выдуло за ночь? – заподозрила Перворожденная.

– Мой разум при мне, это всего лишь исследовательский интерес и жажда благодарности. Но я могу оставить в покое твой зад и заменить его на поцелуй, ну, хотя бы в щеку. Целуешь ты, так и быть, позволяю.

И он склонился к лицу лиори, подставив щеку. Альвия сузила глаза, ухмыльнулась и... попыталась вцепиться нагледу в щеку зубами. Райверн отпрянул, укоризненно покачал головой и, перехватив Перворожденную, перевернулся, укладывая ее на себя. Ладони риора опустились ниже спины лиори, и пальцы сжались. В бирюзовых глазах полыхало коварство и неубиваемое жизнелюбие:

– Как же ты предсказуема, сердце мое, – сообщил Альвии довольный боржец. – Я был уверен, что ты милостиво предложишь мне довести мои исследования до конца.

– И какое заключение ты готов огласить? – поинтересовалась лиори, усаживаясь поверх бедер риора.

– Лучшего зада, чем у властительницы Эли-Борга, не сыщется во всем свете, – объявил Кейр, глядя с улыбкой на женщину.

– И сколько седалищ ты изучил, чтобы прийти к своему заключению? – спросила Альвия, и взгляд ее вдруг стал колючим.

– Хозяин, – позвал Савер. – Госпожа, завтрак...

– Отстань, – в один голос отмахнулись высокородные, продолжая сверлить друг друга пристальными взглядами.

– И всё ж таки я здесь и...

– Савер, помолчи, – рявкнул риор.

– Савер прав, отпусти, – велела лиори.

Райверн показал ей руки, после заложил их под голову и иронично приподнял брови:

– А я и не держу, ты сама меня оседлала. Кстати, если посидишь так еще немного, я захочу облапить еще что-нибудь спереди и повыше. Хотя почему – захочу? Я уже хочу...

– Похабник, – фыркнула Перворожденная, поднимаясь на ноги.

– Просто честный человек, – пожал плечами риор и воскликнул ей в спину: – Но поцелуй за тобой! Я не насладился ощущениями от изучения...

– Замолчи, – отмахнулась Альвия и перебралась к прислужнику. – Доброго утра, Савер. Как спалось?

– Чудесно, – искренне улыбнулся тот. – И вам доброго утра, госпожа.

Лиори улыбнулась в ответ, потрепала прислужника по плечу и приняла из его рук кружку, захваченную еще в Одеде. После взяла сухарь и впиалась в него зубами, упорно не желая смотреть на Кейра, устроившегося рядом. Он несколько раз пытался заговорить с Альвией, но она осталась холодна и отвечала только Саверу. Райверн прищурился и некоторое время рассматривал Перворожденную, громко похрустывая сухарем. После взял второй и, нацелив его на лиори, обличительно произнес:

– Ты ревнуешь, Али. – Она возмущенно округлила глаза, хотела что-то ответить, но Кейр не дал, продолжив: – И не лги, что это не так. Ты меня ревновала все годы, что мы были разделены.

– Пф, – патетично отмахнулась Альвия, допила отвар и поднялась на ноги.

– Не «пф», – передразнил ее изгнанник, – а – да, Райв.

Лиори обернулась к нему, усмехнулась и ответила, глядя в глаза:

– Нет, Райв.

Савер закатил глаза, но в перепалку не полез, справедливо рассудив: когда высокородные спорят, смерду лучше им не мешать. Да и принимать чью-либо сторону не хотелось, потому прислужник решил – пусть разбираются сами. Он вылил на руки лиори остатки воды из бурдюка, чтобы она могла ополоснуть лицо. И пока Перворожденная причесывалась и переплетала косу, собрал вещи. Риор потер лицо сухими ладонями, причесался пятерней и, решив, что и так красавец, вновь посмотрел на Альвию.

– Ну, сознайся, Али.

– Отстань от меня, – отмахнулась она, закидывая на спину перевязь с мечом, чтобы удобней было спускаться вниз.

– Савер, – Райверн позвал прислужника, – а ты что скажешь?

– Скажу, что погода чудесная, хозяин, – ответил тот.

– А еще?

– Вы прекрасны, хозяин.

– Знаю, – отмахнулся Кейр. – Ладно, молчи, подлиза. Я сам ее дожду.

– Может, его ночью бешеный рандир покусал? – предположила Альвия, посмотрев на Савера.

– Скорей болотный дух, госпожа, но я точно сказать не могу, ибо проспал всю ночь без просыпу. Вы были рядом, вам и лучше знать.

Высокородные переглянулись и махнули на прислужника, сегодня он был слишком миролюбив, чтобы выступить на чьей-либо стороне. Так что споры и препирательства остались им. Саверу же достался его мешок, бодрость духа и хорошее настроение. Слуга не возражал, потому ушел вперед, слушая перепалку хозяина и лиори вполуха.

– Али, ну, сознайся, – Райверн догнал Перворожденную и пристроился рядом. – Я сразу отстану. И, может быть, тоже в чем-нибудь сознаюсь.

Она остановилась и развернулась к риору. Взгляд серых глаз стал напряженным. Она склонила голову к плечу и спросила:

– У тебя еще остались секреты?

– Ты всё о том же, – удрученно вздохнул Кейр. – Нет, что касалось прошлого, я рассказал всё. Что касается моей жизни в Эли-Харте, мне каяться не в чем. Против Эли-Борга зла не замыслил, в намерения Тайрада посвящен не был.

– Тогда в чем хочешь сознаться?

– Ответ на мой вопрос, узнаешь, – искушающе произнес риор, и Перворожденная отмахнулась:

– Обойдусь.

Она продолжила путь по каменным глыбам, больше не обращая внимания на Кейра. Тот вновь поравнялся с лиори, первым перебрался через квадратный валун, который преградил дорогу, выпятив вверх ребро. После обернулся к Альвии и подал руку, она ухватила за раскрытую ладонь, и изгнанник легко перетянул женщину через неудобный камень.

– Неужели тебе совсем неинтересно узнать все мои тайны? – спросил риор, приобняв лиори за талию.

Перворожденная перебралась на следующий камень и пожала плечами:

– Ты сказал, что ничего не затевал против Эли-Борга, в заговоре не участвовал. Что мне может быть интересного в твоих тайнах?

– Какая ты все-таки противная, – фыркнул Райверн.

Альвия обернулась, насмешливо взглянула на него и отметила:

– Тогда у тебя противное сердце. Еще вредное, ворчливое, вообще, фу, какое. – После покачала головой и вздохнула: – Не завидую тебе, Райв, такую гадость таскаешь в груди.

Теперь рот открыл изгнанник. Он несколько мгновений смотрел вслед удаляющейся лиори, наконец, понял смысл ее слов и поспешил за Перворожденной.

– Какое есть, – сварливо произнес он. – Другого сердца нет и не будет, и прошу отнестись к нему с уважением. Сам я давно смирился, что мое сердце, хоть и совершенно, но порой невыносимо.

Она вновь обернулась и ткнула пальцем в грудь Райверна:

– Заменял бы на другое и жил спокойно, – голос лиори наполнился ядом.

– А я люблю мое сердце, – с вызовом ответил риор. – Мне другого не надо.

– Конечно, не надо, – с издевкой усмехнулась Перворожденная. – У тебя же грудь широкая, туда столько сердец можно напихать, что однажды сам забудешь, какое из них настоящее.

– Отличная грудь, гостеприимная, уютная. Не так ли, Али? – прищурился Кейр.

– Ужасная, неудобная, жесткая, – отмахнулась она.

– Но спалось тебе на ней сладко.

– Почти глаз не сомкнула, – соврала Альвия. – Ты еще и храпишь так, что рокот небесного грома в сравнении с тобой словно мурлыканье котенка. Ужасная ночь. Удивлена, как устоял гребень после твоего напора. Дрожал каждый камень.

Лиори отвернулась и зашагала дальше. Райверн некоторое время оторопело смотрел ей в спину, наконец, всплеснул руками и воскликнул:

– Ты наглая врушка!

Альвия, не оборачиваясь, помахала ему рукой и скрылась за очередным большим камнем. Кейр догнал Перворожденную, когда она сократила расстояние между собой и Савером, заступил ей дорогу и возмущенно объявил:

– Моя госпожа – лгунья.

– Слово лиори – истина, – высокомерно ответила Альвия. – Всё, что я говорю, неоспоримо.

– Врушка, – мотнул головой Райверн. – Вот это неоспоримо. Во-первых, я не храплю. Во-вторых, на моей груди ты чувствовала себя, как дома. А в-третьих, у меня всего одно сердце – и это истина.

Перворожденная закатила глаза, затем попыталась обойти риора, но он раскинул руки, не давая женщине обойти себя, и потребовал:

– Признай, что соврала.

– Ни словечком, – заявила Альвия. – Ни буквой.

– А я точно знаю, что соврала, – не сдавался изгнанник.

– И кто тебя убедил в этом? Те женщины, которые проводили с тобой ночи? Они тебе бессовестно лгали. Должно быть, опасались, что ты заставишь их вернуться и послушать тебя еще раз, – Альвия вдруг охнула и шлепнула себя ладонью по лбу: – Так вот почему их было так много! Они попросту больше не возвращались, и тебе приходилось отыскивать новых. Прости, Райв. Я-то была о тебе дурного мнения, а стоило пожалеть.

Последнее вышло злой насмешкой. Лиори поднырнула под вытянутую руку и прошла дальше. Кейр обогнал ее, но не стал ни оборачиваться, ни помогать перелезть с камня на камень. Он некоторое время шел молча, явно задетый словами Перворожденной, однако долго не продержался, все-таки обернулся и нацелил на нее палец:

– Если моей госпоже так угодно знать, то я отвечу. Женщин у меня и вправду было немало, и не всех я могу вспомнить, и не только имя, но и как они выглядели. Потому что женщины шли ко мне в любое время суток, несмотря на то, пьян я или трезв. Приходили ни по одному разу и желали задержаться подольше.

– Мне плевать! – зло отмахнулась Альвия и обошла Райверна. Однако через несколько шагов обернулась и отчеканила: – Ваши похождения, риор, мне неинтересны. Если вас распирает от желания поделиться с кем-нибудь своими победами, то настоятельно требую исключить меня из числа слушателей. Мне омерзительны вы и ваши женщины. А если уж называть вещи своими именами, то вы... – она на короткий миг сузила глаза и выплюнула: – Шлюха. И не смейте больше лгать о своей любви. Любите вы себя и только себя. Отныне я вообще сомневаюсь, что у вас есть сердце.

И пока она говорила, на лице Кейра всё шире расцветала торжествующая улыбка.

– Если продолжишь скалиться, у тебя треснут щеки, – раздраженно произнесла Альвия и отвернулась. Но до изгнанника долетело: – Он еще меня называет лгуньей.

Райверн умиротворенно вздохнул и торжествующе произнес:

– А я говорил, что дождю. Ревну-ует. – И прошептал, глядя с нежностью в спину разгневанной женщины: – Злюка моя ненаглядная.

Однако тут же стал серьезным и почесал в затылке. Теперь надо было помириться, но лиори выглядела слишком воинственной, и как к ней подойти, риор пока не представлял. Соваться под горячую руку не хотелось, но и вновь чувствовать ее отчужденность тоже.

– Перестарался, – вздохнул Кейр и поспешил за своими спутниками.

Альвия не оборачивалась, она сердито хмурила брови. Гнев клокотал в крови, он обжигал щеки, заставлял ладони сжиматься в кулаки, и с уст Перворожденной время от времени злобным шипением срывались бранные слова. Уму непостижимо! Да в Архон! Зачем Кейр вывалил на нее свою грязь? То, что он был неводержан сверх всякой меры, лиори и без того знала, шпионы исправно докладывали о том, как живет предатель. Альвию всегда выводило из себя его беспутное поведение. Это было мерзко! Отвратительно! Гадко! Да в конце концов, она даже брезговала думать, как можно быть настолько похотливым животным! Какая ревность? Это просто неприятие нечистоплотности и ничего больше.

– Животное и есть, – буркнула Перворожденная.

Она догнала Савера, обошла его и первая начала спуск с гребня.

– Госпожа, осторожней! – донесся до нее вскрик прислужника.

– Я ловка, как гейт, – отмахнулась лиори, но под ноги смотреть начала, однако гневные мысли продолжали роиться в голове, жалея воспоминаниями о словах изгнанника.

«У меня было немало женщин...». Нашел чем хвалиться! Что она – юнец, охочий до женского тела, чтобы выслушивать подобную похвалюбу?! Немало... Дур вообще на свете великое множество, с этим не поспоришь. Да и нравы Эли-Харта были слишком вольными. Еще бы риорам Тайрада не иметь по пучку любовниц, если их господин скачет по чужим спальням, как горный гейт! Но Кейр-то – боржец! Он не какой-нибудь блудливый хартий, чтобы бросаться на всё, что готово задрать подол!

– Скотина какая...

«Они шли ко мне в любое время суток, хоть к трезвому, хоть к пьяному...». Вот, пожалуйста. И какая уважающая себя женщина будет кидаться на мужчину, даже не брезгуя, если он во хмелю? Да в Эли-Борге столбов бы не хватило для порки, если бы боржинки так вели себя! Как... как течные суки, право слово!

– Немыслимо!

«Мечтали задержаться...». Ну, конечно! Такое золото! Сам Райверн Дин-Одел! Язык, как мельница, кого угодно заболтает. Лиори ядовито усмехнулась и охнула, когда нога съехала с выступа. Запястье сжала сильная рука, удержав от падения. Перворожденная подняла голову и встретила с встревоженным взглядом бирюзовых глаз.

– Осторожней, – Кейр укоризненно покачал головой и услышал в ответ шипение:

– Убери руки, мерзавец.

– Доберемся за земли и убегу, – заверил он.

– Я тебе шею сверну, – пообещала в ответ лиори.

– Обожаю, когда ты рычишь, как дикая кошка, – Райверн миролюбиво улыбнулся.

Альвия прикрыла глаза, медленно выдохнула и произнесла уже ровным тоном:

– Лучше присмотри за Савером, я сама справлюсь.

– Али...

– Я всё сказала, – ледяным тоном оборвала его лиори, вырвала из захвата руку и продолжила спуск.

– Да и пожалуйста, – фыркнул риор.

Женщина не ответила. Она заставила себя быть внимательней, однако отвлечься от ненужных размышлений не удалось. «Они сами шли ко мне...». Еще бы не шли. Женщины вообще склонны увлекаться такими наглецами и мерзавцами. Еще взгляд его этот... Как в ловушке держит. Загораживающий взгляд, манящий. И губы... И ямочки на щеках, когда улыбается, а улыбается часто, потому что веселый... И стать.

– Всё равно животное, – проворчала Альвия. Она подняла голову, встретила взглядом с Райверном и тут же отвернулась, усмехнувшись: – Ревную...

Кто он ей, чтобы ревновать? Не муж, не жених, даже не возлюбленный. Всё, что когда-то жило в ее сердце, умерло. Ничего не вернуть, ничего! Так какой смысл в ревности? Его нет, разумеется. Обычная брезгливость и неприятие невоздержанности в желаниях и связях. Только и всего.

– Только и всего, – повторила она вслух для весомости и нахмурилась. – Блудливая сволочь.

– А разве мне было кому хранить верность?

Лиори вздрогнула от неожиданности и обнаружила, что уже стоит на земле, и ее спутники замерли неподалеку. Савер переводил дыхание, Кейр смотрел на Альвию. На его устах играла улыбка, но была она скорее грустной. Перворожденная упрямо поджала губы, тряхнула головой и обратилась к прислужнику:

– Савер, куда дальше?

– Туда, госпожа, – ответил прислужник, вытянув руку влево.

Альвия кивнула и устремилась в указанном направлении, не желая слушать Райверна.

– Но ведь это так! – крикнул ей вслед риор. – Ты отказалась от меня и лишила всякой надежды. Более того, ты связалась с каким-то мозгляком...

Лиори обернулась и подняла руку:

– Достаточно, Райв.

– Госпожа, не спешите, умоляю вас, – воззвал Савер.

Альвия вздохнула и подождала, пока прислужник с Кейром поравняются с ней. Теперь она была вынуждена идти с ними рядом. Вскоре Савер прибавил шаг и опередил высокород-

ных. Перворожденная хотела последовать за ним, но ее локоть сжал Райверн, не позволив бежать.

– Али, ответь мне, когда постельные игрища стали равняться с любовью?

– Отстань от меня, – в голосе лиори зазвучала угроза.

– Отстану, обещаю, но я хочу, чтобы ты услышала меня. Мне некому было хранить верность, я даже не особо дорожил своей жизнью. Ее смысл был утерян вместе с последним вздохом моего господина. Всё, что было для меня ценного в эти годы: Одел, Савер и поездки к дайр-имам. Мое сердце было разбито, душа отравлена обидой, а тело... Каждый человек нуждается в том, чтобы хотя бы изредка ощущать себя нужным, чувствовать живое тепло рядом. Жениться я не хотел. Никто не сумел изгнать из моего сердца образ сероглазой лейры Борг. Но я – здоровый мужчина, и потребности у меня те же, что и у других мужчин. Да, у меня были женщины, да, меня любили, да, я предавался страсти в чужих объятьях, но что должно было удержать меня? Твой приговор? Или же подсланные убийцы? Быть может, известие, что твои ночи уже не одиноки? Что из этого должно было меня подвигнуть вести жизнь затворника? Да и разве ты не жила точно также? Разве любила того, кого ты подпустила к себе первым? Или же Талья? Будь это так, он бы уже несколько лет был твоим мужем. Но его имя ты назвала в порыве ярости и по необходимости. Однако это не мешало тебе делить с ним свою страсть, не так ли? Так в чем же виновен я? Лишь в том, что ты не забыла меня, и каждое новое известие о моих забавах жалило тебя уколom ревности? Так ведь и я ревновал. Ревновал и бесился. Если хочешь знать, когда Тайрад рассказал мне, что у тебя появился... дружок, я ему не поверил, особенно когда он заявил, что твоя девичья опочивальня более не пустует. Я не поверил, но... – Альвия кинула на изгнанника быстрый взгляд: – В Харте стало тогда одними покоями меньше, а одним пьяным дурнем больше. Это стало вторым ударом после твоей клятвы. Ну а третьим ударом был Таль. В тот день, когда до меня донесли это известие, я ненавидел тебя так же истово, как любил. Я смирился с тем, что уже никогда не заполучу тебя, привык к мысли, что однажды ты выберешь себе мужа, потому что Эли-Боргу нужен наследник. Но я не был готов, что ты приблизишь моего лицемерного побратима. Это было, как двойной удар в сердце. И все-таки я вынудил себя признать, что не смею упрекать тебя даже мысленно. Так в чем же я виноват перед тобой? – Кейр выпустил руку Перворожденной, подмигнул ей: – М? – и прибавил шаг, догоняя прислужника: – Савер, как ты?

Альвия опустила взгляд на свою руку, после машинально растерла запястье и посмотрела вслед Райверну, уже болтавшему со своим слугой. «Так в чем же я виноват перед тобой?». В чем? В том что... Лиори попыталась найти ответ, но вместо этого вдруг усмехнулась и покачала головой:

– Змей.

Значит, ревность? Нет! Альвия представила, что на плече Кейра, точно так же, как она, спала другая женщина, что он обнимал ее и трогал... Лиори скривилась, обожгла спину риора гневным взглядом и... сдалась. Да, ревность. Ее выводило из себя то, что он «предавался страсти в чужих объятьях». Это просто бесило! Вздохнув, Альвия повторила:

– Змей, – неожиданно осознав, что больше не злится.

Даже больше, она признала слова изгнанника справедливыми. И как бы ей ни хотелось отмахнуться, но он был прав. Ни Дин-Тьера, ни Дин-Талья она не любила. И если первого выбирала по некоему подобию утраченной любви, из-за легкого веселого нрава, то второго – просто из-за того, что ей было необходимо чувствовать себя нужной, и тоскливый взгляд Тиена стал крючком, за который она зацепилась. Ее любили, и этого лиори вполне хватило, но сама она так и оставалась холодна, если, конечно, не считать ночей, наполненных чувственным наслаждением.

Райверн обернулся, заметил задумчивый взгляд Перворожденной и едва заметно улыбнулся.

– Обожаю умных женщин, – сказал он Саверу.

– Когда-то вы говорили, что обожаете глупышек, – заметил прислужник.

– Наивных, Савер, наивных, – поправил его риор. – И не обожаю, а нахожу в них некую прелесть. Не перевирай моих слов. А вот умных обожаю.

– Или умную? – улыбнулся Савер.

– А перед ней преклоняюсь, – улыбнулся в ответ Райверн. – Годы сделали ее тверже, но раздери меня твари Архона, если она не всё та же маленькая лейра, скрытая панцирем своей власти.

– Наивная?

– Трогательная, Савер. Невероятная, – закончил изгнанник шепотом.

– И вы готовы отдать за нее жизнь.

– Она – моя жизнь, ее смысл и цель. Так было раньше, так осталось теперь, и так будет всегда.

– Всегда, – кивнул прислужник и помрачнел, вдруг ощутив уже знакомый холод и смрад тления. – Всегда.

Райверн скосил на него глаза, сразу отметив, как потускнели только что блестящие глаза, как зябко поежился Савер, как сделал осторожный вдох. Поджав губы, риор еще некоторое время наблюдал за слугой, после накрыл его плечо ладонью, пожал его и спросил, глядя с добродушной улыбкой:

– Что тебя беспокоит, дружище?

– Всё хорошо, хозяин, – ответил Савер, так и не взглянув на Кейра.

– Как думаешь, почему за нами не плетутся гончие?

Прислужник поднял удивленный взгляд на риора. Потом пожал плечами и в задумчивости потер подбородок.

– Я не знаю, хозяин, – ответил Савер. – Не думал об этом.

– И, тем не менее, нам еще ни разу не пришлось сражаться, хотя прошли мы уже не мало, и до границы с Эли-Боргом осталось не так долго. Думаешь, Тайрад отпустил нас с миром?

– Да ну-у, – протянул прислужник и хмыкнул. – Лиор уже, должно быть, зубы стер, пока скрежетал ими от злости. Когда это Эли-Харт ходил в добряках?

– Никогда, Савер, это ты верно заметил, – усмехнулся Райверн. – И все-таки мы идем, а нас не преследуют, собаками не травят, почему? – Слуга нахмурился, пытаясь понять, чего от него ждет хозяин, а он явно к чему-то подводил, только к чему? – Тай должен был обратиться к этой бледной мрази, своему колдуну. Но раз тот не отправил гончих, значит, удумал иную гадость?

– Н...навечно, – запнувшись, ответил Савер, и взгляд его вдруг стал испуганным: – Что вы хотите от меня, хозяин?

Кейр обернулся назад, обнаружил Альвию почти за своей спиной и тепло ей улыбнулся. Лиори на улыбку не ответила, но кивнула, предлагая продолжить разговор с прислужником. Риор спорить не стал. Он вновь сосредоточил внимание на Савере.

– Я хочу знать, что тревожит тебя, – сказал Райверн. – Я всегда ценил тебя за острый ум, Савер, так покажи его. Есть мстительный и жадный лиор, есть черный колдун, и есть мы: лиори Эли-Борга, которая мешает Эли-Харту, я – предатель, не позволивший осуществиться давней задумке, и ты – мой верный слуга и единственный друг. Тайрад не может допустить возвращения лиори в ее риорат, это станет концом его чаяний и прикормленных мушек. А еще не может простить мне вмешательства. Мы оба знаем венценосного мерзавца, потому можно смело предположить, что лиора распирает от жажды мести. Но колдун не дотянется до Первожденной, она защищена своей кровью, и я чарам поддаюсь слишком плохо, чтобы управлять мной. Ну же, Савер!

– А... – прислужник тяжело сглотнул и беспомощно посмотрел на риора. Голос его задрожал, когда мужчина все-таки ответил: – А я – простолюдин, мной управлять можно.

Кейр покивал и в третий раз задал свой вопрос:

– Что тебя беспокоит с некоторых пор? Скажи, я гневаться не буду, но мне нужно услышать это от тебя, чтобы понять, насколько глубоко забрался колдун.

Савер обернулся назад, посмотрел на Альвию, после вновь поднял растерянный взгляд на риора и ответил, едва слышно:

– Она, хозяйин. Вы идете с ней, чтобы умереть, а я не могу этого допустить. Кроме вас у меня никого нет, и дышу я до сих пор только благодаря вам! – голос Савера окреп, в нем появилась злость и уверенность в том, что он говорит: – От этой женщины все ваши беды! Она предала вашу любовь восемь лет назад, она предаст ее снова и, наконец, заберет вашу жизнь. Если ее не станет...

– Не станет и меня, – негромко произнес Кейр, глядя в глаза прислужнику. – И ты это знаешь. Поэтому ты помог мне вырвать ее из лап Тайрада и вывез из Фариса.

– Но это путь в один конец! – в отчаянии вскричал Савер.

– Это – мой путь! – Райверн мотнул головой, заставляя себя успокоиться. – Друг мой, ты ведь уже понял, кто ударил в самое уязвимое место. Ты видишь, как нас решили уничтожить, всех троих одним ударом. Теперь ты – клинок Эли-Харта. В тебе хватило сил бороться с собой столько времени, найди их снова. Тебе не нужна жизнь лиори, потому что ты не интриган и не убийца. Ты – просто парень с чистым сердцем, и оно бьется не для того, чтобы какая-то колдовская тварь управляла им.

Альвия, молча слушавшая разговор, шагнула ближе и мягко сжала пальцы прислужника. Тот дернулся, но вдруг обмяк и повинно склонил голову.

– Я отпущу вас, Савер, – сказала она. – Отпущу твоего хозяина и обещаю не отдавать приказ о преследовании столько, сколько ему понадобится времени, чтобы уйти. Даже больше. Я предлагаю тебе помощь. Когда мы дойдем до Эли-Борга, я заберу тебя с собой, и мой чародей освободит тебя от черных пут. После ты вернешься к Райверну, и вы вместе покинете пределы риоратов. Ты прав, я не могу не исполнить клятвы, но в моей силе отсрочить приказ о поимке риора.

Савер поднял взгляд, полный муки, на Перворожденную, сжал ее пальцы и прошептал:

– Он не уйдет.

– У нас есть время заставить его образумиться, – ответила Альвия.

– Вы его совсем не знаете...

– Довольно! – неожиданно резко произнес Кейр. – Али, ты можешь опять...

– Нет, – лиори отрицательно покачала головой. – Чем чаще я буду давать Саверу свое... снадобье, тем больше вероятности того, что оно начнет вредить, а не помогать. Только в самом крайнем случае. Пока он может держать себя в руках, я не призыву силу моего рода.

Она ушла вперед, риор и прислужник последовали примеру Перворожденной. Кейр остался рядом с Савером, но окликнул Альвию:

– До тракта осталось меньше часа ходьбы. Там мы поравняемся с Сухим озером, перейдем его и вновь скроемся от случайного взора. Тебе лучше надеть юбку и отдать меч.

– Ближе к тракту, – кивнула лиори.

Райверн не стал спорить. Он сосредоточился на Савере, заняв его пустыми разговорами, не давая погрузиться в свои размышления. Помогало это или нет, пока сказать было сложно, но прислужник вновь немного оживился и даже выдал несколько острот, споря со своим хозяином. Альвия шла впереди, и о чем сейчас думала, понять было невозможно. Кейр бросал на нее короткие взгляды время от времени. Он увидел, как лиори вдруг рванула завязки плаща, словно ей стало трудно дышать, после откинула назад голову и что-то произнесла, но расстояние и болтовня Савера не позволили расслышать.

Риор ощутил тревогу. О чем думала Перворожденная? Куда занесло ее в размышлениях, и чем они вызваны. Сейчас, когда хрупкий, но всё же мостик протянулся между ними, Райверну до крика не хотелось упускать ни мгновения, чтобы не позволить непрочной связи разрушиться. Он бы с радостью догнал Альвию и заставил вновь вступить в перепалку, пропитанную легкой иронией, однако остался рядом с Савером, решив, что это сейчас важнее.

Кейр усмехнулся неожиданной мысли: он вновь разрывался между любимой женщиной и другом, доверие которого терять не хотелось. Когда-то он выбрал любовь, и друг всадил в спину нож. И сейчас происходило нечто подобное, только нож должен был влететь в женскую спину, и отнюдь не метафорический, а самый настоящий, из стали. Только этим ножом друг мог сразить всех их разом, и значит, стоило выбрать друга, чтобы удержать его от поступка, к которому его упорно подталкивает далекий колдун.

Странная штука – жизнь. Когда кажется, что удача повернулась к тебе лицом, за плечом уже маячат злобные призраки беды и разочарования. Возможно ли вообще полноценное счастье без оглядки и опасений? Или же оно – только греза, рожденная слепой надеждой и наивной верой? К сожалению, изгнанник этого не знал. Его судьба не особо жаловала, и счастье было для него случайным гостем. И все-таки он был рад этой изменчивой грезе и терять ее не желал, хоть и был готов к этому.

– Али, – не выдержал риор, воспользовавшись коротким затишьем в беседе с Савером. Она обернулась, и Райверн отметил сосредоточенный взгляд лиори, ее плотно поджатые губы и нахмуренные брови.

– Что? – голос Перворожденной отдал хрипотцой.

– Мы почти дошли, пора переодеться.

Он не был уверен, насколько близко тракт, но хотелось сказать хоть что-то, чтобы привлечь ее внимание и вырвать из омута тяжелых и опасных размышлений. Альвия кивнула. Она дождалась, когда мужчины дойдут до нее, забрала у Райверна мешок и вытащила оттуда свою юбку. После отдала риору меч, ни разу не взглянув на него и не произнеся ни слова.

– Али... Что случилось?

– Всё хорошо, – тускло ответила она. – Я готова продолжить путь.

– О чем ты думала? – напряженно спросил Кейр, но Перворожденная лишь криво усмехнулась, отрицательно покачала головой и опять ушла вперед. Риор беспомощно вздохнул: – Али...

Савер, казалось, не слушал высокородных. Он вытянул шею и произнес:

– Вроде и вправду тракт рядом.

Теперь прислушался и риор. Ветер донес до него отзвуки человеческих голосов и ржание лошади. После кивнул и, прибавив шаг, догнал Альвию. Савер поспешил следом. Кейр сунул ему перевязь со своим мечом, прицепил на пояс клинок лиори и выдохнул, успокаиваясь. Все вопросы и доводы потом, сейчас им нужно пересечь проезжий тракт, не привлекая к себе внимания.

– Нам придется немного пройти среди повозок и случайных попутчиков, – обратился Райверн к Альвии. Им уже приходилось проходить среди людей, и лиори знала, как вести себя. Риор знал об этом, но ему хотелось заговорить с ней и услышать ответ.

– Хорошо, Райв, – Перворожденная слабо улыбнулась и вдруг пожала его руку, прошептав едва слышно: – Прости.

– За что? – Кейр удивленно приподнял брови.

– Всё потом, – ответила она и сдвинула в сторону ветки пожелтевшего кустарника. – Тракт.

Изгнанник досадливо поджал губы, но расспросы прекратил, только бросил еще один встревоженный взгляд на лиори. После выдохнул и шагнул на широкую каменную дорогу. Альвия вышла следом за ним, сразу скромно потупив взор. Так она будет идти, ни с кем не загова-

ривая до тех пор, пока путники не пересекут тракт и не сойдут с него, чтобы вновь затеряться среди деревьев и кустарников. Савер чуть отстал от хозяина и Перворожденной, как и должно любому прислужнику.

Он окинул взглядом дорогу и отметил ее оживленность. Это было неудивительно, на другой стороне через Пропасьт туманов стоял большой город Рейк. Через Пропасьт тянулся огромный каменный мост со сторожевыми башнями, в которых стояли городские стражи. Беглецы должны были свернуть за два поворота до подъема на мост и пройти до Сухого озера – большой круглой поляны, где летом цвели голубые цветы – сумары. Из-за них это место и получило свое название, потому что, когда по поляне гулял ветер, колыша сумары, казалось, что это волны бегут по глади голубого озера. Красивое место... Савер там бывал пару раз вместе со своим хозяином, когда лиор отправлял Дин-Одела в Рейк.

А сейчас цветы увяли, их время прошло. Летом, конечно, расцветут вновь, но Савер их больше не увидит, потому что он навсегда покидает Эли-Харт. И его хозяин тоже не увидит, потому что он стал предателем. Ему больше нет места в горном риорате, как нет места в Эли-Борге, в Эли-Ториан, в Эли-Рохте и всех прочих риоратах. Только смерть. Предателей всегда ждет смерть, и союзники Альвии и Тайрада не примут изгнанника, не укроют его, не дадут кров и защиту. Опасность для жизни беглеца не исчезнет нигде и никогда. Только за пределами риоратов, вдали от законов Перворожденных, для него найдется местечко. Но он не уйдет, останется ради своей проклятой любви. И всему виной Альвия Эли-Борг! Она и только она!

Стужа хлынула под кожу прислужнику, выморозила кровь, вонзила острые иглы в сердце, убивая в нем живое тепло, изгоняя доброту и сострадание. Мир вдруг поблек, стали тише голоса людей и животных. Они словно вязли в густом тумане, окружившем Савера. Он судорожно вздохнул, но воздух тоже загустел и никак не желал вливаться в глотку, вползал медленно и тяжело, обжигая гортань холодом.

«Виновна...».

– Что? – прислужник дернулся и оттянул ворот простого серого камзола.

На его лбу выступила испарина, неприятная, липкая. Она покрыла шею, спину, вспотели даже ладони.

«Виновна... Накаж-ши...».

Савер завертел головой, пытаясь найти того, кто нашептывал ему. Он обернулся к крестьянину, восседавшему на телеге, запряженной тягловой лошастью, и тот, указав кнутом на лиори, подмигнул и с его губ сорвалось:

«Она виновна».

Прислужник тяжело сглотнул и метнул взгляд на пешую пару. Мужчина, несший на спине тяжелый куль, ухмыльнулся, глядя на Савера, а его жена зашипела:

«Спас-си хоз-сяина, спас-с...».

«Накажи! – закричал всадник на пегом жеребце. – Она виновна!»

– Боги, – прохрипел прислужник, хватаясь за грудь.

Райверн обернулся, вопросительно взглянул на Савера и нахмурился. Он тихо позвал Альвию и указал взглядом на прислужника.

– Архон, – выдохнула Перворожденная, вглядываясь в посеревшее лицо Савера. – Нам надо сойти с дороги. Сейчас.

Кейр кивнул. Он приостановился, сжал локоть Савера и потянул того наперерез очередной повозке. Прислужник вгляделся в лицо юной девушки, ехавшей с отцом и матерью, и услышал:

«Чего ты медлишь? Она же убьет твоего хозяина! Убей первым, пока не поздно!».

«Спаси его, – простонала мать девицы. – Спаси, как он спас тебя».

«Неблагодарный! – зарокотал отец семейства, замахиваясь хлыстом. – Ты позволишь ему умереть? Ты отдашь своего хозяина этой змее?!».

«Спаси его! – закричала девица. – Убей боржскую суку, убей!».

«Уничтожь ее, уничтожь! – заверещала ее мать. – Или она уничтожит риора!».

Мужик на возке, ехавший с женой и дочерью, замахнулся хлыстом на наглеца, бросившемуся под копыта его волю.

– Куда прешь, дурень! – закричал он.

– Пошел прочь, пес, – рявкнул Райверн, бросив на возницу злой взгляд.

– Ох, простите, высокородный риор, не признал, – возница повинно склонил голову.

Его дочь, совсем еще юная девица, смущенно зарделась, а ее матушка прикрыла рот ладошкой:

– Простите нас, высокородный...

– Езжайте с миром, – отмахнулся Райверн и потянул дальше Савера, не спускавшего пустого взгляда с повозки.

«Ты знаешь, что делать», – кивнул возница.

«Не позволяй свершиться черному злу», – женщина молитвенно сложила на груди руки.

«Спаси его», – заплакала девица.

– Благослови вас Боги, высокородный риор, – щебетала женщина, кланяясь в спину Кейру.

– Мамка, а чего это ихний слуга так на нас смотрит? – тихо спросила девица.

– Не в себе он, – охнула женщина и махнула рукой: – Ступай, сердешный, ступай.

«Боги с тобой», – женщина подняла руку, словно благословляя прислужника.

Савер мотнул головой и отвернулся. Он посмотрел на одинокого путника с сумой на плече. Тот ободряюще улыбнулся прислужнику и потряс клюкой. Савер поджал губы и опустил свободную руку на рукоять ножа, висевшего на поясе, сжал пальцы и, ощутив ее прохладную твердость, вдруг почувствовал себя уверенней. Губы прислужника на короткий миг изогнула коварная усмешка, и ладонь скользнула вниз. Не сейчас. Чуть позже. Он перевел взгляд на лиори, спешившую впереди. Да-а, пусть идет, пусть скроется за кустами, и тогда...

– Прочь с дороги, прочь! – загрохотал за их спинами мужской голос.

Райверн обернулся и отрывисто произнес:

– Скорей, – и беглецы, прибавили шаг.

Отряд риора Дин-Брайса все-таки сделал остановку в деревеньке, стоявшей сразу за Лисьим распадком, нужно было передохнуть после безумной ночи и сменить выдохшихся лошадей. Впрочем, люди вымотались не меньше своих скакунов. Кто-то уснул прямо на земле, привалившись спиной к забору, возле которого спешил. Риор, сердито оглядев своих ратников, ушел к деревенскому голове, чтобы требовать с него лошадей, еды и лекаря, который занялся Тьенером. Тот же лекарь обработал и перевязал руку высокородного, израненного рандиром. Прислужника пришлось оставить в деревушке, потому что он стал помехой отряду. Там же оставили и следопыта.

– Смотри, чтобы один дурень не приближался к другому, – напоследок велел риор. – Вернись – чтобы оба были в целости.

– Будет сделано, высокородный риор, – заверил голова, и отряд отправился дальше.

Дин-Брайс вновь гнал людей, опасаясь, что опоздал, и беглецы успели скрыться. Еще и Гирен подвел. Он был лучшим следопытом, но после болота больше напоминал помешенного. Он всё ждал рассвета, чтобы увидеть, как Тьен рассыплется прахом, и очень огорчился, увидев, что тот не развеялся по ветру. Впрочем, вместо того, чтобы признать ошибку, следопыт уверенно заявил:

– Крепкое колдовство.

Позволить ему и дальше смущать умы ратников, нет-нет, да и слушавших Гирена, риор не мог, потому остался и без верного помощника, и без лучшего следопыта. И это в дополнение к тем, кого пожрали рандиры! О, Вайриг Дин-Брайс был в бешенстве и вымещал его на путниках,

ехавших по тракту. Он щедро раздавал удары плетью налево и направо, в брани находя хоть какое-то успокоение. Его воины, глядя на своего хозяина, тоже не скупились на ругань и удары. И когда впереди возмущено закричал какой-то всадник, браня трех бродяг за то, что они лезли под копыта его коня, Дин-Брайс только со злостью подумал, что наглецов недурно было бы снести на всем скаку, чтобы впредь было неповадно пакостить.

Когда отряд поравнялся с возмущенным всадником, троица уже добралась до края тракта и нырнула за полуоблетевшую поросль. Брайс спешил к перекрестку, чтобы свернуть на дорогу к Сухому озеру. Он уже проехал мимо одинокого всадника, когда до него донеслась брань:

– Да что б меченому брюхо распороти. Сволота! Какой он риор? Он разбойник, даром что здоровый.

– Стоять! – гаркнул Дин-Брайс и обернулся к всаднику: – Ты сказал – меченый?

Мужчина вздрогнул, испуганно округлил глаза и открыл рот, но, опешив, так ничего и не ответил.

– Говори, пес! – риор замахнулся плетью. – Почему меченый?

– Так в шрамах рожа-то, – зататорил всадник.

Дин-Брайс прикрыл глаза, пытаясь прочистить голову. Лиор писал: мужчина – риор без рода, лицо покрыто шрамами, рыжеватый. Опасен. Женщина – лейра, черноволосая, глаза серые, знает ратное дело. Опасна. Второй мужчина – смерд, хитрый, не глуп. Может быть опасным. Трое беглецов – трое путников. Один по виду риор со шрамами, с ним женщина и смерд – это Брайс и сам отметил мельком.

– Они! – воскликнул риор, устремил взгляд к небу и шепнул: – Нагнали! – После, обернувшись к своим людям, выкрикнул: – За мной! – И отряд возобновил скачку, отыскивая, где можно свернуть вслед за врагами лиора.

Райверн пару раз обернулся, бросив настороженный взгляд на тракт, но отряд, кажется, промчался мимо. Попадать на глаза риорам и воинам не хотелось. Они наверняка имели сведения о беглецах и могли заинтересоваться троицей, слишком необычной, чтобы не обратить на них внимание. И если высокородный еще мог встретиться пешим в сопровождении слуги, то благородную лейру таскать по дорогам никто не посмеет. Да и передвигаться с женщиной без отряда сопровождения – это неуважение к самой лейре. Альвия же, даже в своем наряде никак не тянула на простолюдинку. Но, кажется, пронесло и в этот раз.

Кейр перевел взгляд на Савера и остановился.

– Как ты? – настороженно спросил он прислужника.

– Хорошо, – ответил тот, искренне улыбнувшись. – Со мной всё хорошо, хозяин.

– Али, – позвал риор.

Перворожденная скинула с головы капюшон и обернулась. Глаза ее стали вновь голубыми, зрачки уменьшились до маленьких точек, и лиори втянула носом воздух.

– Что-то не так, – сказала она. – У меня волосы на затылке встают дыбом. Это... – она повела плечами и закончила: – предчувствие. Что-то должно случиться. Я чувствую опасность. Надо бежать.

– Что? – брови Кейра изумленно взмыли вверх.

– Бежать! – закричала лиори и сорвалась с места, на ходу вытянув свой меч из ножен, висевших на поясе Райверна.

И тот больше не сомневался. Он повторил за Альвией, выхватив меч у Савера, и бросился следом, велел:

– Савер, быстро!

Прислужник побежал. Кажется, ему еще никогда не было так легко. Холод лишил ненужных эмоций, сковал разум, велел ему замолчать. Сомнения больше не раздирали на двое, он нашел в себе согласие и теперь спешил следом за высокородными, зная, что сделает, как только представится возможность. Кейр обернулся, увидел Савера и кивнул ему. Прислужник опять

улыбнулся, он был готов спасти своего хозяина. Что будет дальше, они разберутся потом, а сейчас нужно было избавиться от дряни, отравлявшей разум и душу изгнанного риора. Пусть бежит, от своей судьбы уже убежать невозможно, она нагонит и вонзит в спину нож. Возмездие уже совсем близко.

Альвия ненадолго остановилась, стянула с себя юбку, перешагнула ее и снова бросилась вперед, ведомая звериным инстинктом, обострившимся в то мгновение, когда сила рода Эли-Борг забурлила в крови, пробудившись на зов своей хозяйки. Лиори бежала легко, в ее движениях угадывалась кошачья грация, и взор влюбленного мужчины, несмотря ни на что, не отрывался от ее спины.

Лишь через несколько мгновений Райверн очнулся и крикнул:

– Куда ты бежишь? Али!

– Туда, – она указала мечом вперед.

Кейр прищурился и вдруг сообразил: там было Сухое озеро. Перворожденная выбрала нужное направление, не зная дороги. Однако Альвия сбилась с пути и побежала мимо опустевшей поляны, где летом колыхалось голубое «озеро» цветов.

– Не туда, – попытался остановить ее Райверн, но лиори только мотнула головой и пропустила дальше, вырвав свою руку из захвата риора. – Словно от огня бежит, – проворчал тот и охнул, вспомнив, как спасаются звери. Только что так перепугало Перворожденную? Этого изгнанник не понимал, но доверился крови варлаха.

И когда вдалеке замаячила невысокая каменная гряда, которую они должны были оставить в стороне, если бы пошли к Сухому озеру, позади послышался конский топот и выкрики – за ними гнались. Всадники быстро сокращали расстояние, а беглецы всё еще не добежали до гряды. Если лиори подспудно чуяла, что можно скрыться среди склонов, видневшихся впереди, то была совершенно права, но... они не успевали.

А потом выстрелил лучник. Первая стрела вонзилась в чахлое деревцо, мимо которого пробежал Райверн, а вторая вошла риору в икру.

– Проклятье! – рявкнул он, припадая на одно колено.

Альвия тут же обернулась и подняла меч.

– Беги! – заорал ей Кейр.

Не побежала. Сорвала мешавший плащ, отбросила его на землю и скользнула навстречу отряду.

– Савер, защищай госпожу! – велел риор. Прислужник кивнул и направился к лиори.

Райверн, морщась и бранясь, переломил стрелу и, распрямившись, нырнул за дерево и обернулся. Альвия перехватила за руку Савера, спешившего к ней, и дернула его за собой. Они скрылись за большим валуном, туда же бросился и Кейр. Прислужник, сжавший рукоять ножа, увидев хозяина, ослабил хватку, и рука скользнула вдоль тела безвольной плетью. Глаза Савера были пусты, лицо бледно, но дышал он ровно, больше не задыхаясь. Риор перевел взгляд на лиори. Она выглянула с другой стороны валуна и развернулась к своим спутникам.

– Ты должна добежать до гряды, – произнес Райверн. – Мы прикроем.

– Нет смысла, – мотнула головой Альвия. – Один ты долго не выдержишься, Савер сейчас плохой помощник, он останется здесь и будет защищать себя, если на то придет нужда. – Прислужник посмотрел на Перворожденную и, чуть помедлив, кивнул, больше напоминая живую куклу. Кейр мысленно согласился с лиори, прислужник был сейчас медлителен и в бою мог стать обузой. Альвия продолжила быстро чеканить слова: – Одна я далеко не уйду, нагонят. Будем отбиваться вместе: ты и я. У них четыре лучника, нам нужно избавиться от них. Против мечей еще можем устоять. Разделимся сами и разделим отряд. Ты отличный стрелок, Райв, я надеюсь на это.

– Понял. Али, – она посмотрела на него. – Будь осторожна. Эли-Борг ждет.

– Дар рода меня защитит, – улыбнулась она. – Береги себя и помни... ты мой.

– Всегда твой, – ответил риор, глядя ей в глаза.

– С нами Боги. Вперед!

Она скользнула направо, и Райверн негромко произнес:

– Во славу твою, моя госпожа, – после бросился влево, перестав замечать боль от раны.

Савер остался на месте, растерянно глядя то в одну, то в другую сторону. Он привалился спиной к камню и замер в ожидании...

Дин-Брайс гнал свой отряд, опасаясь упустить предателей, и когда Альтор закричал:

– Они бегут! – риор, ощерившись, ответил:

– Никуда не денутся. Теперь уже никуда. Лучники!

Кони замедлили бег, давая стрелкам прицелиться. И когда одна из пущенных стрел достигла цели, Брайс криво ухмыльнулся. Ему уже даже не хотелось гнать лошадей, беглецы и вправду попались. За пережитый ночью страх, за павших воинов, за несколько дней преследования – за всё ему хотелось спросить с троицы, нырнувшей за камень. Если они думали, что это спасет их, беглецы ошибались. Но хотелось дать им прочувствовать неотвратимость надвигающегося конца, как он ощущал его, глядя на зеленоватый огонек, плывущий над топью. Риор снова придержал жеребца, взятого в деревне, и отряд перешел на рысцу.

– Окружаем, – велел Дин-Брайс.

И в это мгновение из-за камня выскользнула тень, привлекая внимание хартия. Она метнулась к ближайшему дереву, перекатилась к следующему и помчалась в сторону гряды. Риор уже поднял руку, чтобы отдать приказ, когда из-за камня выбежал высокородный. Он кинулся в противоположную сторону, слишком быстро и ловко для раненого в ногу.

– Разделиться! – крикнул Брайс. – Четверо за мной налево, трое направо. Лучники к бою!

– Третий не появился, – воскликнул Лагер.

– Никуда не денется, – рявкнул риор и помчался наперерез предателю.

Филис скакал, поддавшись общему азарту схватки, злость и усталость придали сил, и они всё более возрастали, когда впереди замаячила добыча, убегавшая от отряда риора Дин-Брайса со всех ног. Люди! Всего лишь люди! Это вам не рандиры и не духи. Двуногие жертвы охоты, без клыков и завываний. Что могут противопоставить три человека отряду, пережившему страшную ночь? Парень натянул тетиву, пустил вдогонку смертоносное жало и возликовал, когда риор-предатель упал на одно колено. Фил не был уверен, что это его стрела ранила беглеца, но радовался так, словно любой из выстрелов, сделанных в эти мгновения, принадлежали ему.

Когда отряд разделился, Филис остался в тройке, которую вел Альтор. Разглядев за кем они гонятся, парень не удержал веселого смешка. Женщина! Что за дурак внушил ей, что баба может сравниться с мужчиной? Зачем ей дали меч?! Она же скорее отрежет собственную косу, чем нанесет хоть один дельный удар противнику! Самая легкая добыча, о какой только можно мечтать.

– Кто дал бабе меч? – хохотнул третий ратник, озвучив мысли Фила. Альтор не ответил.

Юнец разглядел, что женщина молода и, кажется, красива. У него мелькнула мысль, что риор не откажет своим воинам, и тогда они славно развлекутся с этой вероломной дрянью, предавшей своего господина. В чем ее вина, парень не знал, но раз лиор назвал троицу предателями, значит, и раздумывать не о чем. Главное, что дичь сама бежит в силки, остается только ее обездвигить, чтобы после короткого боя насладиться плодами победы. И Фил снова натянул тетиву...

Альвия хищно ухмыльнулась, заметив, как хартий послушно исполнил то, что ему предложили сделать. Впрочем, улыбка тут же исчезла, и лицо Перворожденной стало сосредоточенным. Она пробежала по широкой дуге в сторону гряды, а после изменила направление и выбралась на открытое пространство. Ее ничто не скрывало от трех всадников, мчавшихся на свою добычу. Лиори остановилась, подняв перед собой меч и, не отрываясь, следила за един-

ственным лучником, отправленным за ней вдогонку. Она разглядела, что это юнец, которому исполнилось вряд ли больше пятнадцати.

– Ну, поиграем, мальчик, – криво усмехнулась Перворожденная и отбила клинком стрелу, пущенную в нее. Инстинкты, обостренные даром рода, вели лиори.

Всадники разделились, они окружали беглянку. И Альвия сорвалась с места, бросившись навстречу лучнику. Он выпустил еще одну стрелу, но промахнулся, затем еще одну. Лиори вильнула в сторону, и жало вонзилось в землю за ее спиной. Филис остановил коня, сунул руку назад, но пальцы схватили пустоту – колчан был пуст. Он увидел, как женщина ощерилась, и вдруг осознал, что перед ним не просто баба с мечом, перед ним воин. Самый настоящий. Это открытие удивило. Паренек натянул поводья и удивленно смотрел в ярко-голубые глаза, не отрывавшие от него пристального взора.

– Фил, меч! – гаркнул Альтор.

Он не успевал на помощь мальчишке. Ратник увидел, как юнец вытянул меч, но женщина отмахнулась от него, словно от назойливой мухи, выбив клинок из пальцев Филиса. После легко взлетела на коня за спиной мальчишки. Оттянула голову парня назад и ее клинок скользнул по открывшемуся горлу.

– Тварь! – крикнул второй ратник, когда тело Филиса кулем повалилось на землю.

«Тот, кто поднял оружие против тебя – враг. Врага не жалеют и не оставляют за спиной даже без сознания, потому что он очнется и нанесет свой удар. Никакой жалости, Али, даже если враг слабей тебя. Даже если это юнец или старик. На войне нет возраста, только друг и враг. Друг прикроет твою спину, враг вонзит в нее нож. Никогда не забывай об этом».

«Да, отец».

Альвия перехватила поводья и направила скакуна навстречу двум оставшимся ратникам, уже готовым напасть на нее. Лиори повела своего коня вправо, размахнулась и вонзила клинок в лошадь ближайшего воина. Бедное животное заржало, поднялось на дыбы, а после рухнуло, придавив всадника, не успевшего спрыгнуть. Лиори подстегнула своего жеребца, и тот понес ее дальше, вынуждая Альтора броситься в погоню. После развернула коня ипустила его навстречу воину.

Противники пронеслись мимо друг друга, звякнув на мгновение скрестившимися клинками. Лиори натянула поводья, подняв своего жеребца на дыбы. После развернула и вновь погнала его навстречу ратнику. И вновь мечи скрестились лишь на короткое мгновение. Перворожденная натянула поводья и развернулась к Альтору. Тот тоже удержал свою лошадь и указал мечом на землю. Перворожденная кивнула, соглашаясь на любезное приглашение.

Настороженно наблюдая друг за другом, они спешили и не торопясь двинулись навстречу друг другу. Ратник с неожиданным любопытством рассматривал женщину. Было в ней какое-то странное несоответствие. Риор говорил, что она лейра, и Альтор был склонен согласиться с этим, потому что, несмотря на простую одежду, в воительнице ощущалась порода. Но ратник видел лейр, они были изнеженными и слабыми. А эта женщина не просто знала, как управляться с мечом, в ней ощущался опыт, и женственной ее назвать было сложно. Более всего она напоминала... большую кошку, большую хищную кошку на охоте. Переставляла ноги мягко, двигалась плавно, даже плечами поводила, будто готовилась к прыжку. И глаза... Больше всего поражали глаза женщины, неестественно яркие и пронзительные.

– Кто ты такая? – не удержался от вопроса Альтор.

– Альвия Эли-Борг, – с гордостью ответила женщина и первой бросилась на опешившего ратника...

Райверн от души бранился сквозь стиснутые зубы. С одной стороны он был рад, что большая часть отряда бросилась за ним, а не за Альвией, а с другой трое лучников его совсем не радовали. Стоило ему высунуть нос из-за очередного укрытия, как в его сторону неслись стрелы, и как подобраться к четырем всадникам он представлял слабо. Он перебежал за

последнее деревце, выглянул и удовлетворенно хмыкнул, отметив, что лучников поубавилось, один из них повесил лук за спину – стрелы закончились. Но двое-то еще оставались! К тому же боль в раненой ноге начала давать о себе знать. Штанина промокла от крови, и Кейр поджал губы, понимая, что времени у него совсем мало, потому что скоро придет слабость.

– Архон и все его твари! – рявкнул в пустоту риор.

После вновь выглянул из-за дерева, всадники были уже близко. Райверн с сожалением подумал, что нет времени перевязать рану, но сразу же выбросил эту мысль из головы, пока на него играла его кровь – кровь высокого рода, получившего взамен утраченной волшебной силы и выносливость, какой не было у смердов. К тому же где-то там сражалась Альвия, и бросить ее одну посреди враждебного риората он не мог.

– Выдержу, – кивнул он сам себе. – Ради тебя, сердце мое.

Кейр не стал рваться вперед, он избрал иную тактику. Зачем бежать на противника, рискуя получить стрелу в лоб и ослабляя себя лишними движениями, когда враг сам спешит к тебе? И изгнанник, выглянув в последний раз, удобней перехватил свой меч. Его окружали. Слева объезжал деревья риор, справа лучник без стрел. Райверн коротко выдохнул, подпуская преследователей еще ближе, и рванул в сторону лучника. Острие меча влетело в лошадиную шею, и, когда животное начало заваливаться, изгнанник выставил клинок, и всадник, которого тянула за собой издыхающая кобыла, сам упал на острие.

– Один, – прошептал боржец и бросился навстречу второму лучнику, скакавшему следом за первым.

Тот встретил противника натянутой тетивой, и стрела полетела прямо в грудь Кейра... Но попала в меч, который выставил перед собой Райверн, и лишь скользнула острием по камзолу, не причинив вреда. Лучник отбросил лук, однако выхватить меч не успел, боржец вцепился ему в ногу и, с силой дернув на себя, стащил с седла. И когда вновь скрипнула тетива, боржец стремительно обернулся, крутанув и своего противника. Жало влетело хартию в грудь, и тот, захрипев, обвис на руке Кейра.

– Два, – пробормотал изгнанник.

Отбросив потяжелевшее тело, риор Эли-Борга встретил риора из Эли-Харта. Дин-Брайс промчался мимо, рубанув мечом, и Райверн едва успел увернуться. А в следующее мгновение ему в плечо вонзилась еще одна стрела.

– Архон! – вскрикнул Кейр.

А на него уже вновь мчался Дин-Брайс. Кривясь, Райверн отступил за дерево, скрываясь от риора и стрелка одновременно, а через мгновение понял, что хартии прикрывали друг друга: пока нападал один, отвлекая внимание, второй менял позицию для нового выстрела. Однако следующая стрела вонзилась в дерево, и боржец успел бросить взгляд на валун – сейчас помощь Савера пришлось бы кстати. Его уже никто не учитывал, и нанести удар со спины было бы несложно, но прислужник не спешил к хозяину, он даже не следил за сражением, словно ему было всё равно, что случится с его риором. И Райверн вдруг отчетливо осознал, что не выстоит. Его нашьпигуют стрелами раньше, чем он доберется хотя бы до одного из двух противников. И все-таки сдаваться он не спешил...

Ожесточенный звон стали заполнил пространство, разлился в воздухе леденящей волной неотвратимого конца. Мужчина и женщина метались в ужасающем смертельном танце. Альтор уже забыл, что сражается с женщиной, перед ним был воин, безжалостный и умелый. Лиори не уступала хартию в силе, превосходила в ловкости, и упорства ей было не занимать. Женщина?! Кто назвал это порождение Архона женщиной?! О нет, ратник не видел перед собой женщины и уж тем более не видел благородной лейры. Напротив него был враг, опасный враг, которого больше нельзя было недооценивать.

Лиор Бриар когда-то обещал дочери, что откует из нее клинок, которому не смогут противостоять, и он сдержал свое слово. Альтор мог вспомнить не так много случаев, когда схватка

давалась ему тяжело. Впрочем, именно сейчас ему вспоминать было некогда, потому что легкая и подвижная лиори не давала ему ни секунды отдохновения. Она нападала, нападала и нападала, вынуждая защищаться раз за разом. И глаза рукояти-варлаха, поблескивавшие на солнце двумя кусочками льда, казались такими же живыми, как глаза хозяйки клинка, полыхавшие голубым пламенем.

– Да человек ли ты?! – воскликнул Альтор, понимая, что уступает женщине.

– А как ты считаешь, ратник? – с хищным оскалом спросила Перворожденная, подныривая под меч противника.

Альтор не ответил. Ему было не до разговоров, потому что она, увернувшись от его попытки напасть, вновь пошла на воина, играя своим клинком, словно они и не дрались на смерть, а развлекались в учебной схватке. Альвия бросила короткий взгляд на ратника, всё еще пытавшегося выбраться из-под тела лошади, после отбила выпад своего противника и посмотрела вдаль, но толком не поняла, что там происходит. Воспользовавшись ее заминкой, Альтор напал, но Перворожденная отклонилась, пропуская над собой меч, извернулась по-кошачьи, и вновь оказалась перед ратником, готовая к продолжению схватки.

Хартий вдруг подумал, что, пожалуй, за эти сутки он впервые готов признать свое поражение. Рандиры, хоть и умные, но все-таки звери. Они были хитрыми, но людей в хитрости не превзошли, и часть отряда все-таки уцелела. Болото, как ни заманивало путников, но стоило отвлечься на иные события, и на огни уже перестали обращать внимание. А сейчас женщина, самая обычная женщина из плоти и крови, каких было немало в жизни смерда, сумела сделать то, что не удалось рандирам и болотным духам – она заставила его ощутить дыхание Смерти.

Альвия стиснула зубы и подумала, что пора заканчивать эти танцы с хартием, и она усилила напор. Дар рода бушевал в ее крови, но для нападения хватало выучки и опыта. Бесконечные занятия на арене с отцом, две войны, а после ежедневные упражнения с литами сделали свое дело. Мастерство лиори Эли-Борга было неоспоримо. Ее риоры не проводили столько времени на арене, как их госпожа. «Ты должна превосходить мужчин, ты должна быть над ними». Этот завет Альвия не забывала ни на миг, и в эти мгновения, когда не менее опытный воин противостоял ей, она была все-таки сильнее.

Она могла бы закончить поединок, честно выиграв его, потому что противник уже выдыхался, но времени не было, и Альвия изменила тактику. Отбив выпад ратника, лиори ослепила его ударом локтя в лицо, после ударила коленом в пах, и когда Альтор повалился на колени, взметнула меч и рубанула по шее. Голова воина, пережившего страшную ночь, покатилась по земле, и когда остановилась, на Альвию посмотрели удивленные стекленеющие глаза.

– Ты был неплохим воином, но из двух врагов один должен умереть. Сегодня – это ты, хартий, – произнесла лиори.

Перворожденная оглянулась, отыскивая лошадь, и встретила взглядом с Савером, уже покинувшим свое укрытие. Прислужник подошел ближе и следил за Альвией из-за дерева. Лиори поджала губы, но не стала ни звать его, ни прогонять обратно за камень. Здесь опасности для Савера уже не было, а Кейру помощь была необходима, и, подхватив голову ратника, женщина направилась к коню, щипавшему пожухлую траву неподалеку.

– Савер! – прислужник вздрогнул, и Перворожденная указала ему на последнего ратника, прижатого телом лошади: – Добей! – После вскочила в седло и, подстегнув скакуна, помчалась к Райверну...

Дин-Брайс улыбался. Он по достоинству оценил тактику рандиров, в одиночку противостоять ей было невозможно. Предатель метался вокруг дерева, прикрываясь им, и это было единственным, что еще помогало ему выжить. Ненадолго... Хартии кружили вокруг истекающего кровью изменника, и он едва успевал отбиваться от меча Брайса, и тот уже несколько раз задел противника, правда, прорезал только одежду, но крови хватало и от ран, оставленных стрелами.

Райверн перекинул меч в левую руку, потому что правая уже плохо слушалась его, стиснул до боли зубы, но продолжал отчаянное сопротивление, больше растягивая время, чем надеясь на победу. Если бы не раны... Кейр мотнул головой, пытаясь убрать с глаз влажную от пота прядку, и мир поплыл перед его глазами. Изгнанник прикусил губу, ощутил привкус крови на языке и ощерился, возвращая себе ясность мысли.

– Со мною Боги, – прохрипел он и бросился на высокородного хартия.

Дин-Брайс отбил удар клинка. И тут же новая стрела влетела в бедро боржца, утратившего свою ненадежную защиту. Кейр вскрикнул, но не обернулся, он попытался достать лошадь Брайса, но мир вновь поплыл перед взором, подернутом пеленой боли, и меч полоснул по воздуху, так и не добравшись до скакуна. От слабости накатила тошнота, и Райверн покачнулся. Хартий криво усмехнулся, занес свой клинок над предателем...

– Лови!

Женский вскрик был так резок и неожидан, что Дин-Брайс невольно обернулся, и что-то ударило его в плечо, отскочило и полетело под копыта коня. Риор посмотрел вниз и встретился с пустым взглядом мертвых глаз Альтора – головы Альтора... Риор стремительно обернулся, но увидел лишь черноволосую женщину с глазами слишком яркого голубого цвета. Ни Филис, ни Фрэм не гнались за ней, и только голова Альтора была свидетельством того, что он лишился еще трех ратников. А еще через мгновение Брайс полетел на землю, схваченный за ногу неожиданно сильной рукой раненого противника.

– Перед лиори принято склоняться, – ощерился боржец, навалившись на высокородного.

Меча в его руке не было, как не было его и в руке Дин-Брайса. Клинок вылетел из ладони риора во время падения, и предатель оттолкнул его ногой в сторону от хозяина. Райверн накрыл горло хартия локтем левой руки и перенес на нее весь свой вес, понимая, что на большее его сил сейчас не хватит. Он давил врага, глядя ему в глаза немигающим взглядом, а где-то неподалеку уже звенела сталь скрещенных клинков. Альвия вступила в схватку, взяв на себя лучника.

Дин-Брайс в панике шарил по земле рукой, пытаясь нащупать меч. До ножа ему было не добраться, он оказался под телом боржца. Вывернуться никак не получалось, рука противника налилась каменной тяжестью, и он явно не собирался выпускать риора из ловушки.

– Ли... ори, – просипел Брайс.

– А ты думаешь, кого так неистово хочет поймать этот вероломный ублюдок, твой господин? – хрипло усмехнулся Кейр.

– Она пропала...

– Ты ее нашел, – зрачки Райверна расширились, и он с неожиданной жадностью ловил каждый сдавленный вздох хартия. – А ты думал, среди нас я самый опасный? Конечно, думал, потому и сосредоточился на мне и тем дал ей возможность забрать твоих воинов, одного за другим.

– Я... ис...правляюс-сь, – ответил Дин-Брайс, ощущая, как начинает темнеть в глазах. Еще несколько мгновений, и он больше не сможет сделать ни одного вдоха...

Пальцы хартия нащупали самый кончик рукояти. Брайс зажмурился изо всех сил и попытался подтянуть клинок ближе. Наконец, ему это удалось, и риор сжал рукоять. Размахнулся из последних сил и ударил божца в висок. Удар вышел слабым и смазанным, но Кейру, покрытому кровью от нескольких ран, этого хватило, и он повалился на бок. Давление на горло исчезло, Дин-Брайс с хрипом вдохнул полную грудь воздуха и отчаянно закашлялся.

Он откатился от Райверна. Хартий встал на четвереньки, помотал головой, избавляясь от черных мушек перед глазами, и поднялся на ноги. И первое, что увидел риор – это тело своего последнего лучника, свесившегося с седла. Мгновение, и он полетел на землю, а его убийца, спрыгнув с коня, уже направлялась к Дин-Брайсу, покручивая в руке окровавленный меч. А еще через мгновение слух высокородного коснулся хриплый смех раненого противника. Он

обернулся и увидел, что боржец сидит, прислонившись спиной к дереву, и смеется, глядя на него.

– Тебе выпала честь умереть от рук самой лиори Эли-Борга, хартий, – произнес изгнанник. – Помолись, у тебя осталось не так много времени.

– Заткнись! – рявкнул Дин-Брайс.

Он перехватил меч и направил острие в открытую грудь боржца. Тот смотрел на врага, не отворачиваясь и не мигая, только на губах продолжала играть кривоватая насмешливая ухмылка.

– Во славу моей госпожи, – произнес изгнанник и развел руки в стороны.

– Пусть пожрут тебя твари Архона, предатель, – ответил хартий, и острие помчалось вниз...

Скрежет стали резанул слух, и Брайс порывисто повернулся. Он встретился взглядом с лиори, сузившей глаза:

– Он мой, хартий, – надменно произнесла повелительница Эли-Борга. – Не тебе, пес, забирать его жизнь. – И она оттолкнула меч риора.

Кейр снова ухмыльнулся, по-прежнему насмешливо глядя на высокородного.

– Зря не помолился, риор, времени у тебя не осталось, – заметил Райверн.

– Отдыхай, Райв, – кинула ему Альвия, надвигаясь на своего нового противника. – Я скоро.

– Не спеши, сердце мое, я пока полюбуюсь на тебя, – ответил ей изгнанник и покривился, вдруг ясно ощутив боль от ран.

Хартий отступал, держа перед собой меч. Он пытался оценить женщину, угрожавшую ему, и никак не мог увидеть в ней опасного противника. Даже осознание, что она лишила его остатков отряда, выехавшего из ворот Брайса, не помогало разглядеть в ней опасность. Женщина, как женщина, только с мечом, залитым чужой кровью. На самой лиори было всего несколько порезов, но она их, кажется, вообще не замечала. И только лишь ярко-голубые глаза по-прежнему наводили оторопь. Где-то на границе сознания риор помнил, что у боржской правительницы должны быть серые, как лед, глаза, и это не позволяло до конца уверовать, что перед ним та самая исчезнувшая Альвия Эли-Борг. А еще было как-то нелепо нападать с оружием на женщину. Вайрига всегда учили, что нет доблести в убийстве слабого...

Ее бросок был стремителен и даже неожидан. Дин-Брайс едва успел отбиться, и Перворожденная продолжила свое стремительное наступление. А когда лезвие ее клинка разрежало ремешки доспехов на плече, ослабив их, хартий перестал видеть перед собой женщину. Перед ним был опасный противник, умело использовавший свое преимущество в сложении и весе. Более подвижная, более юркая, с сильным телом и уверенными движениями. И сейчас легко верилось, что она могла убить не только сопляка Филиса, но даже одного из его лучших ратников – Альтора, чья голова наблюдала за поединком равнодушным взглядом.

Дин-Брайс пытался нападать первым, и у него это получалось, но ненадолго. Он даже дотянулся и оставил сочащуюся кровью рану на бедре лиори, но тут же получил взамен такую же на предплечье и на лице. Хартий схватился за щеку, и вновь услышал хохот боржца.

– А ты думаешь, кто меня так разукрасил?! – весело воскликнул Кейр.

– Архон, – выругался Брайс и в слепящей ярости бросился на Перворожденную.

– Злиш-шься, – ее слова вырвались язвительным шипением. – Злишь, хартий, злис-сь.

И тут раздался крик, неожиданный, но вселивший надежду в сердце хартийского риора:

– Хозяин!

Дин-Брайс отбил от лиори и бросил взгляд себе за спину. К нему на выручку скакал Фрэм. Альвия поджала губы, разглядев вдалеке фигуру Савера, бредущего в сторону поединщиков. Он не добил ратника, придавленного лошадью, и теперь тот мчался к ним на коне одного из мертвецов, чьи тела остались лежать там, где их настиг клинок лиори.

Райверн потянулся за своим мечом и приподнялся, готовый вступить в схватку с появившимся воином. Савера он тоже увидел и подумал, что теперь их больше. Должно быть, о том же подумал и высокородный Эли-Харта. Он махнул рукой ратнику и заорал:

– Фрэм! Гони в город за подмогой!

– Хозяин, вы один!

– Я сказал, в город! Скажи, враги лиора обнаружены! Скажи...

И крик оборвался. Он перешел в бульканье, когда острое меча Альвии вырвалось из горла риора.

– Архон! – вскрикнул ратник и подстегнул своего коня, направив его прочь от места, где пал отряд риора Дин-Брайса вместе с самим риором.

Лиори выдернула меч, и ее противник повалился лицом вниз, содрогаясь в агонии. После вогнала клинок в землю наполовину, вытащила его и покачала головой. Альвия приблизилась к поверженному врагу, нагнулась, подхватила край его плаща и протерла меч. Затем подняла взгляд на Райверна и стремительно приблизилась к нему.

– Ты восхитительна, сердце мое, – вымучено улыбнулся он. – А я что-то сплоховал. Всего двое, и самого напичкали стрелами.

Лиори короткое мгновение смотрела ему в глаза, вдруг сжала лицо ладонями и накинута на его губы, впервые за всё время сама целуя с жадностью и ожесточением. Кейр охнул от неожиданности, после обнял Альвию здоровой рукой и прижал к себе. Но она отстранилась и отрывисто бросила:

– Время уходит. Раздевайся. Живо!

Она помогла изгнаннику избавиться от камзола, затем разрежала на нем рубаху и спустила ее с плеч. Оглядела раны и, удовлетворенно кивнув, разрежала подушечку на указательном пальце. Райверн смотрел, не отрываясь, как она прикрыла глаза и зашептала. Он не вслушивался в слова, только следил за тем, как шевелятся ее губы, и думал о недавнем поцелуе. И когда она провела окровавленным пальцем по ранам, изгнанник тоже едва заметил, потому что смотрел на черноволосую макушку, склонившейся головы.

– Открой рот, – приказ донесся откуда-то издалека, и Кейр не сразу уловил его смысл.

Альвия сама нажала ему на подбородок, вынуждая открыть рот, после спедила несколько капель своей крови на язык риора, и он не удержался, сжал губами палец и коснулся его языком. Лиори на миг замерла, глядя на Райверна широко распахнувшимися глазами, наконец, судорожно вздохнула и вытянула палец из его рта.

– Не хулигань, – хриловато попросила она.

– Ты вкусная, – улыбнулся Кейр. – Не смог удержаться.

Лиори снова вздохнула и опять прижалась к его губам. Запустила руку в волосы, сжала их в кулаке и, постанывая, продолжила поцелуй, скользнув языком между приоткрытых губ. Райверн сжал тело Альвии в объятьях, притиснул к себе, но тело тут же возмутилось, отомстив вспышкой боли. Риор вскрикнул, и это отрезвило женщину. Она отстранилась, и Кейр с сожалением открыл глаза. Он скользнул взглядом по ее лицу, но тень, возникшая за спиной Перворожденной, привлекла внимание изгнанника. Глаза его расширились, и риор рванул вперед, оттолкнув лиори в сторону.

– Не смей! – яростный рев оглушил Альвию.

Она повернула голову и увидела, что Райверн схватил Савера за запястье. Нож, сжатый в ладони прислужника уперся острием в грудь риора, скользнул вниз, оцарапав кожу, и глаза Савера округлились.

– Хозяин, – пробормотал он. – Хозяин...

А в следующий момент нож выпал из ослабевших пальцев, тело Савера затряслось, и он повалился на землю, продолжая содрогаться в конвульсиях. Кейр поморщился, бросил взгляд на лиори и сжал горло верного слуги...

– Стой! – рявкнула Альвия.

– Это уже не Савер, – мрачно ответил риор. – И если он очнется...

– То снова попытается убить меня, – кивнула лиори. – И все-таки я опять попробую дать ему свою защиту.

– Скоро здесь будут городские ратники. Надо убираться.

– Отлови лошадей, а я займусь своим делом, после покинем это место, – произнесла Перворожденная. – Только нас всё равно нагонят. Теперь преследователей будет больше, и в следующий раз мы можем не отбиться.

– Пойдем под землю, – ответил изгнанник. – Выбор не велик, где умирать. Но, может, дайр-имы еще не закрыли для меня проход, и тогда мы выйдем там, где нас не ждут. Возле Солнечного родника должен быть вход в туннель. Это не так далеко отсюда. Что скажешь?

Альвия обернулась, встретила с ним взглядом и кивнула.

– Ты прав. Мы попробуем подземный путь. Лови лошадей.

Вскоре они уже мчались прочь от места, где нашел свой последний покой отряд риора, желавшего получить награду от лиора Эли-Харта. Райверн вез на своей лошади прислужника, чья тряска прекратилась после того, как Перворожденная провела свой маленький ритуал, но в себя он пока так и не пришел. Кейр бросал короткие взгляды на Альвию, скакавшую рядом.

– Я верну тебя домой, Али, – произнес он. – Чего бы мне это ни стоило.

– Я знаю, Райв, – ответила лиори. – Я знаю. – И неожиданно тепло улыбнулась.

Глава VI

Река, огибавшая холм, на котором гордо возвышался замок Бьен, носила странное название – Гадюка. Впрочем, столь неблагозвучному названию имелось объяснение. Во-первых, тело ее извивалось на всем протяжении от истока до устья, а во-вторых, несмотря на относительно небольшую ширину и неспешное, на первый взгляд, течение, Гадюка была коварна. И коварство ее заключалось в иллюзии, обещавшей небольшую глубину неосторожному путнику. И тот, уверовав в наличие брода, вскоре понимал, как обманулся. Гадюка была глубока, и течение у дна было стремительным. Бедолагу затягивало вниз и несло навстречу его гибели. Редко кому удавалось вырваться из ловушки. Местные жители относились к Гадюке с настороженностью и уважением, а род Дин-Бьен не скрывал к ней своей любви. Именно она не раз спасала замок во время осады. Впрочем, уже лет двести захватчики не забирались так далеко на земли Эли-Борга, но ведь до этого бывало всякое! И риоры со своими людьми, стоя на крепостной стене, наблюдали, как враги исчезают под речной водой, сами захваченные в плен холодными водами Гадюки.

Сейчас не было врагов, но мост через реку всё равно был поднят, и на стенах стояли стражи, вглядываясь вдаль. Нежданный гость риора Дин-Бьена был важной персоной и нуждался в защите. А после его повествования хозяин замка приказал:

– Без моего ведома замка никому не покидать, и никого не впускать, пусть даже пришелец угрожает именем лиори.

Друг и советник покойного лиора был верным слугой своего господина, и исчезновение его дочери и новой повелительницы Эли-Борга переживал, как личную трагедию. Он давно отошел от дел и покинул Борг, как только лиори встала на ноги и утвердилась в своей власти, но от этого не перестал быть верноподданным. И когда перед воротами замка объявился маленький отряд, во главе которого ехал Тиен Дин-Таль, риор Олафир лично вышел встретить адера, как только услышал имя гостя. Высокородный ожидал добрых вестей, но то, что он услышал, потрясло его.

– Вы мне не верите, – невесело усмехнулся Дин-Таль, глядя на то, как хозяин замка постукивает пальцами по поверхности стола, за которым они вели беседу.

Слуги уже унесли яства, но остался кувшин с вином, и Олаф сам наполнял кубки. Кроме них двоих в трапезной никого не осталось. У дверей снаружи стояли литы, и можно было оставаться уверенными в том, что риоров никто не подслушает. Впрочем, об этом Дин-Бьен не переживал, его слуги не были любопытны. Все они служили своему хозяину много лет, и новых лиц в Бьене не было, если не считать адера с чародеем лиори и ее литов.

– Я понимаю, – продолжил Тиен. – Даже те, кто знал меня много лет, не спешат доверять мне. Я не в обиде. Признаться, и я не до конца доверяю вам, потому что сейчас невозможно понять, кто друг, а кто враг. И все-таки я приехал к вам, чтобы получить совет и поддержку.

Олаф медленно кивнул, но отвечать не спешил. Он смотрел на адера и невольно раздумывал над словами Бриара, сказанными когда-то об этом молодом мужчине. Тогда риор Дин-Бьен в душе был не согласен с другом и господином, считал, что он недооценивает парнишку, и тот в своем усердии и прилежании намного серьезней своего шального друга, даже радовался, когда Альвия возвысила Тиена. Но сейчас, когда перед ним сидел, может и не сломленный, но растерянный мужчина, Дин-Бьен осознал – лиор Эли-Борга не ошибался. Дин-Таль оказался не способен принять самостоятельного решения, ему нужен был советчик, и он выбрал того, кто некогда был первым советником. Жаль, лиор не смог разглядеть Дин-Кейра...

Коротко вздохнув, Олаф сказал:

– Значит, в Борге засел сподвижник Тайрада.

– Да, – кивнул адер. – Он там и продолжает плести свою паутину. Правда, до тех пор, пока не будет обнаружено тело нашей госпожи, или же не пройдет необходимого времени, чтобы признать ее погибшей, кукла Тайрада не сможет занять трон. Даже если советники примут необходимое Эли-Харту решение, соседние риораты откажутся признавать ставленницу горца.

– Да, это не в их интересах, – согласился Дин-Бьен. – Но если Эли-Харт уймет свою жадность и решит поделиться куском сытного боржского пирога, соседние лиоры признают лейру Дорин раньше положенного законами срока. Эли-Борг растащат на части, и боржцам останется покориться, потому что отстоять их будет некому.

– Ирэйн не глупа, – заметил Дин-Таль. – Наивна в силу своего возраста, но не глупа. Со мной неплохо придумала, это я вынужден признать, даже несмотря на всю силу моей неприязни. Согласитесь, составить свой собственный заговор под носом двух Перворожденных, это показатель отнюдь не глупости. Не знаю, насколько ей бы удалось убедить меня в целой цепи случайностей, которые свели бы меня с ней на дороге, но идея была хороша. Однако она не учла двух вещей. Первая – Тайрад ни за что не отпустил бы ее в Эли-Борг до тех пор, пока не было бы принято решение о приглашении последней Борг, если бы ему удалось задуманное, а значит, и наша «случайная» встреча откладывалась настолько, что Стин уже уморил бы меня. А вторая – сам Стин. Он верен хозяйке, но слишком болтлив в силу возраста и одиночества. Я быстро дознался до правды. Простодушный дуралей, думая, что помогает хозяйке, только выболтал все ее секреты. Но к чему я веду... Лейра успела выкрикнуть в темнице, куда явилась ко мне, что не собиралась быть куклой Тайрада. Отсюда я делаю вывод, что у нее были собственные намерения, которые не учел Эли-Харт. Впрочем, к ней приставлен чрезвычайно красивый риор, так что, думаю, Тай не просто так отправил его телохранителем с супругами Дорин. Скорей всего, ему отведена роль любовника лейры и ее пут, которые будут держать девчонку под строгим надзором. Но Ирэйн, как я уже говорил, юна и наивна. У нее нет жизненного опыта, чтобы сделать нужные выводы, так что, несмотря на свой ум, она запутается в сетях Тайрада и собственные намерения так и останутся намерениями.

– На месте Эли-Харта я бы дал ей родить, а после убрал с дороги, – усмехнулся Олаф. – Это самое разумное. Тогда при младенце останется его отец до тех пор, пока малыш не достигнет необходимого возраста, чтобы взять бразды власти в свои руки.

– Дин-Дорину никогда бы не позволили управлять, – отозвался Дин-Таль.

– А этого не нужно, – Дин-Бьен наполнил кубки. – Во-первых, в управлении Эли-Боргом уже есть соратник Тайрада, а во-вторых, воспитать младенца ярим приверженцем Эли-Харта совсем несложно. К тому же поменять всех верных лиори людей труда не составит. И, когда во главе риората встанут выкормыши горца, он заполучит Эли-Борг без всякой крови и лишних сложностей.

– Не считая соседей, – усмехнулся адер.

– И этот вопрос решается просто, главное, пережить муки врожденной жадности Эли-Харта.

– Но Альвия жива, и она возвращается, – неожиданно резко произнес Тиен. – Им не удастся повернуть всю эту мерзость. Ферим чувствует ее, но не может определить, где находится лиори.

– И это лучшая новость, которую вы могли принести, – Олаф откинулся на спинку своего стула и поднял кубок со стола. – Пусть Боги не оставят нашу госпожу в ее долгом и опасном пути домой. Если у нее есть помощник, я желаю, чтобы милость Всевышних досталась и ему.

Дин-Таль устремил взгляд в камин. Он некоторое время рассматривал пляску огненных языков, но перед внутренним взором адера вставало иное видение. Юный риор, чьи волосы на солнце отливают задорной рыжинкой. Его нрав такой же буйный, как ревущее пламя. Он мог разжечь общее веселье так же легко, как искра, упавшая на сухую солому. Его взгляд,

полыхающий жаром затаенного чувства. И когда этот взор касался черноволосой девицы, в ее глазах начинало плясать пламя, отражающее силу костра, распаленного ею в душе юного риора.

– Да, у нее, несомненно, есть помощник, – чуть хрипловато произнес Дин-Таль. – Без его помощи ей не удалось бы освободиться. Наша госпожа – прекрасный воин, но и ей не под силу одолеть весь Эли-Харт.

– Знать бы еще, кто он, – задумчиво ответил Олаф. – Неожиданно, но приятно, что у лиори нашелся союзник там, где всё кишит врагами. Хвала Богам, – и он поставил опустевший кубок на стол.

Адер поднял взгляд на хозяина замка и вымучено улыбнулся:

– Разве вы не знаете его имени, риор Дин-Бьен? – тот вопросительно приподнял брови, и Тиен усмехнулся: – Отбросьте сомнения, мой дорогой риор, и взгляните в глаза истине.

Олаф поджал губы и потер подбородок, после подался вперед и вопросительно заглянул в глаза Дин-Талья. Тот покачал головой и вздохнул.

– Неужели вам никто не приходит в голову?

– Признаться, нет, – ответил тот немного раздраженно. – Мне подумалось, что это кто-то из шпионов лиори, живущих при дворе Эли-Харта, но откуда мне знать их имена? Это, скорей, в ведении Дин-Вара, но не бывшего советника на покое.

Тиен хмыкнул и подался навстречу Дин-Бьену, уместил руки на столе и сложил ладони.

– Вы просто не желаете видеть очевидного, – произнес адер. – При дворе Эли-Харта только один боржец настолько близок к Тайраду, что смог бы вмешаться в его планы и не дать убить нашу госпожу. Вы прекрасно знаете его, риор Дин-Бьен.

Олаф с минуту сверлил тяжелым взглядом Дин-Талья, наконец, глаза его полыхнули гневом, и ладонь тяжело опустилась на стол, вынудив кубок дрогнуть.

– Невозможно! – хозяин замка мотнул головой. – Этого не может быть. Убийца и изменник не станет спасителем преданной им лиори. Его хозяин приказал убить отца, так почему же продажная тварь станет щадить дочь? А если он это сделал, то только для того, чтобы присвоить себе женщину, которую потерял из-за предательства. Впрочем, я уже давно не верю в искренность его любви. Пес сумел обвести вокруг пальца Бриара, и обмануть наивную девочку ему ничего не стоило тем более. Нет, Тиен, это не может быть он.

Дин-Таль вдруг ощутил, что начинает злиться. Опять! Опять слепец, который не увидел дальше того, что ему показали! Сейчас, когда Тиен снял с глаз шоры, взглянул в глаза правде и признал неприглядную суть всего произошедшего с ним, он отказывался понимать эту жгучую ненависть к юнцу, который всегда был на глазах, который рос и наливался силой рядом с теми, кто после осудил его. Хорошо, Альвия была ослеплена горем, она не успела уверовать в любовь своего избранника и усомнилась в ней. Но это неискушенная девица, потерявшая обожаемого отца! А где были глаза и разум первого советника? Как он позволил закрыть себе взор туманом ложного обвинения?! И адер не выдержал.

Он поднялся со стула, едва не уронив его на пол, прошелся по трапезной, стараясь взять себя в руки, наконец, порывисто обернулся к Дин-Бьену и воскликнул:

– Да кто вам сказал, что Райв предал?!

– Доказательства были неоспоримы! – не менее резко и категорично ответил бывший советник. – Госпожа приняла их, и никто не смог опровергнуть! Да и некому было это сделать, – уже тише продолжил Олаф. – Предатели действовали вдвоем, а если у них и был сообщник, то он бы и не стал себя открывать.

Тиен несколько мгновений сверлил тяжелым взглядом Дин-Бьена, после заставил себя не горячиться и вернулся за стол. Он отпил из кубка, чтобы промочить горло и собраться с мыслями. Затем отставил его и вновь сложил руки на столе.

– Хорошо, пусть так, – кивнул адер. – Предположим, что Райверн помог Ройфу проверить это гнилое дельце и убил господина. Но теперь задайтесь вопросом – зачем ему было

предавать лиора? Его любовь к Альвии не может подлежать сомнению, и это говорю вам я – ее второй избранник и жених, я – вечный соперник Райва Дин-Кейра. Он не сводил с нее глаз в детстве, бредил ею в отрочестве и в молодости грезил лишь ею. Он отгонял от лейры Борг каждого, кто смел смотреть на нее с интересом, охранял, как цепной пес сокровище хозяина. Уже исходя из этого, ответьте, зачем ему убивать отца своей возлюбленной, понимая, что тогда потеряет всякую надежду?

– У него не было уверенности в том, что он окажется избран лиором. Все-таки Первожденная не простая лейра, к которой может посвататься каждый.

Дин-Таль медленно выдохнул и криво усмехнулся:

– Он знал точно, что будет избран, – произнес Тиен, глядя в глаза бывшему советнику. – Мы оба это знали, потому что случайно подслушали ваш разговор с господином, когда он сказал, что выбрал для Альвии Райва. Я видел его взгляд, там не было ни досады, ни высокомерия, ни гордости, только мечтательность и счастье. А после этого он поспешил к Альвии. В тот день не только отец, но и дочь дали риору Дин-Кейру крылья. Он летал, а я готов был перегрызть ему глотку за его счастье. И теперь скажите мне, Олаф, зачем счастливейшему из смертных нужно было рыть себе могилу?

– Он не ожидал, что его застанут, – возразил Олаф, – и тем более не ожидал, что это окажется сама Альвия.

– Зачем?! – прогрохотал адер. Он приподнялся со стула и навис над столом. – Зачем ему было убивать своего благодетеля и отца возлюбленной?! Ройф был обижен на лиора, он считал, что тот обделил его милостью. Его измена закономерна, но зачем Райверну смерть господина?

– Возможно, он надеялся так быстрее прийти к власти. После смерти отца трон должна была занять Альвия. Мне была известна последняя воля Бриара, лиори с радостью бы приняла ее и вышла замуж за Кейра. И он бы стал не мужем лейры Борг, а супругом лиори Эли-Борг. А это большая разница, Тиен. Может, он и не был связан с Тайрадом, но воспользовался Ройфом, чтобы приблизить правление своей будущей жены.

– И это не возвысило бы его больше, чем при жизни лиора, – устало ответил адер, вновь опускаясь на стул. – Он получил бы должность адера, принимал бы участие в Совете, что при господине, что при госпоже.

– Но Альвия могла бы больше прислушиваться к своему мужу...

Тиен ощутил почти бессилие. Бывший советник легко опровергал его доводы, и даже сам Дин-Таль начал задумываться о том, что мог ошибиться. Однако мотнул головой, отгоняя сомнения. Они могли завести на прежний ложный путь, а адер был уверен, что предательство Райверна – это тупик, и он ни за что не хотел вновь уткнуться в него. Нужно было решение и, чтобы подойти к нему, необходимо очистить взор Дин-Бьена от прежней мути. Набравшись терпения, Тиен улыбнулся.

– Ну, хорошо, Олаф, вы упорно не желаете видеть очевидного. Тогда зайдем с другой стороны, со стороны свидетельства в пользу Райверна Дин-Кейра, которого не состоялось восемь лет назад. – Нет, ему не хотелось сознаваться в собственной слабости, но от этого зависело намного большее, чем его честь, и Дин-Таль решил не быть малодушным. Хотя бы сейчас... – Итак, риор Дин-Бьен, я свидетельствую в пользу изгнанного риора, признанного предателем. – Взгляд хозяина замка стал вопросительным. – Вы не ослышались, я – свидетель невиновности моего друга и побратима, оставленного мною в трудную для него минуту. И пусть это свидетельство запоздало на восемь лет, но лучше уж поздно, чем никогда. Тот вечер мы провели с ним вместе, и Ройф явился, когда мы разговаривали. Появление опального риора, которому надлежало покинуть Эли-Борг, стало неожиданностью для нас обоих. При мне Ройф уговаривал Дин-Кейра испросить у лиора позволения принять его. Уговоры длились долго, больше четверти часа. Райверн отказывался, Ройф умолял. Он был настойчив, вцепился, как клещ, и, наконец, вынудил Кейра дать согласие. Впрочем, Райв согласился лишь узнать, готов

ли вообще господин разговаривать с изгнанником, и велел дожидаться на улице. Уходил Райверн один, Ройф оставался со мной, но, когда Кейр отошел, тот поспешил за ним. Я видел, как стража пропустила предателя, наступавшего на пятки своему посланнику, должно быть, решили, что они вместе. Что было дальше, я не знаю, но могу уверить, что на лице Кейра была лишь досада, когда он согласился сходить к господину.

Дин-Бьен не спешил ответить. Он поднялся из-за стола, приблизился к камину и подбросил туда подготовленные дрова. После обернулся и посмотрел на адера.

– Это не доказывает невиновность Кейра. Стражи у покоев были убиты. Их было двое, убийц тоже двое. Лиор доверял Райверну, потому легко подпустил его к себе. Они могли разыграть перед тобой уговоры и досаду, после же воссоединились и вошли в покои, чтобы убить господина.

– Или стража в дверях усадьбы была подкуплена, – глухо произнес Тиен. – Вы забываете, что предатель прошел несколько постов в то время, когда Кейр находился рядом со мной. Ройфа провели в угоidia, направили к тому, кто пользовался благоволением лиора, и использовали, зная, что мальчишка парит в облаках. После прикрылись, как щитом, выставив виновным...

– Если бы он был невиновен, он бы вернулся, а предатель побежал прятаться к своему заступнику...

– Он возвращался, – оборвал Олафа Дин-Таль, и бывший советник с удивлением посмотрел на адера. Тот болезненно pokrивился, сам налил себе вина, выпил его залпом и продолжил: – Еще один мой грех. Райверн писал мне, как только его раны позволили ему передвигаться. Он ждал меня в Боргграде, но мне не хватило ни смелости, ни благородства подойти к нему. Вместо этого я отправил к нему прислужника из Борга, чтобы тот передал Кейру кошель с деньгами. Старик вернул мне кошель, отдав Райву всего несколько монет. Слуга посчитал риора за нищего бродягу, за увечного калеку-попрошайку. Только после этого Кейр ушел к Эли-Харту.

Дин-Бьен подошел к столу, оперся на него одной рукой, второй сжал подбородок и устремил взгляд себе под ноги.

– Почему же он не явился в Борг, если на нем не было вины? Мы бы выслушали...

Издевательский смех оборвал хозяина замка на полуслове. Он поднял удивленный взгляд на Дин-Таль, и тот воскликнул:

– Вы уверены в этом?! Его отец уверовал в вину родного сына, как только услышал, что лиори верит в предательство его отпрыска! Когда Райв пришел в Боргград, он уже был объявлен убийцей и изменником. Никто не пожелал разобраться, никто не хотел его слушать. Поэтому он обратился ко мне, надеясь на помощь, но вместо нее получил унижительное подаяние. – Тиен шумно выдохнул и усмехнулся: – Я много думал обо всем этом и понял, что истинный предатель использовал Райва, чтобы отвести от себя подозрения. Паук остался рядом с лиори и продолжил плести паутину, в которой запуталась Альвия и едва не погибла, как того желал Тайрад. Но она жива, и я уверен, что спас ее именно Кейр. Он не забыл ее, и это ясно показал, когда прибыл в Борг с посольством. Если до оглашения моего имени, как избранника, он еще как-то держался, то после сорвался. Это Райверн утер нос Тайраду и отнял обреченную жертву, теперь я в этом даже не сомневаюсь. Только он на такое способен, больше никому.

– Значит, не забыл, – вновь задумчиво протянул Дин-Бьен. – Тогда лиори может находиться в его замке...

Дин-Таль бросил насмешливый взгляд на бывшего советника и не удержался от вопроса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.